

Московская Коллекция

Александр
ПРОХАНОВ

ПОЛИТОЛОГ
[роман]

Александр Андреевич Проханов
Политолог
Серия «Московская коллекция»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17895631
Политолог: роман: Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-05971-0

Аннотация

Политологи и политехнологи – это маги и колдуны наших дней. Они хотят управлять стихиями, которыми наполнено общество. Исследовать нервные ткани, которые заставляют пульсировать общественные организации и партии. Отыскивать сокровенные точки, воздействие на которые может приводить в движение огромные массивы общественной жизни. Они уловили народ в сотканные ими сети. И народ бьется в этих сетях, как пойманная рыба. Но однажды вдруг случается нечто, что разрушает все хитросплетения политологов. Сотканные ими тенета рвутся, и рыба в блеске и гневе вырывается на свободу...

Герой романа «Политолог» – один из таких современных волшебников, возомнивших о своем всеисилии. Но повороты истории превращают в ничто сотканные им ловушки и расплющивают его самого.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	71
Глава 8	82
Глава 9	92
Часть вторая	103
Глава 10	103
Глава 11	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Александр Андреевич Проханов

Политолог

Роман

© Проханов А. А., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2016

*Если я скажу вам одно из слов, которые Он сказал мне, вы
возьмете камни, бросите в меня, огонь выйдет из камней и сожжет
вас.*

Евангелие от Фомы

Часть первая Пахарь

Глава 1

Михаил Львович Стрижайло, сорокалетний, статный, в легком весеннем плаще, двигался в тесной колонне, среди красных знамен, транспарантов. В его темных, чуть нависающих, глазах перламутрово переливались синее небо, прозрачная зелень лип, огненный поток демонстрантов. Прямой, с маленькой, сладострастной горбинкой нос жадно вдыхал запах сырой гвоздики. Сочные свежие губы слегка шевелились, с улыбкой подхватывая слова революционной песни. В петлице пламенел алый бант, который делал его не гостем, не соглядатаем, а участником марша оппозиции, отмечавшей свой коммунистический Первомай.

Колонна зародилась из огромного медлительного водоворота у памятника Ленину на Октябрьской площади. Вязко, мощно текла по Якиманке, к центру, к Театральной площади, где у памятника Марксу была установлена трибуна с громкоговорителями и предполагался протестный митинг. Стрижайло пытливо и весело поглядывал на окружавших его демонстрантов, на пылающие кумачи, на гневные лозунги. Возникла игривая, легкомысленно-ироничная мысль – толпа получила от бронзового Ленина письмо, запечатанное в красный конверт. Несет гранитному Марксу, который ждет послание своего единомышленника и ученика. В запечатанном красном конверте содержится ленинский план новой, четвертой по счету, революции в России.

Радостно усмехнулся своей беззлобной шутке. Преуспевающий политолог, модный политтехнолог, виртуозный манипулятор и успешный игрок, он был приглашен руководством компартии создать «стратегию победы» на предстоящих думских выборах. Использовать накопившуюся в народе «красную энергию», сфокусировать ее в плазменный луч, прожечь препоны и барьеры, возводимые лукавой властью на пути к избирательным урнам. Осенью, на сырых облаках, над изумленной страной загорится алая аббревиатура – «КПРФ».

Стрижайло шел во главе колонны, не в первом ряду, где величественно, окруженные охраной и свитой, выступали вожди оппозиции, а в четвертом или пятом, где коммунистическая элита – думские депутаты, секретари обкомов – постепенно смешивалась с рядовыми участниками шествия – московским людом, партийными активистами, неутомимыми и преданными участниками любых оппозиционных торжеств. Плотная, огненная голова кометы вытягивала за собой бесконечно длинный, размытый хвост, с астрономической точностью, четыре раза в году, повисавший над Москвой.

Рядом вышагивал, чуть прихрамывая, престарелый генерал в потертой форме, с тускло-золотыми погонами, в поблекших, но все еще горевших орденских колодках. Красный лампас сильно ломался от хромающего шага. Мужественное лицо избородили морщины и шрамы, напоминая карту военных действий то ли в районе Ржева, то ли в предместьях Кенигсберга.

– Если бы не сидели на печках, вышло бы на улицу полмиллиона, эти суки трусливые из Кремля побежали, – произнес генерал, видя в Стрижайло единоверца, нуждаясь в его солидарности.

– Ничего, – ободряюще ответил Стрижайло. – Сейчас сто тысяч, завтра двести, а послезавтра миллион. Наша задача – поддерживать в людях огонь. Чтобы свеча не погасла.

Генерал соглашался, шагал что есть мочи, благодарный незнакомому спутнику за единомыслие, веру в победу, которую пытаются украсть у народа кремлевские предатели. Стрижайло испытал счастливое веселье лицедея, неузнаваемого под театральной маской. Генерал принял его за боевого соратника, доверял сокровенную мечту. Они вместе несли ее под алыми флагами. Стрижайло с верящим вдохновленным лицом помогал генералу поддерживать священную ношу – погребальную урну с горсткой красного праха.

Впереди вышагивал знаменосец. Одутловатый, в заношенных, с чужого плеча одеждах, с перекинутой через плечо нищенской сумой, сжимал засаленное древко. Пускал по ветру огненное полотнище, которое скользило по его плечам, накрывало лицо, превращая окрестный мир в пылающее алое свечение. Отрешился от утлой каморки, мусорных баков, беспросветной, впроголодь жизни, вышел «на люди». Дышал одним с ними воздухом, выкрикивал непокорные лозунги, продлевал свою жизнь, пропитываясь алым цветом.

– Да здравствует Советский Союз! – повернул к Стрижайло одутловатое лицо в синих потеках неизлечимой болезни.

Стрижайло истово, в знак солидарности, воздел сжатый кулак. Почти уверовал в их единство, нерасторжимую общность, служение великой цели. Знаменосец, признавая в нем брата, благодарно повел полотнищем. По губам Стрижайло скользнула алая ткань, словно он поцеловал священное знамя.

Тут же усмехнулся своему тонкому артистизму. Был неотличим от других, принят в их строй, вовлечен в ритуальное шествие. Был зоркий наблюдатель, внедренный разведчик, добывающий драгоценное знание. Но если он будет опознан, если будет сорвана маска, его растерзает толпа. Затопчет в колонне, забьет деревянными древками. Пройдет по нему тысячей топчущих ног, оставляя на асфальте расплюснутую красную кляксу, какая остается от раздавленной грузовиками собаки. И от этой угрозы испытал мучительное наслаждение, тайные нелюбовь и страх к окружающим людям.

Мастер политических интриг, знаток технологий, в преддверии думских выборов он был приглашен коммунистами создать «стратегию победы». Использовать накопленный в народе протест, неутоленную ненависть, бушующее чувство реванша. Провести в депутаты максимальное число коммунистов, добиться главенства в Думе, сломать существующий курс. Он был конструктор, изобретатель «политического двигателя», который следовало разместить в потоках социальной энергии, как помещают турбину в потоках реки. Река вращает турбину, электричество питает машины и механизмы, преобразует мир материи. Энергия масс поступает в «политический двигатель», давит на избирательные урны, меняет политический курс. Он вошел в ряды демонстрантов, чтобы ощутить дуновение «красной энергии». Взять пробы топлива, которое должно раскрутить его многотактный мотор, не разорвав при этом цилиндры и поршни.

В голове колонны, окруженные охраной, двигались вожди оппозиции. Председатель компартии Дышлов, плотный, в кожаной куртке, с тяжелым затылком, ступал вразвалку, словно под ним была палуба. Из-под кепки чуть тревожно смотрели синие глаза, считали количество знамен, число телекамер, ревниво оглядывали стоящую на тротуарах толпу, скандирующую: «Дышлов!.. Дышлов!..» Толпа пыталась прорвать цепь дружинников и обменяться рукопожатиями с лидером. У Дышлова был большой утиный нос на широком белом лице, делавший его похожим на снеговика. Это располагало к нему, прибавляло народности. Стрижайло думал, как использовать в наглядной агитации этот народный, крестьянский образ.

По левую руку от Дышлова двигался маленький легконогий Грибков, с умной некрасивой головкой, бегающими молодыми глазками. Экономист, академик, редкий среди коммунистов интеллектuala, еще недавно слыл демократом. В поисках быстрой карьеры приемыкал то к одной, то к другой, увы, проигрывающей на выборах партии, пока не пристал

к коммунистам. Пришелся к месту, возвысился, получил поддержку в областях «красного пояса». Слыл преемником Дышлова, отличаясь от последнего молодостью, осмысленной оригинальностью речи, знанием экономики. Стрижайло прикидывал, в какую форму облечь экономические взгляды Грибкова, чтобы их превратить в манифест, сокрушающий кремлевских олигархов, столь ненавидимых народом.

Справа от Дышлова шагал Семиженев, с непокрытой, надменно поднятой головой, на которой вздымался великолепный, обработанный шампунем и феном кок. Резкое, неприятно-выразительное лицо с большими знойными бровями и алым ртом казалось бледным от честолюбия и тайного, неутолимого порока. Он был богач, именовался в прессе «красным олигархом», оплачивал из своего кармана политические мероприятия партии и личные расходы вождей, за что с их помощью получил пост вице-спикера Думы. Стрижайло примерял его в первую тройку избирательного списка компартии. Народный лидер Дышлов, апеллирующий к широким протестным слоям. Экономист Грибков, популярный среди патриотической интеллигенции. «Красный бизнесмен» Семиженев, привлекающий представителей мелкого и среднего бизнеса. Эта тройка была важнейшим блоком «политического двигателя», реализующего «стратегию победы».

Колонна продвигалась по Якиманке, мимо храма Иоанна Воина, французского посольства, вялая, рыхлая и нестройная. Вдоль тротуаров, взявшись за руки, с повязками на руках, шли дружинники, словно тянули бредень с огромной сонной рыбиной. Перед колонной катила милицейская машина, расплескивая красно-синие брызги. У фасадов группами стояли милиционеры, штатские сотрудники ФСБ, то ли охраняли колонну, то ли остерегались ее мерного слепого движения. Стрижайло чувствовал рыхлость демонстрации, рассеянность «красной энергии», которая не звала к борьбе и победе, а носила траурный, поминальный характер. Словно процессия сопровождала медлительный артиллерийский лафет, на котором покоился мертвый генсек с плоским восковым лицом, черными кустами бровей, волосатыми, на провалившемся носе, ноздрями. За этим лафетом торжественно и печально вышагивали соратники усопшего, несли на подушечках бесчисленные ордена и медали, отдавали дорогому покойнику последние почести.

Рядом со Стрижайло шла группа высоких молодых людей в черном. На красных стягах был изображен автомат и было выведено – «АКМ». Лица парней наполовину закрывали черные косые платки, над которыми возбужденно блестели глаза. Юноши напоминали палестинских федаинов, готовых на смерть. Однако слишком изящными выглядели их стройные тела, по-театральному были завязаны шелковые повязки, весело и лукаво блестели глаза. От них не исходила угроза удара и смерти. Они были артисты театра под открытым небом. По сигналу предводителя начинали энергично декламировать: «АКМ!.. АКМ!..» – а слышалось: «КВН!.. КВН!..»

Демонстрация двигалась мимо роскошных магазинов, где в витринах сверкали бриллианты и разложенные на черном бархате драгоценности. Мимо банков, стеклянных, в переливах и блесках, с помпезными порталами и вызывающими, из яркого металла, надписями. Мимо автомобильных салонов, где драгоценно и божественно сияли «мерседесы», «фольксвагены», «вольво», похожие на волшебные, всплывшие из моря раковины. Из витрин и окон смотрели на демонстрацию банкиры, выглядывали клерки и продавцы. Богатые торговцы и буржуа с интересом, дружелюбно, без страха и раздражения разглядывали коммунистическую толпу, гневные транспаранты, портреты Сталина, гербы СССР. Слушали несущиеся из динамиков революционные и военные песни, мегафонные стенания и рокоты. С тротуаров иностранные туристы фотографировали процессию – какие-то поджарые американские старухи, сытые немцы в тирольских шляпах, – без всякого страха, с любопытством пялились на диковинное московское зрелище. Стрижайло подумал, что протестное «красное» шествие уже не грозило восстанием. Было задумано как зрелищное мероприятие, экзотиче-

ская достопримечательность Москвы – как карнавал в Рио-де-Жанейро, индейский праздник в резервации, как День города с каруселями, аттракционами, шествием бутафорских персонажей истории. Вожди, возглавлявшие шествие, довольствовались этой карнавальной ролью. Не давали «красной энергии» собраться в сгусток, суливший взрыв и восстание.

Впереди колонны, намного опережая головной ряд, одиноко, на пустом голубоватом асфальте шагала женщина с флагом. Стройная, изящно одетая, в короткой юбке, с длинными грациозными ногами, выступала, держа на плече легкое древко, шелковый, пронизанный солнцем стяг. Как манекенщица на подиуме, умело играла бедрами, великолепно ставила ноги на высоких каблуках. Знала, что на виду, что ею любуются. Извлекала из этого утонченное эротическое наслаждение.

«Мисс КПРФ», – усмехнулся Стрижайло, жадно оглядывая женщину-знаменосца, мысленно оглаживая ее стройную спину, плавные бедра, длинные ноги, чувствуя тепло ее кожи, шелковистость волос, шелест белья под юбкой. Это острое влечение обострило чувственность, усилило зоркость и проницательность. Энергия, витавшая над толпой, была неоднородной, состояла из множества несливавшихся струй и потоков.

Колонна остановилась, поджидая растянувшийся хвост. Наступил момент, который ожидала многочисленная толпа журналистов. Дружинники разомкнули цепь, пропуская операторов с телекамерами, фоторепортеров, корреспондентов газет и радио. К Дышлову потянулись косматые, похожие на артиллерийские банники микрофоны, нетерпеливые руки с диктофонами, замерцали вспышки, нацелились глазки телекамер. Свита сомкнулась за спиной лидера, символизируя плотный строй единомышленников. Грибков и Семиженов ревниво выпустили Дышлова вперед, соблюдая протокол, позволяя вождю единолично говорить от имени партии.

– Господин Дышлов, какие перспективы у вашей партии на предстоящих думских выборах? – спрашивал журналист центрального телеканала, отделенный от крупного лица с утиным носом длинной штангой, косматым клубком, похожим на ангорского котенка. – Вы надеетесь добиться конституционного большинства, чтобы остановить реформы правительства?

– У коммунистов хорошие перспективы на выборах, – властно напрягая скулы, рокотал Дышлов. – Власть своими губительными реформами плодит наших сторонников. Уже сегодня, по мнению политологов, нас поддерживает более пятидесяти процентов избирателей. У нас есть программа, понятная народу, есть сильная организация, готовая реализовать программу, и есть стратегия, которая позволит объединить коммунистов и патриотов, аграриев и интеллигенцию, культуру и церковь. Уверен, мы добьемся большинства в Думе и изменим антинародный курс Президента...

Стрижайло остро наблюдал мизансцену. Чувствовал, как в тройке лидеров напряглись невидимые струны честолюбия, гордыни, ревности. Оттесненные на полшага назад, Грибков и Семиженов, переполненные желанием говорить, стремлением попасть в телекамеру, чуть заметно, болезненно улыбались. Дышлов, исполненный неутолимой жажды публичности, казался себе сильным, непреклонным политиком, Тельманом, выразителем железной воли масс, бескомпромиссным противником власти. Глаза, еще недавно неуверенные, бегающие по сторонам, подсчитывающие число демонстрантов и флагов, количество телекамер и журналистов, теперь обрели волевою жесткостью, мерцали сталью. Он произносил истеричные, много раз повторяемые фразы, привнося в них металлические интонации политика, добывающего власть, которую получит из рук верящего в него народа. Стрижайло знал, что никакой стратегии не было, ее только предстояло создать. Упоминание о победоносной стратегии было блефом, но подобными блефами пользовались лидеры других партий, включая «партию власти» и самого Президента. Эта краткая остановка среди полыхающих знамен и революционных песнопений использовалась Стрижайло для профессиональных наблюде-

ний. Он не праздновал Первомай, он работал. Его место среди транспарантов и возбужденных оппозиционеров было рабочим местом.

Внезапно сквозь стенку охраны прорвалась женщина, немолодая, черноволосая, с комсомольской стрижкой двадцатых годов, в поношенном френче, сплошь увешанном значками, медалями, эмблемами спортивных обществ, знаками давно забытых юбилеев. Истерично кинулась к Дышлову, хватая его за руки:

– Товарищ Дышлов, держись!.. Не дай себя сломить!.. – припадала к рукам Дышлова, целовала, словно это был священник.

Дышлов смутился, но не убирал рук, подставляя их под губы обожательницы. Охрана отрывала женщину от лидера, оттесняла за цепь дружинников, а та продолжала издали кланяться Дышлову, посылая воздушные поцелуи.

Колонна колыхнулась, пошла. Зашумела флагами, зашаркала тысячами ног, взрываясь музыкой маршей и мегафонных призывов. Стрижайло чувствовал таинственные, происходящие в толпе перемены. Демонстрация уже не напоминала погребальную процессию, провожающую в последний путь катафалк. В ней появилась истовость, напряженное ожидание, страсть. Это был крестный ход с красными хоругвями, с иконами большевистских вождей, с письменами священного «красного завета». Шествовало впереди духовенство, вымаливая благодать у «красного божества». Шагали изнуренные мученики в веригах прожитых лет и перенесенных страданий. Бесчисленные прихожане катакомбной «красной церкви», гонимой и попираемой, вышли из своих подземелий, вели по Москве крестный ход, совершая религиозное таинство. Славил отцов и святителей «красной церкви», превозносили ее святомучеников. Праздновали «красное» Успение и Вознесение, «красную» Пасху и Рождество, веруя, что состоится Коммунистическое Второе Пришествие. После всех избиений и богоборств возродится, исполненная красоты и цветения, «красная церковь», воспрянет Советский Союз, молитва их будет услышана.

Стрижайло чувствовал мистический, религиозный характер шествия. Его будущая стратегия учтет не забытый народом «Символ красной веры», стремление в обетованную землю – Советский Союз. Дышлов был не политический лидер, не коммунистический вождь, а Моисей, ведущий свой «красный народ» из египетского плена по знойной пустыне в землю чистых рек и душистых плодов.

– Понагнали войска, боятся, – произнес один из высоких парней, у которого над черной повязкой недобро хмурились брови и блестели глаза.

По мере приближения к центру все больше на тротуарах скапливалось милиционеров. Стояли цепи солдат внутренних войск в касках, с резиновыми дубинками. Расхаживали группы штатских, поднося к губам миниатюрные радиостанции. Поодаль виднелись военные грузовики с войсками, серые автобусы с бойцами ОМОНа.

– Боятся костоломы народного гнева, – сказал вышагивающий долгоногий мужчина, играя желваками так, словно вид резиновых дубин и омовских шлемов вызывал у него забытую боль и ненависть, быть может, со времен расстрела парламента и баррикадных боев.

Стрижайло испытал приближение опасности. Его упитанное, ухоженное тело сквозь тонкую материю изысканных одежд ощутило железо касок, тугие набалдашники резиновых дубин, скобы и бамперы военных грузовиков. Войска изготовились не для защиты, а для нападения. Агенты ФСБ передавали по рациям сведения о таинственном ковчеге, потаенном ларце, что двигался вместе с толпой, сберегаемый, как драгоценные мощи, как частицы «красного креста». В этом ларце хранились загадочные кристаллы рубинового цвета, крупницы волшебного метеорита, прилетевшего на землю из неведомых глубин мироздания и упавшего среди русских равнин. В месте падения возник СССР, волны удара побежали по миру, закрашивая континенты и страны в рубиновый цвет. Теперь, после краха комму-

низма, ковчег с кристаллами оставался хранилищем «красного смысла». Кристаллик упадет в малый ручей, растворится, как марганцовка. Окрасит в багряный цвет озера и реки, океанские и морские пучины, и коммунизм возродится.

Стрижайло испытал метафизический трепет, убежденность в существовании ковчега. Быть может, его нес на груди, под набором колодок, хромой генерал. Или ларец таился под кожаной курткой активиста с зачехленным лицом. Или скрывался в нищенской суме болезненного знаменосца. Агенты ФСБ были не в силах его обнаружить. Сейчас раздастся команда, войска нападут на толпу, начнется кровавая бойня, повторяя библейскую резню, когда воины Ирода искали святого Младенца, учиняя избиение детей. С окровавленного тела сорвут кипарисовую шкатулку, погрузят в машину с мигалкой, помчат на Лубянку.

Стрижайло прогнал наваждение, оглядываясь на конных милиционеров, гарцевавших на холеных лошадях.

Из каменной теснины, над которой трепетала неоновая бабочка и затейливая надпись «Эльдорадо», демонстрация, как лава из кратера, вылилась на Каменный мост. Мощно, неотвратно втекала на вершину моста, откуда вдруг открылся восхитительный розовый Кремль, блеск реки, огромный, как гора с золотой вершиной, храм Христа, просторная сияющая голубизна, под которой переливалась Москва, нежно зеленели деревья, плыли белые корабли, текла, шевелилась, колыхала бессчетными красными флагами толпа.

– Гляньте, сколько нас!.. Силища!.. – Болезненный знаменосец оглянулся, озирая валивший на мост людской поток, хвост которого еще невидимо извивался по Якиманке, а голова вознеслась над рекой и приблизилась к розовым башням и звездам. И казалось, синеватые пятна болезни сошли с его восхищенного лица.

Стрижайло обернулся, погружая взор в скопище флагов, транспарантов, портретов, изумляясь этому неиссякающему людскому потоку. Вдруг испытал свою с ним общность, счастливо ощутил свою связь с этой народной толпой, в которую с небес, из весенних сияющих далей, с золотых куполов и рубиновых звезд дунула незримая сила, прянула свежая энергия жизни. Ярче покраснели стяги, преобразились и помолодели лица, исполнились радостью сердца. Толпа увеличилась, заливала улицы, площади, набережную, словно вся Москва вышла из своих домов, вливалась в демонстрацию.

– Нас не победить никогда! – бодро произнес генерал, выпрямляя согбенную спину, пружиня шаг, словно чудодейственно исцелился от хромоты, и лампас при каждом шаге пылал, как алая струя.

Молодой активист в черной куртке опустил черную клиновидную повязку, и стало видно его свежее, красивое, наивно-радостное лицо, обращенное к Кремлю, и казалось, он шепчет какие-то восторженные, нежные слова.

Стрижайло чувствовал эту мистическую энергию, преобразившую толпу. Так солнечный свет проникает в холодную древесную почку, и она разбухает и лопаются. Так сухое зерно падает в теплую влагу, умягчается и пускается в рост. Так дрожжи, брошенные в теплое тесто, оплодотворяют его, наполняя животворящей силой. Толпа сталаместилищем могучих энергий. Над каждой головой, вокруг каждого флага прозрачно трепетало сияние. Дышлов, с порозовевшим лицом, расправив плечи, мощно, победно вышагивал, и вокруг его головы сиял розоватый нимб.

– Товарищи, держите шаг!.. Не растягиваться!.. – гудел в мегафон идущий впереди активист, мембранными звуками, словно невидимым металлическим жезлом, управляя толпой.

Шествие достигло вершины моста, стало стекать вниз. Одолев перевал, напоминало могучее воинство с наклоненными пиками, боевыми стягами. Грозно, мощно втягивалось в узкую горловину у дома Пашкова. Сжималось, взбухало, распирало теснины, шелестело, скребло фасады. По законам гидравлики, сжатое, ускорило свое продвижение, как река,

покидая равнину, втягивается в узкое ущелье, где начинает мчаться, вскипать, пузыриться. Задние давили на передних, мегафон истошно кричал, ряды мешались, охрана с трудом сдерживала натиск людей. Стрижайло, стиснутый, чувствовал, как энергия света, пропитавшая толпу на вершине моста, преобразуется в энергию непреклонного, злого стремления. Лица людей стали злыми, мускулы напряглись. Подхватывали друг друга под локти, превращались в могучий таран, будто влекли огромное тупое бревно, волокли стенобитную машину, устремляя на Кремль.

Он испытывал восторг и мистический страх. Энергия, которая закипала в толпе, была той энергией, что питала огромные «машины политики». Первородная, дикая, рожденная в темных глубинах народа, сотворяла революции, войны, превращалась в лавины конных армий, в наступление грозных фронтов, в великие стройки, порывы в космос. Изощренная власть управляла этой опасной энергией, гасила ее в ГУЛАГе, вовлекала в социальные тупики и ловушки, где та иссякала, остывала, превращалась в мертвые шлаки. Неумелая власть, никчемные и дурные политики, управлявшие «машинами власти», допускали аварии. Утечки социальной энергии приводили к взрывам, сметали уклады, порождали катастрофы восстаний и террористических актов. Он, политолог, изучал законы этой энергии, тайны ее превращений. Конструировал реакторы, в которых первородная энергия, как сырая нефть, распадалась на множество фракций, от черного мазута, сгоравшего в грубых топках, до тончайших прозрачных эфиров, питавших изящные механизмы политики.

Шагая среди угрюмой толпы, среди вскипавших бурунов, он испытывал профессиональное восхищение, соприкасаясь с первичной, дикой стихией, определявшей смысл его профессии – ее риски, смертельные угрозы, упоительное наслаждение, ни с чем не сравнимый восторг.

Такой же восторг и ужас переживают вулканологи, размещая лабораторию на краю огнедышащего кратера, брызгающего расплавленной магмой. Ядерные физики, захватившие ядовитую плазму в хрупкие магнитные ловушки. Исследователи ледового океана, поставившие палатку на осколке льдины, покрытой хрустящими трещинами. Виртуозный игрок, утонченный политолог, здесь, на московских улицах, он ставил свой опасный эксперимент, добывая драгоценное знание.

Шествие, как черный вар, дымилось, валило вдоль белоснежного Манежа. Красные транспаранты и флаги казались сгустками пламени, пылали над черной толпой.

– Дали бы мне автомат, я бы их всех порешил!.. – зло хрипел костистый, жилистый малый, дрожа желваками. Стискивал у груди побелевшие от ненависти кулаки.

– Кто тебе даст? Сам возьми! Мы в окружении напали на немцев, добывали себе оружие! – зло огрызнулся генерал с почернелыми морщинами, подпрыгивая на хромой ноге.

– Товарищи, соблюдайте равнение!.. Первый ряд, теснее сплотиться!.. – яростно гремел мегафон.

Стрижайло чувствовал, как слезятся от напряжения глаза. Мускулы упруго округлились. Сердце страстно и жарко билось. Он был частью толпы. Был пронизан ее жгучими токами. Заряжался ее ненавистью. Двигался толчками и судорогами ее перистальтики. Он больше не был исследователем – был расплавленной жидкой каплей в потоке горячего вара.

Вожди не возглавляли толпу. Она несла их, толкала впереди себя. Они торопились, боясь быть раздавленными. Толпа нагоняла, давила в спины, колотила их древками, хлестала флагами. Они бежали под рев мегафонов, под бурные звуки громогласных маршей.

«Творческая энергия масс... – повторял он в сладостном помрачении. – Революционная воля народа...»

Манеж остался сзади. Они вывалились на Манежную площадь, где стал виден близкий влажно-розовый Кремль, янтарный, с белыми кружевами дворец, далекое взгорье у Исторического музея, выложенное камнями. Близость Кремля, влекущий таинственный блеск

брусчатки, недоступность желанной, вожденной Красной площади взволновали, взбурили толпу. Еще недавняя пустота, сквозь которую великолепно и пышно желтел дворец, нежно и возвышенно розовел Кремль, рябила черным блеском брусчатка, открывая на Красную площадь путь войскам, колоннам танков, нескончаемой, ликующей демонстрации, – теперь это квадратное пустое пространство было застроено. Торчали мелкотравчатые балюстрады, античные колонки, нелепые скульптурки и фонарики. Ненавистный московский мэри изуродовал площадь с единственной целью отнять ее у народа, навсегда закупорить вход на святую землю с Мавзолеем, Спасской башней, храмом Василия Блаженного. Замысел мэри был очевиден, был направлен против толпы, оскорблял ее, дразнил. Демонстрация свирепела, сжималась, как катапульта, готовая метнуть через мерзкие колонки и балюстрады комья расплавленного вара.

Стрижайло чувствовал появление в толпе новых видов энергии, в которых копился взрыв, бурлила разрушительная свирепая сила. Разъедала тонкие удерживающие оболочки, готовая полыхнуть и ударить. Ужасался, ликовал, боялся взрыва, торопил его. Ему, политологу, «социальному энергетик», открывалась возможность увидеть стихию восстания, воочию наблюдать народный бунт, плазму революции, которая разрушает ущербные, сдерживающие исторический процесс оболочки, изливается слепым, испепеляющим все огнем.

Он испытал странное жжение в теле. Не в сердце, грохотавшем от возбуждения. Не в глубине глазниц, где вскипали разноцветные огненные зрелища. Не в сердцевине черепа, где множились восторженные образы. А в животе, в паху, где начинало томить и тонко жечь, словно выделялись невидимые токсины, разливались слабые яды. Казалось, в нем проснулся дремлющий червь, проголодавшаяся личинка, требующая для своего роста и развития усиленного питания, жарких калорий, потребляющая эти калории из ненавидящей, раскаленной толпы.

– Суки!.. Кровавые твари!.. – хрипел парень, и на его неистовом лице гуляли малиновые пятна ненависти.

– Кремль – народу!.. Кремль – народу!.. – скандировали молодые активисты, блестя сквозь черные маски ненавидящими глазами.

– Даешь Красную площадь!.. – выкрикнул хромым генерал, и его призыв подхватили тысячи разгневанных плоток.

Стрижайло смотрел на Дышлова. Это был его миг, его святая секунда, способная из картонного политического деятеля, бутафорского думского говоруна сотворить огненного народного лидера, героя восстания. Запечатлеть в русской истории, отчеканить лик, сделать имя бессмертным.

У гостиницы «Москва» стояли турникеты, толпились солдаты внутренних войск с металлическими щитами, лоснились кожаные тужурки ОМОНа. Отсекали толпу от выхода на Красную площадь. Толпа при виде щитов и касок, изготовленных дубин и турникетов взревела негодованием.

– Позор!.. Позор!.. – ревели возгласы, вздымались стиснутые кулаки, шумели знамена.

Червь, наполнявший чрево Стрижайло, извивался, взбухал. Распирал желудок, втискивался в лабиринты кишечника, толкался наружу. Стрижайло испытывал мучительное наслаждение, сладкое помрачение, томительную похоть и свирепую, побуждающую к насилию страсть. Толпа струилась, как огромный, выпавший из его паха змей, бугрилась, проталкивала вперед свое мускулистое чешуйчатое туловище. Впереди, обольстительная, играла бедрами, переставляла стройные ноги, колыхала грудью женщина с шелковым флагом, за которой устремлялся змей, силился догнать, ужалить, обвиться вокруг ее пленительного тела. «Блудница КПРФ...» – шептал Стрижайло, вождевая.

Толпа силилась изменить маршрут, свернуть с Охотного Ряда, прорваться на Красную площадь.

Стрижайло торопил толпу, умолял совершить историческое действие, ждал от Дышлова мессианского поступка. Был готов вместе с другими проламываться сквозь турникеты, продираться сквозь щиты и побои, разрывать руками тела солдат и омовцев. Взбегать по брусчатке на простор Красной площади, мчаться, задыхаясь, мимо Мавзолея, к Спасским воротам. Биться, колотиться, уклоняясь от пулеметных очередей, отскакивая от истерзанных пулями тел. Просадить ворота, ревушим валом ворваться в Кремль, затопить Ивановскую площадь, схватиться насмерть с кремлевской охраной, окровавить белые стены соборов, золото кремлевских дворцов. По лестнице, под хлопки пистолетных выстрелов, влететь в желтый дворцовый корпус, на второй этаж, где в кабинете, среди малахитовых часов и помпезной мебели трепещет маленький, бледный от ужаса человек, у которого истекли его последние бесславные минуты, и его ждет винтовая лестница колокольни Ивана Великого, паденье из-под золотого купола сквозь свистящий воздух, на блестящие черные камни.

Стрижайло смотрел на Дышлова, для которого оставались последние исторические мгновения, сужался зазор, сквозь который он мог проскользнуть в вечность, изменить ход истории, стать носителем Божественного промысла, управляющего судьбой человечества.

Дышлов был малиновый от возбуждения. Чувствовал ускользящую микросекунду. Игольное ушко, за которым открывался неоглядный простор. Видел, как носится над ним красный ангел, готовый влететь в его душу, вселиться в тело священным огнем. Качнулся к турникетам, готовый увлечь толпу. Но робость подкосила его. С дрожащими губами, с алым бантом в петлице, прошагал мимо, утягивая за собой неистовое шествие. Ангел тоскливо прынул и исчез в синеве.

Толпа, озлобленная, обманутая, сердито бурлила, валила мимо гостиницы «Москва», мимо Думы, к памятнику Марксу. Рокотала, как поток, который отвели от главного русла, направили в обводной, искусственно прорытый канал.

Стрижайло испытал разочарование и усталость. Будто резко упало атмосферное давление, и он почувствовал головокружение и немощь. Змей гляцевитой струей уползал из толпы. Его хвост поблескивал у колонн Большого театра, растворялся в сиреновом тумане зацветавшего весеннего сквера.

Перед памятником Марксу был установлен грузовик с ретрансляторами. Охрана подпускала к нему лишь избранных ораторов. Остальная толпа заполняла площадь между «Метрополем» и Большим театром. Все еще клокотала, ожидая от ораторов откровений, проповеди «десяти красных заповедей». Дышлов величественно взошел на трибуну, пылая алым бантом. Грозно, уверенно загрохотал в микрофон, но слова, которые он выдыхал, срываясь с его шевелящихся волевых губ, превращались в длинные обрезки оцинкованного железа. «Антинародный режим»... «Непродуманные реформы»... «Ограбление пенсионеров»... «Выиграть думские выборы»... Жестяные бесцветные фразы летели в толпу, как отходы кровельщика, и люди ежились, уклонялись от этих вибрирующих обрезков. Энергия, клокотавшая в толпе, улетучивалась. Толпа, еще недавно напоминавшая расплавленную магму, остывала, покрывалась коростой. В ней возникали трещины, отламывались ломти, превращались в холодные частички, которые рассыпались и распылялись по окрестным улицам. Толпа уменьшалась, сворачивала флаги.

Стрижайло испытывал разочарование. Драгоценная энергия, накопленная в толпе, бессмысленно таяла, улетала в туманную синеву. Так сквозь дыры горячий воздух уходит из воздушного шара, превращая сияющую летучую сферу в сморщенный грязный чехол. Дышлов и был той дырой, сквозь которую улетучивался нагретый воздух, не давая шару взлететь. Являлся пробойной в коже оппозиции. Это было огорчительное открытие, но оно было открытием, которое он, политолог, использует в своем конструировании.

Прожорливый, поселившийся в желудке червяк был утолен и насыщен. Задремал, свернувшись в горячей слизистой глубине. Не было жжения, утихла неутоленная похоть. Только во рту была легкая горечь, словно он лизнул мухомор.

Стрижайло изумлялся своим недавним переживаниям, безумному возбуждению, слиянию с толпой. К нему вернулись обычные цинизм и ирония. Письмо, которое доставила демонстрация от Ленина Марксу, содержало не революционные тезисы, а жалобу на плохой уход за памятником, на бесцеремонных птиц, сающихся на бронзовые плечи и голову, покрывающих памятник белым пометом. Стрижайло посмотрел на гранитный монумент основоположника революционного учения. На голове Маркса сидел голубь и чистил перышки.

Подошел вежливый, аккуратный помощник Дышлова. На груди его пламенел бант.

– Шеф приглашает вас принять участие в маленьком праздничном фуршете. Вот адрес. – Он протянул Стрижайло бумажку. – Все немного устали и проголодались. Есть хороший повод для дружеской встречи.

Глава 2

Указанный помощником адрес вел к небольшому особняку на Садовой, где размещалась резиденция Семиженова. Стрижайло пешком проделал путь от памятника Марксу до Большого театра, где его поджидал темно-синий «фольксваген-пассат». У шофера Василия была круглая ершистая голова с оттопыренными ушами, кошачьи колючие усики и выпуклые рыжие глаза, что позволяло Стрижайло именовать его «Дон Базилио». Как всегда, он был прекрасно осведомлен обо всех дорожно-транспортных происшествиях в округе:

– Представляете, Михаил Львович, ехал по бульварам, – внедорожник врезался в «вольво». Напополам. Как ездят, черти!

Стрижайло не стал поддерживать любимую тему Дона Базилио, сунул бумажку с адресом:

– Культурная программа продолжается.

В голове шофера негромко щелкнуло, на лбу высветилась компьютерная карта Москвы и на ней, как в приборе бомбометания, обозначилась указанная в адресе точка.

Они мчались по праздничной Москве с умытыми фасадами и зеленым туманом бульваров, на которых вспыхивали клумбы алых тюльпанов. На Садовом кольце их обогнала шелестящая «ауди» с фиолетовой мигалкой и тяжеловесный, оскаленный джип сопровождения. Затормозили у белого ампириного особняка. Охрана джипа вывалила на тротуар, обеспечивая прикрытием важному пассажиру «ауди», которым оказался Дышлов. Энергично, важно прошествовал от машины к подъезду. Стрижайло успел разглядеть жизнелюбивое лицо с выражением властной утомленности, – многолюдное народное шествие, которое он провел по Москве, протестный митинг, во время которого его снимали телекамеры центральных каналов, лихой, на великолепных машинах, пролет по городу, в котором его знали, обожали, видели в нем народного трибуна и крупного политика.

К особняку один за другим подкатывали фешенебельные автомобили. К подъезду шагали лидеры коммунистов, депутаты, уже без алых бантов, в предвкушении аппетитной еды.

Стрижайло прошел в особняк, где повсюду – в вестибюле, на лестницах, на этажах – стояла молчаливая, оснащенная рациями охрана. Очутился в просторном зале, где в достославные времена барской, задушевной Москвы собирались гости, играл клавесин, барышни и кавалеры танцевали мазурку, а теперь драгоценно, отреставрированный, сиял плафон с купидонами, блистали люстры, были расставлены широкие, без стульев, столы. Эти столы ломились от яств, поражая воображение затейливыми цветниками и клумбами, в которые были превращены лепестки нежно-алой, бело-розовой, золотисто-прозрачной рыбы, узорные ломти копченого мяса и вареных языков, пирамиды, цилиндры, усеченные конусы и спиралевидные фигуры, вырезанные из буженины и балыка, блюда с красной и черной икрой, хрустальные вазы, наполненные румяными яблоками, янтарными грушами, свисающими гроздьями фиолетового винограда. Посреди этого великолепия, напоминая небольшие, искусно высеченные скульптуры, были расставлены осетр на блюде с заостренным клювом и зубчатым позвоночником, вдоль которого струей майонеза было начертано «1-е мая»; жареный глянцевитый поросенок с запекшейся кровью в ноздрях смешного и милого пятачка, стоящий на коленях, подогнув костяные копытца; барашек, побывавший на жертвенной жаровне, с мечтательным взглядом запеченных глаз, с кроткой шеей, на которой краснела ленточка с колокольчиком; мускулистая индейка с надменно поднятой головой, на которой красовался бумажный тюрбан, с вызывающе поднятой гузкой, увенчанной бумажным плюмажем.

Над всем витали купидоны. Сверкал фарфор, искрился хрусталь. На тележках перед угодливыми барменами стояли флаконы и бутылки, взлетали рубиновые и золотые искры, звякал подхваченный серебряными щипцами лед, плескались сочные душистые струи.

Стрижайло ликовал, разглядывая все это великолепие. Не потому, что был голоден и торопился вкусить яств.

А потому, что к этим великолепным столам его привело протестное шествие, революционные песни и марши, негодующий пролетариат, орденосные ветераны. Политология, которой он занимался, умела объяснить перетекание народной демонстрации в банкет вождей, потускнелые лампасы хромого генерала в нежно-алые ленты семги, железное лицо ненавидящего тощего парня в лоснящийся бок жареного поросенка. Стрижайло озирали рыбные и мясные скульптуры, весело придумывая для них имена: «Осетр Ленин», «Барашек Сталин», «Поросенок Хрущев», «Индейка Брежнев». Вожди, поедая вкусную плоть тотемных животных, приобщались к истории партии.

– Товарищи, прошу наполнить бокалы!.. – на правах хозяина приглашал Семиженов, властно и дружелюбно поощряя гостей.

Еще в машинах, подъезжая к особняку, вожди оппозиции скинули простецкие плащи, пролетарские куртки, отцепили красные банты. Теперь, под античными купидонами ампириного зала, они были в великолепных костюмах от «Версаче», «Сен-Лорана» и «Дольче – Габбана». На сорочках от «Ферре» и «Ковалли» красовались галстуки от «Гуччи». Ноги, вольно поставленные, облекали туфли от «Альберто Гардиани» и «Пачиотти». На запястьях рук неброско сияли браслеты «Патек Филиппа» и «Ролекса». Выдержанные в сдержанных тонах облачения равнялись бюджету небольшой среднерусской губернии. Подтверждали респектабельность и значимость деятелей оппозиции, которая порвала с люмпенами подворотен, истерическими старухами и остервенелыми буянами, битыми многократно в уличных потасовках. Оппозиция заседала в парламенте, имела своих губернаторов, встречалась с Президентом, выезжала на парламентские ассамблеи Европы. Она одевалась в дорогих бутиках Охотного Ряда, лечилась в закрытых клиниках, строила дачи в районе Успенского шоссе, с видом на Москву-реку, по соседству с особняками видных чиновников и олигархов. Машины, на которых мчались оппозиционные лидеры в Думу, Кремль и правительство, были изготовлены на лучших заводах Европы, Америки и Японии, их окружали фиолетовые трепещущие нимбы, за ними мощно, как черные лакированные шкафы, колыхались джипы охраны, им отдавали честь постовые.

– Друзья. – Семиженов держал перед грудью рубиновый бокал с французским вином из драгоценной серии шато, блистая цыганскими глазами, воздев щегольской черный кок над белым высоким лбом. – Я счастлив принять вас в моей скромной резиденции, которую прошу считать интеллектуальным штабом оппозиции. – Он повел бокалом, заключая в окружность осетра, поросенка, индейку, щедро преподнося их гостям. – Поздравляю вас с праздником народного сопротивления, который объединил в нашем шествии тысячи и тысячи сторонников, рождая ужас власти, зависть противников. – Он говорил с аффектацией, возбуждаясь от собственных слов, как если бы невидимая рука гладила ему под рубашкой грудь. – Не секрет, что притягательность наших идей и действий во многом связана с нашим замечательным лидером, чье имя – Дышлов вполне может украсить борт атомного ледокола или послужить названием города-миллионника в «красном поясе» России. – Это была заготовка, которую он пронес через всю Москву и теперь использовал как тонкий эликсир оболыщения. – Именно это имя объединяет сегодня все силы оппозиции, которая, не сомневаюсь, победит на предстоящих думских выборах. – Он сделал решительный жест, который накануне мог шлифовать перед зеркалом, держа пустой бокал. – Исход думских баталий предопределит выборы Президента, и нет нужды говорить, кто пойдет на выборы от нашего с вами движения. – Он жарко, страстно взглянул на Дышлова, источая из бокала

волну рубинового света. – Заверяю вас, моих друзей и соратников, что заключенный между нами союз соблюдаю свято. Все мое достояние, все экономическое и организационное влияние отдаю компартии. Вижу себя ее верным членом и работником. С праздником, товарищи! – Он завершил тост воодушевленно, с невольным грузинским акцентом. Его лицо побледнело, черный кок отливал синевой, как оперение грача. Он обходил собравшихся, начиная с Дышлова, чокался, заглядывал жарко в глаза, и его красные губы нервно улыбались на белом, бескровном лице.

Стрижайло восхищенно смотрел на Семиженова, как рентгенолог смотрит на черно-белый негатив с дымчатыми костями скелета, полупрозрачными вздутиями и аномалиями, притаившимися тромбами и тайными гематомами. Семиженов был понятен ему, пронизаем для его лучей, прозрачен для прозорливого знания. В досье, как в истории болезни, хранились данные о происхождении его капиталов, о связях с криминальным миром и Администрацией Президента, о тайных встречах с олигархами и генералами ФСБ. Психологические характеристики аттестовали его как истерика и неутолимого честолюбца, вероломного заговорщика и мстительного ненавистника. Его зодиакальным символом был Козерог с витыми рогами, которыми тот остервенело бодался с препятствиями. Фрейдистские комплексы питались прогрессирующей импотенцией, которую он преодолевал садистскими наклонностями и женофобией. Он ненавидел Дышлова, презирал в нем простолюдина и деревенщину, плел интригу, мечтая занять его место в партии.

Стрижайло, делая глоток французского вина, ощутил свою тайную власть над честолюбцем. Тот двигался среди гостей, как живая бомба. Ее можно было тут же взорвать, заляпав плафон с купидонами ошметками коммунистических лидеров.

Вторым взял слово Грибков, маленький, щуплый, с круглой головкой, в которую были вставлены бегающие вишневые глазки, некрасивые, беспокойно шевелящиеся губы:

– Я бы добавил к произнесенной моим товарищем здравнице. Пусть именем Дышлов назовут не только ледоколы и города-миллионники, но пусть за это имя открыто во всех православных храмах служатся молебны, ибо это имя является синонимом союза коммунистов и православных, красных и белых патриотов. Что и обеспечит нам грядущую победу на выборах. В моих многочисленных поездках по России я постоянно встречаюсь с духовенством, объясняя ему, что современный коммунизм не имеет ничего общего с безбожным большевизмом. Это христианский социализм, где экономическими законами управляет православная этика и добротолубие. В своей предвыборной агитации я использую тезис о передаче земель монастырям и храмам, как об одном из важнейших пунктов коммунистической программы. Наша сила – в единстве всех направлений патриотизма, в борьбе с компрадорскими олигархами, в единении вокруг нашего несомненного, неоспоримого лидера! – Грибков протянул свою небольшую руку к Дышлову, чокаясь с ним. Его вишневые глазки забежали и чутко заиграли в неровно подстриженной, с оттопыренными ушами голове.

Стрижайло и его любил, нежно и сентиментально, как конструктор японских роботов любит свое миниатюрное оригинальное изделие. Под дорогим костюмом, белоснежной рубахой и шелковым галстуком Грибкова была не теплая человеческая кожа, покрытая редкими волосками, а пластмассовый твердый чехольчик с кнопками и антеннами. Можно было мизинцем нажать на кнопки, или дистанционным пультом переключать программы, меняя поведение кибернетической игрушки, которая приспособилась к изменившимся условиям. К перепадам политической температуры и давления. К смене политического климата. К формулировкам идеологических доктрин и партийных программ. Этот игрушечный аппарат имел резиновую присосочку, которой прикреплялся к крупной политической личности. Некоторое время двигался вместе с ней, питаясь ее соками и репутацией. Прodelывал вместе с ней и за ее счет очередной отрезок своей карьеры, а потом, когда личность теряла популярность, аппарат откреплялся. Некоторое время оставался один, сканируя

окрестность, отыскивая новую, насыщенную политическими калориями фигуру. Быстро к ней устремлялся, прикреплялся присоской, тянул полезную жидкость. Теперь, сменив многократно патронов, увеличив за их счет свой вес и размеры, он прицепился к компартии, к неуклюжему теплокровному Дышлову. Дышлов считался с ним, заимствовал его экономические идеи, любил появляться в присутствии эрудированного академика-экономиста. Но неизбежно приближался момент, когда смысленный робот отцепит от Дышлова свою присоску, оставит на жилистой шее разочарованного коммуниста маленькую красную ранку, двинется дальше, озирая мир тревожными умными глазками.

Стрижайло знал всю его подноготную. Мучительную страсть к деньгам, неутолимое сладострастие, число незаконных детей и брошенных, незарегистрированных жен. Знал о его стремлении стать Президентом. О постоянном напряжении, в котором пребывали его неуверенная душа и маленькое неразвитое тело, – напряжении, что внезапно разрешалось в слезной истерике, в близком к самоубийству припадке.

Третьим говорил казначей партии Крес, мягкий, влажный, с розовыми глазами, с колыханием большого студенистого тела. Его лицо было покрыто чудесным морским загаром, который достается счастливым обладателям яхт, скользящих по адриатической лазури.

– Хочу поблагодарить нашего хозяина за великолепный стол, праздничный прием, за вклад, который он вносит в борьбу нашей партии. У нас, скажу откровенно, мало талантливых хозяйственников, «красных бизнесменов», «красных банкиров». Мы научились парламентским речам, научились проводить митинги и демонстрации, но не научились торговать, как призывал нас к тому великий Ленин. Каждый опытный хозяйственник, грамотный финансист в нашей среде – на вес золота. В буквальном и переносном смысле – «золото партии». Некоторые так называемые революционеры хотят поссорить партию с правительством и Президентом, а это лишает нас выгодных заказов, бюджетных средств, добрых отношений с промышленностью и капиталом. Хочу поблагодарить нашего лидера за тонкое понимание финансовой политики, без которой нам не выиграть выборы! – Крес обвел окружающих розовыми глазами, какие бывают у осьминога, когда тот всплывает на закате в зеленых волнах океана.

Стрижайло ликовал, любуясь этим «моллюском компартии», у которого был собственный строительный трест, банк с отделениями в офшорах Кипра, два расторопных сына-банкира, побуждавшие отца бросить наконец свою курьезную «красную партию», обрести лицо уважаемого капиталиста. Отец не внимал настояниям молодых и неопытных хищников. Пользовался связями партии для изыскания выгодных контрактов, последним из которых было массовое строительство в разоренной Чечне. Объекты в Грозном и Ведено подвергались нападению боевиков, едва восстановленные, тут же превращались в руины. Бюджетные деньги, спасенные из огня, омывали строительный трест, оседали в партии, шли на поддержание региональных организаций и партийной печати, на личные расходы вождей, а также бесследно утекали на Кипр, что порождало множество слухов и прокурорских проверок. Последние, благодаря связям партии в прокуратуре, спускались на тормозах. Однако уязвимость строительной организации Креса делала уязвимой и партию. В разгар предвыборной кампании власть могла начать очередное расследование, арестовать «казначей», скомпрометировать коммунистов. Стрижайло знал величину нецелевых расходов Креса, сумму его задолженностей перед бюджетом, криминальные связи с подрядчиками-чеченцами, а быть может, и с боевиками, наносившими удары по незавершенным стройкам. Страсть к молодым танцовщицам, с которыми тот отправлялся на морские курорты Средиземного моря, где его розовые глаза любовались играми молодых обнаженных наследниц Сафо.

Честь произнести тост была предоставлена верному союзнику Дышлова, аграрию Карантинову, которого в среде друзей, за пристрастие к международным кинофестивалям,

называли «Карантино». Плотный, лобастый, напоминавший желудь, окающий, с хитрецей в глазах, он не преминул напомнить о своем крестьянском происхождении:

– Должен вам сказать, дорогие товарищи, что мы, как всегда, забываем о деревне, а ведь именно через деревенские проселки лежит путь к нашей с вами победе. Пусть там слякоть, грязь, не то что на московских паркетах. А как говорят в народе? «Сей в грязь, будешь князь». Вот мы и должны сеять слово партии в суглинок, в чернозем, а то и в навоз. Навоз, он чистый, от него хлеб родится. Я в моих неустанных поездках по селу говорю крестьянам: «Голосуйте за партию Дышлова. Она остановит раскрестьянивание России, сохранит за крестьянином землю, не пустит в русскую деревню иностранца и мироеда. А не то – к топору зовите Русь!» Мы, товарищи, должны сделать все, чтобы привлечь на нашу сторону крестьянство. Тогда на наших столах всегда будут такие замечательные поросята, барашки и индюшки, выращенные трудолюбивыми селянами. За трудовое крестьянство! – Он высоко поднял бокал французского вина, и в этом неожиданном жесте было что-то гусарское, лихое, готовность выпить до дна, грохнуть об пол звонкое стекло.

Это восхитило Стрижайло. Простой крестьянский парень, попав в орбиту большой политики, усложнялся и рос на глазах. Обожал позировать перед телекамерами. Охотно, на правах глубокомысленного деревенского мудреца, участвовал в телешоу с разбитными сексуальными телеведущими, среди которых выделялась дочь африканского вождя. Стал эмблемой кинофестивалей, заседал в жюри вместе с Никитой Михалковым, который пригласил его в свой очередной антисоветский фильм на роль полковника НКВД. Карантинов так вошел в роль, что недавно выступил в Думе с инициативой восстановить на Лубянской площади памятник Дзержинскому, что слегка покорило общество «Мемориал», но вызвало восторг у телеведущих программы «Скажи, кто твой друг...». Среди последних аристократических пристрастий агрария значились поездки в Африку на сафари, где тот застрелил страуса и поставил чучело гордой птицы в своем думском кабинете. Стрижайло было известно, что Карантинов владеет небольшим перерабатывающим предприятием в Подмосковье, в доле с немецким бизнесменом, выкупив под выпасы и посевы несколько сотен гектаров.

Тосты и славословья сопровождались поеданием яств. Взлетали наколотые на вилки оранжевые и розовые соцветья, сложенные из лепестков семги. Мелькали в воздухе вырезанные из буженины и карбоната геометрические фигурки, пропадая в открытых ртах. Поедание не затрагивало тотемных животных партии – осетра, барашка, поросенка, индейку. Их не спешили разделявать, дожидаясь выступления Дышлова. В этом чудилось что-то жреческое, превращало трапезу в жертвоприношение, что забавляло Стрижайло, веселило его артистический ум.

Дышлов приподнял бокал, и это мгновенно было замечено. Все умолкли и расступились, давая простор для предстоящих речений.

Дышлов был крупный, гладкий, белолицый, с заостренным носом снеговика, которому в руку вставили бокал французского вина, опоясали запястье золотым браслетом, накинули на плечи темно-синий пиджак от «Хьюго Босса». Он был властный, величественный, насыщенный животворными калориями произнесенных в его честь славословий. Усваивал эти калории, полагая, что таким образом питает не только себя, но и партию, нуждающуюся в сильном, харизматическом лидере, а также народ, чью волю и протестную непреклонность выражает авангардная партия. Он нуждался в постоянных похвалах, искал их повсюду, помещал себя в такую среду, где эти похвалы, обожание, преданное служение были ему гарантированы. Напоминал ищущее света растение. Избегал обстоятельств, где мог натолкнуться на критику, поношение, едкую неприязнь. Как растение, не мог жить в темноте, начинал хиреть. Эту чувствительность к похвале замечали партийные аппаратчики, играли на ней, использовали для карьерного роста, добиваясь от вождя нужных аппаратных решений.

– Сегодняшняя демонстрация была на редкость многолюдна. По сведениям МВД, было около ста тысяч. В Кремле очень встревожены... – Он произнес это строго и угрожающе, посылая из банкетного зала предостережение кремлевской власти. – Должен сказать, мои поездки по стране, выступления в различных аудиториях показывают, что народ начинает прозревать. Повсюду залы битком, губернаторы непременно устраивают прием. Последний раз встречался с военными, все генералы, включая командующего округом, подходили и жали руки... – Упоминание о великолепных приемах увеличивало его значение не только в глазах собравшихся, но и в его собственных. Это был массаж, который он устраивал себе самому. Было видно, как на его белом лице появились розовые пятна удовольствия. – На прошлой неделе встречался с Президентом в Кремле. Очень озабочен обстановкой, со многим соглашался, но эта либеральная публика держит его в руках, и у него нет маневра... – Этим заявлением Дышлов ставил себя вровень с хозяином Кремля, который нуждался в нем, искал его советов. Дышлов не выражал к Президенту враждебности, но сожаление, даже сочувствие – к пленному, несамостоятельному, зависимому человеку, от которого он сам отличался независимостью, свободой, поддержкой народа. – Мы должны победить на выборах, собрав до пятидесяти процентов поддержки. Для этого необходимо сложить усилия коммунистов, патриотов, аграриев, ветеранов, деятелей науки и культуры. У нас есть идеология, организационная структура, есть «стратегия победы». – Он говорил кафедрально, стратег, теоретик, продолжатель коммунистического движения, где по праву занимал то место, которое до него занимали Сталин, Ленин, основатели партии и государства. – Мы должны победить во что бы то ни стало. Ибо сейчас на карту поставлена судьба страны, судьба партии, судьба народа... – На его крупном лбу обозначилась тяжелая складка, надбровные дуги выпукло укрупнились, глаза твердо, почти жестоко оглядели присутствующих, подтверждая превосходство над ними, непререкаемую власть, негибаемую волю. Все соглашались с этими знаками превосходства, признавали его неоспоримое первенство. Внезапно глаза Дышлова потеплели, смешливо сузились. Грозная складка на лбу расправилась. – А теперь анекдот для разрядки... Одна женщина говорит другой: «Знаешь, я своему мужу собачий корм покупаю. Дешево и питательно. Сперва упирался, а потом ничего, стал есть». Проходит месяц, снова встречаются: «Представляешь, беда, мой-то умер!» – «А что случилось?» – «Да шею сломал, когда начал яйца себе лизать». – Не дожидаясь, когда все засмеются, Дышлов громко захохотал.

Все грохнули следом. Сгибались от смеха, хлопали себя по бокам. Потекли вождю, поощряя его остроумие. Дышлов, видимо, не первый раз рассказывал этот анекдот. С его помощью резко менял интонацию делового, политического разговора. Стрижайло отдал должное этому искусному приему, помогавшему сгладить впечатление от тяжелых, деревянных речений, надоевших штампов, что превращало кафедрального Дышлова в народного лидера, понимающего площадной смак просторечия.

Все наперебой чокались с вождем. Пили французское вино, продолжая посмеиваться фривольному анекдоту.

Из боковых комнат, торжественно ступая, вышли служители в малиновых фраках с медными геральдическими пуговицами. Держали в белых перчатках большие блестящие ножи и хромированные трезубцы. Их лица были просветленными и сосредоточенными. Они напоминали гладиаторов, оснащенных оружием ближнего боя. В их походке была обреченность и смирение перед волей богов. Приблизились к столу, на котором возвышались «Осетр Ленин», «Барашек Сталин», «Поросенок Хрущев», «Индейка Брежнев». Замерли, протянув к тотемным животным ритуальные инструменты. Одновременно вонзили трезубцы, погрузили отточенные ножи в мягкую плоть. Разрезали животных на поперечные ломти, хрустя рассекаемыми костями, выдавливая из-под лезвий капельки сока и жира. Завершили расчленение плоти, отступили, освобождая дорогу гостям, которые с чистыми тарелками,

вооруженные вилками, потянулись к столам. Цепляли кто рыбу, кто индейку, кто молочного поросенка, кто теплого, в нежных испарениях, барашка. Молча поедали, пережевывали, старательно проглатывали, двигая скулами, шеями, закрывая глаза. Казалось, они не просто насыщались, а сосредотачивались на еде, придавая поеданию священный, религиозный характер. Через это ритуальное поедание приобщались к великим предшественникам, к исчезнувшей грандиозной эпохе, заветы которой хранили в рядах обмелевшей, обезлюдевшей партии, не давая разомкнуться связи времен.

Те, кто поедал осетра, становились вместилищем ленинизма. Писали Апрельские тезисы. Двигались в plombированном вагоне через Европу в революционный Петроград. Забирались на клепаную сталь броневика. Мчались в буденовках, сверкая саблями, по полям Гражданской войны. В Горках, среди янтарного солнца, ослабевшей рукой писали завещание.

Те, кто предпочел молочного барашка, приобщались к подвижническим свершениям Сталина. Возводили домны и электростанции. Пускали конвейеры с танками и самолетами. Смотрели фильмы «Волга-Волга» и «Трактористы». Громили троцкистско-зиновьевский блок на процессах в Колонном зале. Всаживали отточенный ледоруб в череп страстного, неумного еврея. Провожали с Мавзолея полки под Волоколамск. Наносили по армиям вермахта «десять сталинских ударов». Подымали победный тост за великий русский народ. Сажали лесозащитные полосы. Боролись с коварными космополитами. Писали историческую работу о языкознании.

Тем, кто вкушал поросенка, передавалась энергия противоречивой и яркой эпохи Хрущева. Они взрывали водородную бомбу на Новой Земле. Колотили туфлей в трибуну ООН. Читали наизусть стихи Евтушенко. Обнимали вернувшегося из космоса Гагарина. Распахивали необъятную казахстанскую степь. Заглядывая в томик Евангелия, писали «Десять заповедей Строителя Коммунизма».

Гости, чьи идеалы и убеждения коренились в брежневской эпохе застоя, отдавали предпочтение индейке. Вкушая белое мясо домашней птицы, они строили атомный флот, проектировали космическую станцию «Мир», принимали в Москве Олимпийские игры. Ратовали за разрядку. Вводили «ограниченный контингент» в таинственную страну, лежащую южнее Кушки. Добродушно и печально посмеиваясь, позволяли соратниками вешать себе на грудь очередную «Звезду» Героя. Склеротической усталой рукой перелистывали книжку «Малая Земля», написанную каким-то очередным сукиным сыном.

Стрижайло наблюдал ритуал поедания, преобразование плоти тотемных животных в бестелесный дух мистической «красной эры», которую помещали в себя ее наследники и хранители. Усваивали каждой клеточкой, каждой живой молекулой, куда тонкой спиральной залетал «генетический код коммунизма», превращая лидеров оппозиции в апостолов бессмертного учения.

Это был не просто фуршет, а священнодействие. Праздничная служба в «красной церкви», куда был допущен Стрижайло, жадно наблюдавший религиозный «обряд приобщения». Лидеры старательно обсасывали хрупкие позвонки агнца, розовые свиные хрящики, индюшачьи косточки, клейкую осетровую хорду. Бережно клали на край тарелки, усматривая в них останки вождей, которые были достойны погребения в Кремлевской стене. Тарелки забирались служителями в малиновых фраках и белых перчатках. Уносились в глубину здания, где производилось бальзамирование одних останков и кремирование других.

«Теперь ты видел, как передаются из поколения в поколение слова „красного завета“, а потому имя твое не Стрижайло, а Скрижайло». Он попробовал поерничать над самим собой, чтобы освободиться от воздействия магического ритуала. Но оставалось легкое головокружение, какое случается, если долго смотреть на звездное небо.

Он двигался среди жующих гостей, мысленно приобщаясь к трапезе. Они поедали плоть священных животных, а он поедал их. Они были его пищей, его питательным кормом. Он поглощал их духовные монады, усваивал их сущности. Политолог, он изучал существующие среди них противоречия, проникал в тайные конфликты, исследовал порочащие их связи. Каждый из них был живой клеточкой политического тела, которое могло либо наполниться мощью, совершить стремительный рывок, либо одряхлеть, болезненно исчахнуть и рухнуть, в зависимости от того, как соединятся между собой эти «элементарные частицы» политики. Он был приглашен в их круг, чтобы создать из этих мелких, несовершенных людей «великана оппозиции», способного расшвырять соперников и выиграть думские выборы.

«Я их ем, но яйца себе лизать не буду», – усмехнулся он, вспоминая анекдот Дышлова.

Уже давно заметил среди гостей стройную красавицу, ту, что вышагивала длинными ногами впереди демонстрантов, овеваемая алым знаменем. Только теперь, после отзвучавших тостов и ритуального приятия пищи, он подошел к той, кого назвал «мисс КПРФ».

– Ведь вы Елена Баранкина, член Центрального комитета? – галантно поклонился он, изображая благоговение, при этом весело и жадно заглянул в ее изумрудные глаза.

– А вы знаменитый Михаил Стрижайло, директор фабрики, где изготавливают политических лидеров различных размеров и стоимости? – ответила «мисс», успевая наградить его ласковым взглядом морской царевны.

– Вас не покорило мужицкий анекдот Дышлова, предназначенный скорее для солдатской курилки, чем для общества, где присутствуют дамы?

– Мои товарищи не видят во мне женщину, а только бойца оппозиции.

– Должен признаться, я любовался вами во время шествия. Вы эстетизировали демонстрацию, придавали ей революционный романтизм. Если бы вы понесли свое знамя на Кремль, я первый бросился бы вслед за вами на штурм ненавистной цитадели. Мы бы разобрали этот оплот реакции по кирпичику, и вновь все увидели, как над Москвой реет красное Знамя Победы.

– Вы отводите мне роль женщины на революционных баррикадах, как на картине Делакруа?

– А разве она не великолепна, среди порохового дыма, с обнаженной грудью, овеянная революционным стягом?

– Но иногда так хочется отдохнуть от баррикад. Хочется интимной тишины, подальше от глаз людских.

– Давайте убежим. Куда-нибудь в подмосковную гостиницу «Холидей инн», в какую-нибудь старую усадьбу, с липовыми аллеями, зацветающей сиренью, ночным соловьем.

Он шутиливо ее оболещал, стараясь воскресить пережитое в толпе вожделиние, когда любовался ее волнистым шагом, колыханием стройных ног, которые хотелось обнять, провести по ним страстной, шелестящей ладонью.

– Быть может, я и соблазнилась бы, ибо в вас, не скрою, присутствует магнетизм, как во всяком чародее и маге, – отвечала Баранкина, пленительно мерцая зеленью глаз. – Однако мое присутствие здесь необходимо. Я умягчаю сердца. Троица наших лидеров, как вы, должно быть, убедились, – конструкция непрочная. Это не твердо стоящий тренажник. Его может покачнуть неосторожное слово, невыверенный жест или взгляд. Вот тут-то я и нужна, оправдывая мою партийную кличку: «Единство партии».

Стрижайло видел близкие, в малиновой помаде губы, с легчайшими жилками, какие бывают на лепестках цветка. Дрожащие, в металлическом налете веки с черными, в клейкой туши, ресницами. Таинственный, влажно-стеклянный зрачок, уходящий в зелено-розовое мерцание. «Бабочка, садовый цветок, морской моллюск...» – думал Стрижайло, чувствуя, как возвращается душное вожделиние, туманная слабость, обморочная страсть. Между ним и женщиной начинала трепетать прозрачная раскаленная плазма. Сквозь сорочку грудью

он чувствовал ее близкую голую грудь. Напряженными бедрами ощущал ее восхитительные подвижные бедра. Отверделым животом прижимался к ее округлому, с темным пупком животу. По-звериному, жадно вдыхал запах ее духов, горячих подмышек, накаленного паха. Пережил подобие обморока. Плазма окатила его с головы до ног и ушла, как молния, в землю. Женщина смотрела на него всепонимающе и насмешливо.

– Возьмите. – Она извлекла из кармашка визитную карточку и протянула Стрижайло. – Нам предстоит работать в одной команде.

Он принял карточку благоговейно, с церемонным поклоном, сравнивая случившееся с неудачей в лаборатории ядерного синтеза. Не удержавшись в магнитной ловушке, плазма истекла из синтезатора, так и не согрев ледяную Вселенную.

Пробираясь сквозь группы вкушавших и алкавших гостей, Стрижайло раскланивался с известными депутатами, знакомился с секретарями провинциальных обкомов, раздаривал визитки, принимал в ответ гляцевитые карточки с двуглавыми орлами, геральдикой ассоциаций и фондов, эмблемами малоизвестных, с помпезными названиями, организаций. Приблизился к хозяину особняка Семиженову, чей вороненый, с синим отливом кок царственно трепетал среди благообразных стрижек, пристойных лысин, пепельной седины утомленных оппозиционной борьбой политиков.

– Замечательный фуршет, великолепные повара, благородный особняк. – Стрижайло тонко польстил хозяину, располагая его к себе. И эта безыскусная, ничего не стоившая лесть подействовала на Семиженова, как прикосновение лезвия к накаленной консервной банке, из которой брызнула едкая горячая жидкость.

– Поросенка придется отрабатывать! Французское вино и осетрину придется отрабатывать! Деньги, на которые я организовал демонстрацию, придется отрабатывать! Из своего кармана я оплачиваю расходы компартии, личные траты руководства, чеки на покупку костюмов, часов и обуви! Все, что находится на них и внутри их, оплачено мною, и это все придется им отрабатывать!..

Стрижайло был поражен воспаленностью слов, безумным несоответствием дежурного комплимента и яростной откровенности Семиженова. В этом была уязвимость «красного олигарха», незащищенность и опасная ослепленность, в которой тот не различал друзей и врагов, преувеличивал свою роль, не умел скрыть намерений. Его лицо побледнело, как от приступа душевной болезни. Красные губы пламенели, словно были нарисованы на белой маске дель-арте. Фиолетовые цыганские глаза сверкали шариками ртути. В белках появилась малярийная желтизна, словно в крови размножался ядовитый плазмодий.

– Деньги, которые вам предлагает компартия за создание выборной стратегии, – это мои деньги! Вы должны отдавать себе отчет, что, работая на компартию, вы работаете на меня! От меня вы будете получать указания. Мне станете докладывать о результатах работы. Хочу, чтобы между нами установились доверительные отношения, с пониманием истинных ролей и задач...

Стрижайло чутко вслушивался. В бледном, с огненными глазами человеке бушевало неуголимое честолубие. Свистела и хрипела загадочная дудка, из которой брызгала больная слюна, неслись тоскливые звуки близких сражений, большинство из которых будет проиграно. Ослепляющая страсть, наркотическое упоение властью помещали этого человека еще при жизни на адскую сковороду, под которой невидимый истопник, посмеиваясь, помещивал угли. Это был редкий случай самосожжения, превращавший Семиженова в пациента. Стрижайло испытал к нему нежность и сердоболие. Почувствовал себя врачом на обходе, в белом халате и шапочке, с зеркальным кругом на лбу.

– Выборы следует организовать так, чтобы в новой, коммунистической Думе я стал спикером, передав мой нынешний пост вице-спикера какому-нибудь Грибкову или Карантиннову. Но и здесь, имейте в виду, я не намерен долго засиживаться. На президентских выбо-

рах я выступлю единым кандидатом от всех патриотических сил, и уж поверьте, мой кремлевский кабинет я обставлю с неменьшим вкусом, чем этот особняк. Вы еще увидите мой портрет под президентским штандартом...

Его кок раздувался, словно парус, в который дул ветер истории. Он был опьянен ядовитым напитком, заставлявшим содрогаться его красные губы. Бредил наяву, словно надышался сладкой пылью конопли. В фиолетовых безумных зрачках сверкал золотой, беломраморный зал, по которому он шествовал властной походкой. Губернаторы, члены правительства встречали его поклоном. Патриарх в облачении подымал навстречу усыпанный алмазами крест. Стрижайло боялся спугнуть в нем этот восхитительный припадок тщеславия.

– Я вас понимаю. – Он поощрял Семиженова, воспроизводя подобострастный поклон, каким бы встречали его в день инаугурации губернаторы – узкоглазый саратовский плут, малодушный ростовский проныра, бойкий ярославский хитрец. – Как вы видите новую стратегию партии?

– Да поймите же вы, наконец, компартия доживает последние дни! Это квелая картофельная ботва, какая остается на огороде, когда выкапывают и уносят клубни! Клубни истории давно выкопали, сварили и съели, а остались одни гниющие стебли. Партию надо немедленно модернизировать, соскоблить с нее ржавчину ленинизма, очистить коросту сталинизма, превратить в социал-демократию европейского типа. Только тогда мы получим современную организацию, куда вольется молодежь, творческие полноценные люди, а не скелеты, которые, гремя костями, собираются на свои партсобрания. Эту модернизацию смогу провести только я, а не Дышлов, на котором костюм от «Версаче» сидит как дерюга на орловском мерине!..

Он с ненавистью посмотрел в сторону Дышлова, который вальяжно и барственно держал секретаря обкома за лацкан пиджака и что-то иронично втолковывал.

– Политологическое сообщество видит в вас единственного лидера, кто может возглавить партию и вытащить ее из болота.

Стрижайло осторожно подливал ему в чашу галлюциногенный отвар, окуривал сладким дымом тлеющей конопли.

– Дышлов – толстозадая деревенщина. Уселась жирными ягодицами в партийное кресло и все подкладывает, чтобы мягче было. На него есть такой компромат, что «прокурорские девочки» покажутся верхом целомудрия. Или он добровольно, с честью, уйдет, отдав мне партию, или я вытащу в прессу такие факты, что старые коммунисты скорее проголосуют за Абрамовича с Березовским, чем за него...

Ненависть, с которой он смотрел на Дышлова, имела звук – свист циркулярной пилы. Имела цвет – фиолетового радиоактивного яда. Имела вкус – разъедающий глоток кислоты. Стрижайло чувствовал, как начинает дымиться от ненависти его дорогой пиджак, раскаляется золотой браслет на запястье. Верил слухам, что Семиженов, сколачивая свое состояние, прибежал к услугам снайперов, расчищал завалы экономических противоречий с помощью пластида. Он мог убить Дышлова, как убивали, деля ленинское наследие, отцы-основатели партии.

– Я думаю, у Дышлова в партии много скрытых конкурентов, которые тайно примеряют на себя сюртук председателя. – Стрижайло тонко управлял ненавистью Семиженова, направляя ее испепеляющий луч на гостей, среди которых укрывались претенденты на первые партийные роли.

– Кто? Этот маленький сперматозоид Грибков, который никак не доберется до заветной яйцеклетки? Этот банный грибок, поселившийся под ногтями Дышлова? В его сплюсненной головке копошатся две-три экономические банальности, которые он пытается облечь в тексты священного писания. Он берет у меня деньги на предвыборную агитацию, на проститу-

ток и на лечение язвы желудка, которую заработал на фуршетах во всех политических партиях, где столовался до момента их исчезновения.

– Ну а как вы рассматриваете перспективы Креса? Его финансы могут поспорить с вашими. Многие секретари обкомов находятся под его влиянием.

– В его банке лежитдохлая крыса, и некому ее подцепить совочком. Все деньги партии давно превращены в «феррари» для его сыновей, в недвижимость на Кипре и Греческом архипелаге. Камера в Бутырке, куда его поместят, будет оснащена черно-белым телевизором и учебником по банковскому делу, которым его снабдят друзья-чеченцы.

– А Карантинов? Он так предан Дышлову, что, если возникнет внутривнутрипартийный раскол, он примет его сторону.

– Карантинов, как и «банальный грибок», мечтает стать Президентом. Ратуя за восстановление памятника Дзержинскому, он о каждом своем шаге докладывает в ФСБ. Если чекисты дадут ему ампулу с цианидом и попросят затолкать в котлету Дышлова, он сделает это при всей своей любви к последнему. Он станет Президентом Общества охраны памятников Дзержинскому.

Семиженов саркастически улыбался, растворяя красные губы, в которых блестели мокрые резцы. В нем было яростное нетерпение, неутолимое вожделиние власти, вера в свое предназначение. Власть была неземной страстью, делавшей его религиозным человеком. Для достижения властной мечты он использовал культовую силу денег, людские пороки, нарезное оружие и таинственную силу тотемных животных, душа которых переселялась в людскую плоть, совершая ее претворение в задуманную Семиженовым сторону.

Стрижайло вполне наслаждался беседой. Ее поучительный смысл сводился к тому, что в компартии «периода заката», как и на ее утренней алой заре, существовало непримиримое соперничество лидеров. В этом банкетном зале, в иных обличьях, в костюмах, сшитых другими портными, расхаживали и переговаривались все те же Каменев и Троцкий, Зиновьев и Бухарин, Радек и Сталин. Их кажущееся дружелюбие и сплоченность обернутся смертельной схваткой за власть. Объединяясь все против одного, начнут истреблять друг друга, пока не уцелеет единственный. Поскрипывая сапожками, прижимая к френчу усохшую руку, станет выковыривать из-под ногтей кровь неудачников. Стрижайло предполагал момент, когда все чинное собрание, произносящее комплиментарные тосты, вдруг превратится в осиный рой, жаля и убивая друг друга. И из этого роя, из вороха мертвых, высыхающих на солнце ос, выступит Дышлов, усталый, распухший от укусов, стряхивая с дорогого костюма прозрачные крылышки, оторванные ножки и усики.

– Мы встретимся в ближайшее время и обсудим стратегию, – произнес Семиженов тоном властелина. – Я буду платить вам отдельные деньги в конверте, помимо оговоренного партийного гонорара. – Семиженов двинулся в гущу гостей, и его черный кок трепетал, как наполненный ветром парус.

В задачу Стрижайло, ту, за которую ему платили большие деньги, входило – сгладить противоречия лидеров, выстроить их в иерархию, создать для каждого привлекательный образ, чтобы партия обрела волевым, интеллектуальным и одновременно народным облик. Победила на выборах серых чиновников власти, трескучую ЛДПР, демократических снобов и выскочек. В этой работе центральной фигурой оставался председатель компартии Дышлов. К нему и устремился Стрижайло.

Дышлов возвышался, по-матросски расставив ноги, массивный, упертый, слегка откинув лысую, носатую голову, держа перед грудью бокал с вином. «Именно таким его поместят в музей восковых фигур», – подумал Стрижайло, мысленно перенося стеариновую раскрашенную фигуру в сокровенный зал, где были расставлены героини постсоветской эпохи. Многие из них уже были забыты. У других на лбу краснели сочные дырочки. Третьи, мертвенно

закатив глаза, были покрыты пятнами проступивших загадочных ядов. Четвертые, похожие на раскопки Помпей, застыли в нелепых позах, как их застигло извержение кратера.

– Нахожусь под впечатлением сегодняшней манифестации, – произнес Стрижайло, зная, чем расположить к себе Дышлова. – Столько энергии, энтузиазма! Такая красочность, мощь! Верный признак того, что «левое движение» на подъеме.

Дышлов удовлетворенно кивнул, принимая эту похвалу на свой счет, быстро поглощая порцию калорий, которые не утолили голод, а лишь раздражили аппетит.

– Ну а как тебе мое выступление? – Он называл Стрижайло на «ты», по-партийному просто, этим обращением уравнивая с собой собеседника. Однако многие не смели панибратски обращаться к вождю, что создавало иерархию, безо всяких усилий возвышало вождя над собеседником. – Как меня принимал народ?

– Великолепно! Это были те слова, которых ждали. Волевые, лаконичные, одновременно и лозунги, и емкий политический анализ. Думаю, среди нынешних политиков – вы лучший оратор.

Дышлов чуть заметно кивнул, благосклонно принимая дар, положенный к его ногам. Их было много, подаренных бумажных цветочков, конфетных фантиков, раскрашенных воздушных шариков, которые приносили льстецы, создавая легковесный цветастый ворох, вполне способный скрыть в глубине фугас.

– У нас есть все данные, чтобы выиграть выборы. Надо сложить усилия коммунистов, патриотов, аграриев. – Он начал суммировать свои излюбленные штампы, напоминая деревенского каменщика, укладывающего на раствор кирпичи. Строение получалось крепким, но кособоким, с расплюснутыми некрасивыми швами. Это не раздражало Стрижайло. Для этого он и был приглашен, политолог, стратег, политический дизайнер, чтобы использовать новейшие технологии, современные материалы, искусных архитекторов и строителей. Вместо погреба для хранения огурцов и капусты построить Дворец Победы.

«Стиль Дышлов», – тонко усмехнулся Стрижайло.

– Мы должны с тобой в ближайшее время встретиться в спокойном месте, чтобы нас не отвлекали, ну хоть у меня на даче, и обсудить стратегию. Я подключу свои аналитические центры, группу юристов, информаторов. Мы должны предпринять мозговой штурм. – Дышлов говорил важно, рокочущим басом, демонстрируя свою основательность и значимость, ожидая от собеседника подтверждения этой значимости.

Стрижайло проворно откликнулся на этот запрос:

– Условия успеха налицо. Политическая воля вождя, его харизма, нарастающая энергия масс. Дело за малым – создать оригинальную концепцию.

Как летучая мышь окружает предмет волнами ультразвука, получая представление о его размерах и форме, так Стрижайло, наблюдая белесые шевелящиеся брови Дышлова, розовые поры кожи, дрожащие настроженные зрачки, получал подтверждение свойствам, отмеченным в досье.

Блестящий аппаратный игрок, мастер партийных интриг, Дышлов обыгрывал соперников в закулисной, невидимой миру борьбе, на всех съездах и пленумах подтверждая свое лидерство в партии. Но терялся при острых кризисах, проявлял малодушие, отказывался от единоборства. Так было в октябре 93-го, когда Дышлов призвал народ не участвовать в уличных схватках, обеспечив разгром парламента. Так было в 96-м, когда он выиграл президентские выборы, но уступил угрозам и давлению, – к ужасу сторонников объявил о своем поражении, поздравил с победой ненавистного «царя Бориса». Мягкий, бархатный, склонный к компромиссам, сторонник тактических союзов с либералами и партией власти, он становился непреклонно жестким к товарищам, если те посягали на его лидерство, – комбинациями искусного шахматиста вынуждал их покинуть партию. По образованию сельский учитель, провинциальный интеллигент, в ходе партийной карьеры он много и охотно

учился. Поверхностно усваивал идеи и веяния, но так и не обрел глубинной основы, – не владел политической и философской культурой, боялся новшеств, оставался провинциалом, что делало провинциальной и партию. Обладая крепкой мужицкой статью, широкой костью, мужественными манерами, он был психологически неустойчив, боялся страданий, мучительно переносил нападки прессы, уходил от лобовых столкновений. Нуждался в душевном комфорте, в постоянных калорийных вливаниях, что роднило его с недоношенным ребенком, которого постоянно прикармливают, заворачивают в вату, оберегая от прохладных дуновений. Он был чуток к похвале, искал постоянных подтверждений своей значительности, старался быть народным любимцем, будто в детстве, которое провел в послевоенной голодной деревне, его недокормили, и всю остальную жизнь он добирал недополученные в детстве калории, – любил красоваться перед телекамерами, участвовал во всех общественно важных событиях от православных конгрессов до легкомысленных кинофестивалей, норовя хоть мимолетно мелькнуть на экране. Он вел политическую родословную никак не от Сталина, в чем обвиняли его антикоммунисты, но от Горбачева – та же мягкость, склонность к аппаратной интриге, недостаток мужества, преувеличенная тяга к популярности и публичной славе.

Все это мгновенно прочитал Стрижайло на своем электронном сайте, задаваясь вопросом – с какого момента, от какой невидимой точки в коммунистической партии стал иссякать тип большевика-революционера, сменяясь осторожным консерватором и откровенным перерожденцем-сибаритом.

– Все-таки скажи, в каком направлении нам следует действовать? – Дышлов вздул на широком лбу толстую энергичную складку, словно освобождал место для новых идей.

– Нам следует привлечь в нашу предвыборную кассу деньги крупнейших олигархов, чьи интересы краткосрочно совпадают с интересами компартии. Нам следует устроить свару во властных элитах, что отвлечет ресурс власти от борьбы с коммунистами. И наконец, нам следует тщательно выверить образ партийного лидера, окружив его созвездием союзников, каждый из которых популярен в своей политической нише. – Стрижайло кратко и эффектно сформулировал тезисы, которые разворачивались в систему оригинальных технологий и манипуляций. Он уже азартно над ними работал, получив от Дышлова крупный денежный аванс, мобилизовав для этого свой политологический центр. Дальнейшие тонкости они обсудят с Дышловым на специальной встрече, быть может на даче вождя, в тихом подмосковном поселке.

– Я думал в этом направлении, – многозначительно произнес Дышлов, не позволяя Стрижайло одному быть автором оригинальных идей. – Особенно продуктивно сраживание властных элит. Пусть сцепятся, как скорпионы в банке, а мы тем временем выиграем выборы.

Стрижайло тайно усмехнулся, глядя на лоб Дышлова, где взбухла крупная складка, будто в ней поместились проглоченные идеи, которые Дышлову предстояло длительное время усваивать.

Он вдруг ощутил холодок во рту, будто под языком оказалась ментоловая таблетка. Испытал головокружение, словно воздух стал стеклянно дрожать, как над трубой теплохода. Почувствовал жжение в желудке, как если бы проглотил дольку чеснока. Что-то слабо напряглось в его чреве, чуть слышно толкнулось, как бывает у беременных женщин в момент пробуждения эмбриона. Это проснулась неведомая личинка, свилась и распрямилась скользкая змейка. Таинственное, обитавшее в нем существо росло, увеличивалось, расширяло бока, наполняло его второй, самостоятельной жизнью. Вбрасывало в кровь токсины, от которых он пьянел, испытывал веселый азарт, безумное наслаждение, ощущение своего могущества и всесилы.

Люди, чинно расхаживающие в зале, их депутатские значки, дорогие галстуки, многозначительные речи, исполненные достоинства позы – все было в его власти. Он знал им истинную цену – их пороки и слабости, уязвимые места и тайные связи. Мог перепутать эти связи, исказить отношения ложными слухами, замутнить фальшивыми сплетнями, разбудить их мнительность. Мог отравить их завистью, напугать разоблачениями, подкупить несбыточными обещаниями. И тогда все чинное, вальяжное общество превратится в визжащий ком. Начнут истреблять друг друга, бить кулаками в лицо, выцарапывать глаза, душить галстуками, бить модными штиблетами в пах.

Стрижайло испытывал странное перевоплощение, словно вместо костюма его тело было обтянуто шелковым трико, под которым рельефно бугрились мускулы, гибко извивалась спина, упруго дрожали щиколотки. Он превратился в жонглера, канатоходца, балансировал у потолка под самыми купидонами, держа на весу шест, на котором были подвешены марионетки, раскрашенные куклы, дурацкие игрушки. Он их дергал, теребил, заставлял сталкиваться, наносить друг другу удары. Это было упоительно и артистично. Доставляло несравнимое наслаждение. Превращало политику в великолепное шапито, вертепный театр, зрелище марионеток.

Это длилось мгновение, пока шевелилась на лбу Дышлова сократовская складка. Безумие кончилось. Перед глазами смыкалась стеклянная лунка воздуха, куда улетала скользкая разноцветная змейка.

– Ну, Семиженов дает! Раньше так не кормили на первомайских приемах в Кремле! – эти слова восхищения произнес Дышлов, когда служители в малиновых фраках вкатывали в зал тележку. На ней возвышался торт-мороженое, сделанный из трех белых шаров пломбира. Водруженные один на другой, они изображали снеговик. В глаза снеговика были вставлены синие виноградины. Утиный нос был слеплен из шоколада. Голову украшала мармеладная кепка. На груди прозрачно краснел марципановый бант. Все заторопились к снеговик с ложками и тарелками.

Стрижайло ахнул. Снеговик был вылитый Дышлов – то же белое круглое лицо, заостренный нос, кепка на лысой голове, первомайский бантик в петлице. Никто не заметил сходства. Все подходили, втыкали в мороженое ложки, выхватывали ломти, поедали. Стрижайло восхищался, наблюдая, как партийцы поедали своего вождя, не ведая, что исполняют магический замысел Семиженова. Тот в отдалении, сверкая глазами, торжествовал, глядя, как исчезает в желудках гостей тело ненавистного конкурента.

К торту подошел Дышлов. Похохатывая, сунул ложку в мороженое, вырезая из торта красный марципан. Ел свое собственное сердце.

Глава 3

Когда Стрижайло вышел после банкета на улицу, его не оставляло нервное возбуждение. Он не сел в машину, из которой выглядывало лукавое кошачье лицо Дона Базилио, а двинулся среди праздничной, красивой толпы, под нежной зеленью распускавшихся лип. Садовое кольцо, невзирая на праздник, было переполнено автомобилями, которые мчались, как глянцевитые жуки. Шелестели, хрустели хитином, отливали на солнце металлическими телами. Скапливались в заторах, налезали один на другого, совокуплялись. Тут же начинали размножаться, превращая затор в шевелящееся глянцевитое скопище, которое вдруг лопа-лось, с треском рассыпалось, открывая пустой асфальт с каплями клейкой жидкости.

Он перешел Крымский мост, поместив себя в стальную синусоиду, которая воспроизводила кардиограмму его нервного, беспокойного сердца. Ленинский проспект был наполнен зеленым туманом, из которого подымались розовые, золотые, нежно-синие купы Нескучного сада, будто его нарисовали акварелью на влажном листе бумаги. Красота города не увлекала его. Сердце болезненно колотилось, в крови разбежались яды, от которых звенело в ушах и горели щеки. Его ум обострился, органы чувств жадно поглощали впечатления. Душа напряглась, словно ожидала знамения. Казалось, что разум, проникая в суть вещей, выстраивая иерархии и пирамиды явлений, силится совершить открытие. Находится на пороге новой реальности, которая отделена от мозга тонкой сеткой кровяных сосудов. Готова хлынуть, минуя органы чувств, ослепляя мозг кровоизлиянием истины. Он был не готов к открытию. Для освоения истины не хватало душевных и физических сил. Страшился, что она испепелит его, вырвет за пределы разумного, ввергнет в необратимое безумие.

Он торопился, почти бежал по проспекту. Здание Академии наук высилось в стороне, каменное, огромное, ободранное, с латунным колючим венцом, – мученический образ отечественной науки, поднятой на Голгофу. Градская больница, янтарно-белая и прекрасная, чудно светилась сквозь чугун решетки, и со ступенек белокаменной церкви сносили покойника. Весенний город в каждом своем фасаде, в зацветающей клумбе, в нежно-зеленом дереве таил беспокойство, опасную возможность, подстерегал неожиданностью.

Близость откровения, пугающий свет прозрения исходили отовсюду – из далекого, фиолетового тумана проспекта, в котором светилась металлическая пыльца еще невидимого, стального памятника Гагарину. Из прозрачного, чуть замутненного неба, между распустившейся липой и рекламным щитом, на котором нежилась полуобнаженная женщина, вытянув голые ноги на итальянской тахте. Из прогалов улиц, где трепетала жизнь, мелькали автомобили, давали о себе знать невидимый Донской монастырь и стальная Шуховская мачта – металлический прозрачный сачок, запущенный в московское небо. Стрижайло ждал, что разверзнутся небеса, полыхнет беззвучная вспышка и в бесцветном пятне атомного взрыва будет явлена невыносимая для разума истина.

Это походило на помешательство. Пережитые с утра впечатления, множество встреч, произнесенных и услышанных слов разбудили в нем больные энергии. Будто каждая встреча заряжала электричеством. Каждое касание, рукопожатие, голос передавали заряды, от которых сухо потрескивали руки, прозрачно светились пальцы, и к ним, словно они были сделаны из янтаря, приставали пылинки, бумажки уличного сора, рассеянные в воздухе частицы.

В нем накалялся неведомый реактор, плавилась защитные оболочки, сулили взрыв. Требовалось немедленно погасить реактор, удалить избыточные, не находящие применения энергии, остудить накаленный разум, не готовый для откровения.

Он искал газетный киоск. Один, к которому подбежал, оказался закрытым, – сквозь стекло недоступно переливались глянцевые журналы с мускулистыми самцами и пленитель-

ными, полураздетыми самками, нарядный и привлекательный мусор бульварного чтива. В другом киоске, как в стеклянной норке, сидела продавщица, показывая из сумерек острую влажную мордочку.

– Журнал «Рандеву», – попросил Стрижайло. Отдал деньги, схватив с прилавка журнал-сводню. Торопился, перелистывая на ходу путеводитель по московским борделям, тайным притонам, интимным саунам, эротическим клубам, салонам массажа, мазохистским застенкам. Страницы были поделены на мелкие разноцветные ячейки, в каждой из которых, как в баночках с краской, притаился разноцветный разврат. Распутный художник черпал из баночек красное, фиолетовое, желтое, разрисовывал Москву цветами пороков и извращений.

«Жрицы любви», «Русские красавицы», «ВИП-девушки», «Все будет забываемо», «Сказка с вашим концом», «Леди», «Возможно все» – рябило в глазах от телефонов, от распростертых наложниц, от сладострастных красавиц. Провинциальные барышни из русских городков, темнокожие дочери Африки, смуглые островитянки Полинезии, прелестные обезьянки вьетнамских джунглей, беглянки из гаремов Самарканда, – Москва была столицей разврата, вавилонской блудницей, супермаркетом пороков и похотей. Среди ампирных дворцов, золоченых куполов, чопорных чиновничьих гнезд денно и ночью шла неустанная оргия, свальный грех, утоление извращений и больных вожделений.

Стрижайло, задыхаясь, листал журнал, одновременно улавливая разбежавшиеся по телу волны ядовитых энергий. Выцеживал из отравленных кровотоков, поворачивал вспять летучие, жалящие языки. Загонял их в ловушку – в низ живота, в пах, где все клокотало, словно в загон набился дикий табун мустангов.

Глаза натолкнулись на фиолетовую ячейку с томной декадентской надписью: «Блоковская дама». Выхватил мобильник, набрал телефон.

– «Блоковская незнакомка»? – спросил он, услышав женщину, которая была диспетчером похотей и эротических маний, распределяла их по уютным квартиркам в разных районах города, где ждали телефонных звонков готовые к соитиям самки.

– Что вы хотели? – любезно, как секретарша в приличном офисе, ответила женщина.

– У вас есть апартаменты в районе Ленинского проспекта? – Он оглядывал улицу, по которой пробежал. – В районе площади Гагарина...

– Есть. Вам позвонят. Как вас зовут?

– Михаил. – Стрижайло не стал скрывать свое подлинное имя, известное тому, кто пристально взирал на него с высоты. «Михаил», – было начертано на малиновой магне изливавшейся из него похоти.

Через квартал, который он слепо пробежал, отражаясь в витринах ресторанов и дорогих магазинов, зазвонил телефон. Утомленный, чуть печальный голос спросил Михаила. Стрижайло, вслушиваясь в низкие, бархатные звучания, представил альков с кушеткой, на которой, облокотившись на витое изголовье, зябко поджав ноги в батистовых чулках, в фиолетовом тесном платье, лежит худощавая женщина. Темноволосая, с черным завитком у виска, уронила на кушетку томик раскрытых стихов. Курит длинную, с золотым ободком сигарету, выпускает под декадентский, из наборных стекол, абажур зыбкий сиреневый дым.

Женщина указала номер дома, подъезд и квартирный код.

Дом был пятиэтажный, известково-белый, «хрущевский», с железной дверью, похожей на печную заслонку. Кнопки кода были покрыты многолетним застывшим жиром бесчисленных прикосновений. Стрижайло, волнуясь, нажал упомянутый код. Ждал с нетерпением, когда распахнется бронированная дверь, защищавшая от разбойников нежное создание, которому он направил телефонное признание в любви – «послал черную розу в бокале золотого, как небо, ай».

Дверь хрустнула, громко растворилась, и на пороге возникла огромная коническая баба с короткой шеей, тучными плечами, наворотами мяса, которые, расширяясь, переходили в

огромные бедра и толстые, широко расставленные ноги. Она была завернута в какую-то клеенчатую материю, наподобие фартука, в какую заворачивают себя рыночные торговки, продающие на ветру свиное мясо. Ее глаза выпукло и равнодушно рассматривали Стрижайло, как одного из тех, кто пришел купить мяса на отбивную, холодец или фарш. Была похожа на блоковскую незнакомку так же, как Блок был похож на мясника Черемушкинского рынка, огромного, заплывшего фиолетовым салом, с жирным загривком, тупо застывшего над мокрой малиновой плахой.

Это несоответствие с образом «Незнакомки» поразило Стрижайло, но не отвратило, а восхитило своим зверским обманом. Должно быть, в других районах Москвы, куда рассылала мечтательных клиентов любезная диспетчерша, в таких же «хрущевских» домах поджидали чудовищных размеров бабы, со слоновьими ногами, гигантскими грудями, распухшими животами, некоторые из которых могли быть горбаты, одноноги, одноглазы, с мраморными прожилками тления на больных телах. Этот жуткий театр, созданный талантливым режиссером-извращенцем, еще больше возбудил Стрижайло, у которого заныло в паху.

– Ну что, пойдём? – спросила баба, держа приоткрытой тяжелую дверь.

– Почему бы и нет, – ответил Стрижайло, глядя, как схватила железную плиту толстопалая, в красных цыпках, рука.

Квартира из двух комнат и тесной кухни была из тех, в которых праздновали свое новоселье счастливые граждане шестидесятых годов, переезжая из многолюдных коммуналок, ветхих бараков, заводских общежитий. Надеясь такими квартирками своих терпеливых подданных, власть впервые отдавала долги за кромешные труды на «великих стройках», на каторгах ГУЛАГа, в нищих колхозах, в окровавленных армиях Второй мировой. Позднее в таких же квартирах собирались на кухнях тихие бунтари и смутьяны и вполголоса, чтобы не услышали агенты КГБ за стеной, распевали песни Окуджавы и Галича, казавшиеся «песнями баррикад», если их петь под водочку с сырком и колбаской. Теперь в этих квартирах ютились гастарбайтеры из Молдовы и Азербайджана, проститутки из русской провинции.

– Сюда, – указала бабища, проводя Стрижайло в комнату, где всю площадь занимала крепкая, похожая на топчан кровать и уютился столик, на котором стояло разбитое зеркало, несколько флаконов и тюбиков медицинского назначения и огромный гуттаперчевый фаллос – то ли инструмент любви, то ли божок, которому поклонялась обитательница жилища.

– Откуда сама? – спросил Стрижайло, глядя, как совлекает с себя фартук и рабочий комбинезон «блоковская дама», оставаясь в домашнем халате, из которого выпирала необузданная, рыхлая плоть.

– Из Верхней Туры.

– Кем работала?

– Медсестрой.

– Видно, мало там зарабатывала. – Стрижайло вешал на гвоздь пиджак, жадно, побычи, поглядывая, как обнажается огромное, в складках и жировых отложениях тело.

– Разве двух дочерей прокормишь? Да еще тетка в параличе, лекарства ей покупать.

– Ну и грудь у тебя, – хмыкнул Стрижайло, когда из-под халата выкатились две огромные студенистые сферы с фиолетовыми тенями, с воспаленными сосками, похожими на большие пальцы, обведенные кофейным пигментом.

– Двух выкормила, – гордо сказала «дама», подхватывая ладонями груди и поигрывая ими, как толкательница ядер.

Стрижайло бизоньими, набухшими глазами рассматривал диво русской провинции. Не надо было ехать туда, где лежали обезлюдевшие деревни, гнилые поселки, рухнувшие заводы. Не надо было видеть треснувшие дома, ржавые трубы, зловонные лестницы. Не надо было встречаться с одичалыми, звероподобными обитателями в грязных хламидах, с экземными детьми, безумными старухами, колченогими ветеранами, которые из последних

сил размахивали у входа на закрытую фабрику выцветшим красным знаменем. Провинция, с тухлыми свалками, огромными кладбищами, с бетонными символами былого величия, от которого осталась ржавая арматура, торчащая из отбитой головы сталевара, – эта провинция прислала в ослепительную, беззаботную Москву своего ходока. Не к белокаменному Дому правительства, не к Спасским воротам Кремля, не к помпезному подъезду Думы, а в эту уютную комнатку с деревянным топчаном. Теперь эта посланница трудового Урала сбрасывала с плеч застиранный халат, открывала огромные нездоровые телеса, похожая на гренландского кита, вставшего на задние лапы.

«Я вижу стан, шелками схваченный...» – думал Стрижайло, мучительно любясь представшим уродством. У нее был непомерный, вздутый живот, покрытый рябью жировых отложений, среди которых в желтых складках чернел набрякший пупок. «Девушка пела в церковном хоре...» Ее бока, как у носорога, были в наплывах вислой, тяжелой плоти. «Та, кого любил ты много, поведет рукой любимой в Елисейские поля...» Ноги с толстенными ляжками, сизыми коленями, стояли врозь, как у штангиста. «Запорошенные колонны, Елагин мост, и два огня, и голос женщины влюбленной, и скрип саней, и храп коня...» Грязно-желтый клоч спутанных на лобке волос казался зажатой между ног мочалкой.

Стрижайло возбуждало это деформированное естество, олицетворявшее изуродованную, животную жизнь бескрайних пространств, в которых разлагалось бытие. Этому разложению владелец притонов придал жуткую эстетику распада, разукрасив покойника бумажными розами блоковских стихов, побрызгав зловонное тело тончайшими, дорогими духами. «Балаганчик» Блока в постановке Мейерхольда игрался в этой тесной квартирке, на топчане с несвежими тюфяками, с дымящими силикатными трубами ТЭЦ за окном.

– Ложись, – приказал Стрижайло, чувствуя, как мучительно переполняет его расплавленный свинец похоти.

Женщина неуклюже опустилась на топчан, который жалобно хрустнул, оседая под непомерной тяжестью. Ее тело расплылось и осело, заняло все пространство топчана.казалось, она расплющивается под собственной тяжестью, как выброшенный на берег гренландский кит. Разрываются внутри ее органы, переполненные дурной кровью и непереваренным планктоном.

Он смотрел на нее сверху – на распавшиеся, ошпаренные окорока бедер, на съехавшие с боков груди, похожие на огромные вареные свеклы, на короткую влажную шею с серебряной цепочкой. Навалился грубо и яростно, словно погрузился в огромное корыто, полное несвежего студня. Колыхался, захлебывался. Вырывался на поверхность на вершине скользкого живота. Проваливался в глубь желеобразного варева, которое смыкалось над ним липкой гущей.

Видя ее равнодушные, ослотившиеся глаза, чувствуя ее жесткое, складчатое, как хозяйственная сумка, чрево, он освобождался от едкого, скопившегося в нем электричества. Сбрасывал в нее больные яды. Избавлялся от избыточной, не находившей применения энергии. Красные транспаранты и флаги. Хромающий, с морщинистым лицом генерал. Мост, серая машина «Ударника», бескрайнее черно-красное шествие. Вожди оппозиции, величаво ступающие по асфальту. Желто-белая колоннада Манежа. Кипящие водовороты толпы.

Все это он сбрасывал в женщину, как сбрасывают в мусорный бак пустые коробка и упаковки, консервные банки и пищевые отходы. Набивал ее утробу ненужными, израсходованными эмоциями, высыпал на свалку ее разъятых воспаленных промежностей.

Устало лежал на ней, чувствуя, как мерно вздымается ее живот, ухаает огромное сердце, дышат сильные легкие, шевелятся желудок и печень.

– Покажи, какая у тебя спина, – сказал он.

Она послушно, медленно, с тяжеловесной грацией слона, перевернулась, и он увидел ее спину, напоминавшую гору розовой глины с едва заметной потной ложбиной, ягодицы,

громadne, как колоды, с темной косматой щелью, куда устремилась его ярость, похожая на ненависть и отвращение.

Банкетный зал с купидонами. Столы с остроносый осетром, наивным поросенком, жареным барашком. Дышлов, подымающий бокал с французским вином. Семиженов с пожелтевшими от ненависти белками. Аграрий Карантинов, поправляющий на запястье «ролекс», «мисс КПРФ» с зелеными глазами морской царевны.

Все это он вталкивал в пустоты огромной женщины. Набивал ее, как огромный мусоровоз. Использовал как трубу, куда множество мужчин до него сливали нечистоты. И в ней, как в закрытом желобе, урчали мутные потоки, сочилась больная влага.

Он бился в нее, хватал скользкие бедра, оставляя белые борозды пальцев, которые медленно заплывали брусничным вареньем. И когда в нем лопнул рыбий пузырь и толчками вытекла раскаленная блестящая ртуть, он упал на женщину и повис на ней, как мертвый альпинист на скале.

Вяло оделся, видя, как валит из силикатных труб блеклый дым. Кинул на столик деньги. Ушел, слыша вслед:

– Приходите еще...

Двигался по весенней улице пустой, без переживаний и мыслей, зная, что где-то за железной дверью работает завод по переработке отходов, в жаркой тьме чавкают угрюмые механизмы, сгорает в утробе мусор, блеклый дым излетает из силикатных труб.

Глава 4

Политологи, к коим причислял себя Стрижайло, походили на древних колдунов, которые предсказывали судьбу, исследуя очертания облаков. Облака постоянно меняли кромки, сталкивались, расслаивались, превращались в черно-синие, наполненные ливнями тучи, озарялись слепящими молниями. В их очертаниях чудились мифологические птицы, священные животные, царственные витязи, уродливые чародеи. Используя особые приемы магии, концентрируя волю, произнося заклинания, можно было управлять облаками. Изгонять их с неба, добываясь солнечной лазури, что сулило ослепительный успех царю, затевавшему битву. Или сгущать небесные пары до черной тьмы, когда по небу, подгоняемая вихрями, летит ужасная каракатица, изрыгая чернила, роняя на землю непроглядную муть, посылая головы незадачливого правителя испепеляющими молниями.

Политические события, случавшиеся тысячами каждый день внутри страны и за рубежом, меняли контуры политических образований, состоявших из центров власти, точек влияния, границ экспансии, в которую были вовлечены партии, крупные корпорации, институты государственной власти. Каждое из образований не было целостным. Расслаивалось и расщеплялось внутри себя, создавало бесчисленные противоречия, стремилось к эффективным союзам или уродливым альянсам. Использовало для своего преуспевания массивные компании в прессе, лоббировало парламентариев и министров, подкупало суды и силовиков. Пользовалось тайными приемами разведки, сокрушая экономического противника руками государства, или влияло на государство средствами экономического давления. Все это напоминало клубящиеся облака, перистые, кучевые, грозовые, застывшие высоко в поднебесье или летящие над самой землей, среди которых вдруг открывалась ослепительная лазурь, возникали загадочные светящиеся явления, трепетали небесные короны и радуги, взрывались шаровые молнии и сгустки плазмы.

Стрижайло, модный политолог, основатель Центра эффективных стратегий, зарекомендовал себя как успешный прогнозист, смелый и оригинальный игрок, мастер тайных интриг и скандальных компаний, что позволило нескольким губернаторам добиться своих постов, стоило репутации крупному самонадеянному банкиру, привело к расколу молодой националистической партии, превращало скучные семинары и симпозиумы в театрализованные увлекательные зрелища. Его известность росла. К его услугам прибегали все более крупные и влиятельные структуры, что превращало Центр эффективных стратегий в интеллектуальный штаб, фабрику креативных технологий, лабораторию новых, изобретаемых постоянно методик.

Для сбора информации Стрижайло имел разветвленную разведывательную сеть – «источники» в правительстве, Думе, силовых структурах, политических партиях, в банковской сфере, которые за плату продавали ему драгоценные, эксклюзивные факты, постоянно обновлявшие «карту политики». Знакомство с продюсерами крупнейших телевизионных каналов, с модными журналистами ведущих газет позволяло ему создавать внезапные сокрушительные «налеты» на неудобных деятелей, запускать тревожащие слухи, возбуждать интерес публики к новой политической звезде. Анализируя быстродействующие, скоротечные процессы, отслеживая рвущиеся и возникавшие связи, он пользовался методами тензорного анализа, услугами математиков и математических логиков. Прибегал к предсказаниям астрологов и рецептам психоаналитиков, составлявших гороскопы лидеров, сексуальные портреты амбициозных вождей и деятелей. Имел консультантов в кругах православной церкви, эзотерических кружках, экстрасенсорных лабораториях.

В своей работе он опирался на рациональное, тщательно проверенное знание. На интуицию, позволявшую в хаосе событий отыскать слабую, едва звучащую тенденцию, которая

вдруг превращалась в громогласную доминанту. Им двигало сладостное упоение увлекательной и опасной игрой, превращавшей жизнь в нескончаемый театр с фантастическими декорациями, с талантливыми актерами, со множеством спецэффектов, на которые наталкивало его неиссякаемое воображение. В своей профессии он чувствовал себя разносторонним ученым, гениальным режиссером, могущественным колдуном и магом, наподобие древних авгуров, изучавших кромки летящих по небу туч. Эти синоптики древности витали в облаках, предсказывая судьбу царей и полководцев, урожаи и засухи, рождение долгожданного наследника или пресечение династии. Их колдовство было небезопасным для них самих. Залетая слишком высоко в фиолетовые гроззовые тучи в своих остроконечных колпаках и расшитых золотом красных одеждах, они становились мишенью потревоженных и разгневанных молний, падали обугленными на землю. И тогда взлохмаченная, с кровавыми волокнами и выпученными глазами голова авгура появлялась перед дворцом царя, насаженная на копье.

Полученный от коммунистов заказ на проведение предвыборной кампании был престижным и денежным, выводил его в когорту самых влиятельных политологов. Но не менее прельстительным было приглашение к сотрудничеству, которое поступило от крупнейшего нефтяного магната, главы нефтяной корпорации «Глюкос», Арнольда Маковского, который прислал приглашение Стрижайло посетить его загородный дом и «без галстуков» обсудить тонкие материи экономики и политики.

Жилище Маковского находилось среди дивных реликтовых сосняков, восхитительных лугов, нежно-зеленых холмов, в которых незамутнено и полноводно, с серебряными кругами от играющих рыб, текла Москва-река. Успенское шоссе, шелестя под колесами синим асфальтом, открывало великолепии средневековых замков и ампирических особняков, барочных дворцов и готических соборов, буддийских пагод и мавританских базилик. В них обитала знать, своими капризами и пристрастиями сочинившая в Подмосковье причудливую симфонию архитектурных стилей, где Парфенон соседствовал с Кельнским собором, а Версаль с храмом Василия Блаженного. Здесь жили министры и главы криминальных кланов, генералы милиции и звезды эстрады, чиновники таможенной службы и торговцы наркотиками, директора банков и чеченские авторитеты, иерархи церкви и держатели игорных домов. Жили дружно, одной большой семьей, любя Россию безответной любовью, что вынуждало их не подпускать слишком близко к своим усадьбам «бюджетников». Такое название, с легкой руки министра Починка, получил русский народ, загадочный и угрюмый, не способный ценить рафинированную архитектуру в стиле «Барвиха», «Горки», «Николина Гора», розово-белую, с колоннадами, золотыми крышами и мраморными основаниями, с лебедиными прудами и оленьими вольерами, – все то, чему суждено бесследно исчезнуть среди будущих революций и гражданских войн.

Так легкомысленно и мечтательно думал Стрижайло, подъезжая к жилищу Маковского. Чугунная изгородь из заостренных копий, строгая и величественная, не скрывала красневший за ней сосновый бор. Едва заметные электрические провода на фарфоровых изоляторах держали под током весь огромный заповедный участок. Неосторожно присевшая птица или не в меру разыгравшаяся белка, коснувшись проводов, превращались в трескучую вспышку, легкий опадающий пепел. Ворота, оснащенные камерами слежения, ультразвуковыми и инфракрасными датчиками, рентгеновскими лучами, открывались торжественно и медлительно, пропуская автомобиль сквозь строй охраны с рациями, пистолетами, короткоствольными автоматами. Узкий асфальт, усыпанный сосновыми шишками, струился среди смоляных стволов, которые вдруг расступались, открывая огромный солнечный луг, посреди которого стояла резиденция Маковского.

Она ничем не напоминала безвкусные дорогостоящие копии, взятые из учебников по истории архитектуры. Казалось, строение не касалось земли, оставляя под собой живую, поросшую цветами и травами землю. Парило в воздухе, словно фантастический инопланетный корабль, опираясь на тонкий, сверкающий луч. В нем чудились палубы, хрустальные иллюминаторы, обтекаемые поверхности крыльев и стабилизаторов, создававших подъемную силу, управлявших воздушными потоками. Не ощущалась тяжесть, не присутствовала гравитация, побеждался закон тяготения. Казалось, раздастся тончайший свист, затрепещет исходящий из днища луч, и вся громадная конструкция, сверкая сплавами, переливаясь радугами, воспарит над лугом, повиснет на мгновение среди сосновых вершин, а потом умчится в синеву, не оставив после себя помятых цветов и сожженной травы, не распугав перелетающих бабочек и шмелей.

– Вас ждут, – с усилием стараясь выглядеть любезным, встретил Стрижайло служитель, великаньего роста, с могучим торсом, косноязычный, – по-видимому, один из членов экипажа инопланетного корабля, еще не вполне владеющий земным языком.

Холл был спроектирован так, что создавал иллюзию многомерного пространства, которое удалялось, распахивалось, винтообразно скручивалось, рассекалось параболами. Являло собой часть сферы, цилиндра, усеченной пирамиды. Влекло, обманывало, сладко кружило голову. Казалось, попадая сюда, ты теряешь вес, тебя подхватывает, переворачивает, раскачивает в невесомости. Мягко кувыркаясь, ты плывешь из одного объема в другой, поднимаешься вверх по стене, шагаешь по потолку вниз головой. Это напоминало опьянение, когда теряются оси симметрии, мир искривляется, и хочется расставить ноги, как на палубе во время морской качки. Стрижайло отметил это удивительное свойство архитектуры, созданной на основе какой-то неземной, неевклидовой геометрии, согласно которой две параллельные прямые в бесконечности сплетаются, образуя скрипичный ключ.

– Прошу сюда. – Служитель указал на дверцу лифта, в которой мягко горел индикатор. Они вошли в хрустальную капсулу, и, пока подымались, в кристаллических гранях переливался луг с пышным фонтаном, матовые вершины сосен, голубая река с солнечной полосой от плывущей лодки.

Они оказались в гостиной, объем и форма которой определялись общей конструкцией здания. Несколько сложных поверхностей пересекались, создавая причудливые, плавные линии тригонометрической теоремы. Однако отделка комнаты должна была сгладить конструктивистский максимализм, создать на космическом корабле образ земного жилища. Теплое золотистое дерево стен. Мраморный камин с живым огнем. Книжная полка с небольшим количеством отобранных для длительного путешествия томов, – Библия, «Война и мир», «Цветы зла», «Сказки народов Севера» – вот некоторые названия, прочитанные Стрижайло на корешках. Тут же стояли застекленные простые шкафы, где на полках лежали предметы, которые в длительном межпланетном полете должны были напоминать о земной цивилизации и истории. Золотой скифский кубок со звериным орнаментом. Медная кираса лейб-гвардейского полка. Скрипка Страдивари. Немецкий фаустпатрон. Парчовый корсет елизаветинской фрейлины. Телефонный аппарат со слуховой трубкой, из тех, что стояли в кабинетах Временного правительства. На стенах висело несколько фотографий, несомненные шедевры мастеров двадцатого века. Ленин, расслабленный, накрытый пледом, в кресле-качалке. Эйнштейн, высунувший свой знаменитый мокрый язык. Фрагмент киноленты Лени Рифеншталь «Триумф воли», где фюрер, вытянув руку, напутствует несметные колонны арийских воинов. Юрий Гагарин в домашнем палисаднике сажает цветок, привезенный им из Вселенной.

Все в этой комнате имело глубокий смысл, протягивало бесконечные нервущиеся нити, соединяющие звездолет с голубой каплей Земли.

Арнольд Маковский вышел из-за портьеры, домашний, приветливый, протягивая Стрижайло теплую большую ладонь. Он был в легком джемпере, в рубашке апаш, удоб-

ных джинсах, гостеприимно указывая Стрижайло на глубокое кресло, лицом к камину. Сам же, с милой, чуть застенчивой улыбкой, устроился напротив, созерцая гостя с таким видом, словно оригинал самым счастливым образом соответствовал воображаемому идеалу.

– Спасибо, что откликнулись на мое приглашение, – произнес Маковский. Статный, с крепким спортивным телом, с широколобой, коротко стриженной головой, он имел сильный, чуть загнутый нос, волевой подбородок и слегка негроидные губы, перешедшие к нему через многие поколения пращуров, обитавших в Месопотамии и Галилее, совершавших переход через Черное море, останавливавших взглядом солнце в Нубийской пустыне, пригоршнями поедавших «манну небесную». Лишь много позже, перенеся бесчисленные невзгоды истории, распяв Христа, они создали в России революционную Красную армию, а в Америке, в рамках проекта «Манхэттен», построили атомную бомбу.

– У вас удивительное жилище, – комплиментарно, но не лукавя, сказал Стрижайло, зная, что этим замечанием сделает хозяину приятное. – Тот, кто его проектировал, чувствует мелодию пространств. Такое чувство, что в каждой линии, в каждом объеме звучит своя космическая гармоника, уловленная «музыка сфер».

– Вы очень близки к истине. Этот дом проектировал архитектор, который в советское время работал в закрытой лаборатории над созданием космических поселений. Создавал эстетику, свободную от гравитации. Геометрию космических лучей и радуг. Этим проектам не суждено было воплотиться, но я приблизил его к себе, и сейчас он работает в наших северных нефтяных городах. Создает в вечной мерзлоте, среди полярной тьмы, ослепительные «города счастья».

– О ваших северных «городах счастья» ходят легенды, возрождающие миф о Беловодье, сказочной заполярной стране, где люди обретают долгожданный рай. Тысячи и тысячи русских людей стремятся в вашу северную страну, спасаясь от напастей бытия, и там наконец обретают вечное блаженство. Говорят, что если в ясный морозный день подняться на вершину Останкинской башни и посмотреть на север, то благодаря рефракции воздуха можно увидеть отблеск этих волшебных поселений, их прозрачное зарево под Полярной звездой.

Они смотрели один на другого дружелюбно, нравились друг другу все больше и больше. Стрижайло ощущал приятное освобождение, ублажающую легкость в теле, какая появляется в теплой морской воде, где можно вольно лежать на спине среди успокоительных колыханий и плесков.

– Я не напрасно выбрал вас. Не напрасно остановился на вашем Центре эффективных стратегий. Эффективность ваших стратегий – в эстетизации политики. Вы превращаете тривиальный политологический доклад в «Божественную комедию». Предвыборную кампанию заурядного губернатора – в «Вестсайдскую историю». Вы учитываете архетипы русского народа, поэтому вам удастся опоэтизировать бандюгу, делая из него Кудеяра-разбойника. Оправдать слюнявого олигофрена и заику, выдавая его за блаженного. И наоборот, провалить на выборах интеллигентного человека, проводя аналогию между ним и Троцким...

Стрижайло вкушал комплименты, принимая их на блюде, где они лежали, словно отекающий сотовый мед. И, странное дело, в воздухе стал разливаться запах нектара, сладких цветов, какой возникает возле зацветающей ивы, где качаются на ветру тысячи золотых горящих свечей.

– Мне хотелось поближе познакомиться с вами, изложить ряд соображений, которые, если вы согласитесь, могли бы стать содержанием нашего совместного проекта. – Маковский был приветлив, чуть застенчив. Желал, чтобы гость не чувствовал разницу их социальных статусов, несопоставимость финансовых возможностей, степени влияний на жизнь государства и общества.

Стрижайло был ему благодарен. Перед ним сидел человек его интеллекта, способный оценить виртуозную мысль и изысканный образ. Электронная память выбрасывала на дисплей досье Маковского, где была прочерчена ослепительная траектория его восхождения.

– Мне кажется, настал момент, когда необходимо создавать положительный образ тех, кого стараниями политологов принято называть олигархами. Крупный бизнес в России демонизирован. Сатанизация олигархов принесла богатство и славу целым политологическим сообществам и одновременно затрудняет положение бизнеса в России. Дает повод недобросовестным популистам жонглировать общественным мнением. Делает олигархов громомотводом общественного недовольства, которое часто есть результат дурной или преступной политики. Согласен, олигархи нередко сами дают веский резон для ненависти. Оргии в Куршевеле, которые транслируются по телевидению. Роскошные приобретения и покупки, которыми кичатся на всю страну представители высшего класса. Они не учитывают бедственного положения населения. Не считаются с пуританской этикой русского народа. Оскорбляют в нем чувство справедливости...

Стрижайло предвкушал выгодный и увлекательный заказ, который подвинет его в иерархии политологов, поставит вровень с теми немногими, кто свил «политологические гнезда» за Кремлевской стеной. Сотрудничество с Маковским сулило огромные деньги, простор возможностей, неограниченную фантазию и изобретательность. Стрижайло чувствовал, как трепещут его ноздри, вдыхая новые упоительные запахи, – на этот раз утонченных духов, словно мимо прошла невидимая, чуждая женщина.

– Вы понимаете мою мысль?..

Стрижайло понимал глубину олигархической мысли, опережая интуицией услышанное. Электронная летописная строчка бежала, бесшумно пересказывая «повесть временных лет», когда комсомольский вожак Маковский участвовал в молодежном международном движении. Посещал закрытые профилактории Крыма, где, под бдительным оком КГБ, среди симпозиумов, спортивных состязаний и оргий, завязывались связи разведки, финансировались фестивали и презентации. Там же возник ослепительный замысел по созданию кооператива «Глюкос» – странное имя аргентинской девушки, дарившей свое смуглое тело группе неутомимых комсомольцев. Первые деньги, заработанные на торговле компьютерами, были той узенькой Волгой, что течет ручейком в валдайских болотах, лишь позднее, выходя на равнину, превращается в великую русскую реку.

– Наша корпорация – прямая наследница СССР. Мы пришли на нефтяные поля Сибири к моменту, когда они были превращены в залежи ржавых труб, поваленных буровых, в озера разлившейся нефти. В городах исчезли тепло и свет, и они выглядели как бетонные морги. Недавние передовики производства, почетные нефтяники, Герои Соцтруда превратились в заросших шерстью неандертальцев, добывающих огонь трением и пожирающих бездомных собак и кошек. Мы явились в Сибирь, как «Весна священная». Тундра озарилась алмазными огнями буровых. Трущобные поселения стали «Городами счастья». Мы спасли от разорения драгоценное наследие СССР, ставшее залогом великого русского будущего. Такие корпорации, как наша, объединившись, положат начало новой полноценной России, вернувшей себе утраченные территории и утраченное величие...

Эти патетические слова сопровождались чудесным запахом сладкого дыма, как если бы невидимый священник пронес через комнату курящее кадило с красным угольком и тлеющей капелькой ладана. Стрижайло догадался, что запахи поступают в комнату вместе с воздухом кондиционера, создавая восхитительные галлюцинации, столь желанные для звездоплавателей.

Глюки – вот что таилось в глубине аргентинского имени «Глюкос», волшебным образом переселилось в название нефтяной корпорации и теперь витало в душистом воздухе комнаты.

Память Стрижайло, соединенная модемной связью с электронным досье Маковского, подпитывалась информацией. Рождение коммерческого банка «Глюкос», куда стекались деньги табачных «теневигов», грузинских мафиози, «красных директоров» автомобильных заводов, а также беспроцентные и безвозвратные кредиты Центробанка, на огромном мертвенном теле которого поселилось суетливое множество банков-упырьков, возглавляемых недавними комсомольцами и офицерами внешней разведки. Банк Маковского изобретательными стараниями молодого банкира превратился в легальный «общак» отставных генералов КГБ, действующих министров правительства, проводил операции «нефть в обмен на детское питание», «хлеб в обмен на наркотики», «оружие в обмен на демократию», «либеральные ценности в обмен на фальшивые авизо». Тогда же на небоскребах Нового Арбата загорелась огромная, стоцветная, как ночная радуга, надпись «Глюкос». В холодных дождях на ее перевернутом отражении собирались продрогшие проститутки, чтобы ненадолго, перед тем как их разберут по саунам и бандитским притонам, оказаться в перламутровом зареве счастья.

– Преуспевание нашей корпорации конечно же основано на современных технологиях добычи и транспортировки нефти. Конечно же на блистательном менеджменте, к которому мы привлекаем лучшие силы России, Европы, Америки. Не только на глубинном, геостратегическом прогнозе мировой экономики, с учетом возможных кризисов, войн, иссякания углеводородов земли. Наше преуспевание базируется прежде всего на философии «либеральных ценностей», на категории «свободы», которые, являясь достоянием отдельного человека, перетекут в коллектив, в корпорацию, а оттуда – в общество. Свобода обеспечивает нам самые высокие показатели труда, развитие того, что в советское время называлось «человеческим фактором». Именно в наших «Городах счастья» человек по капле выдавливает из себя раба. По нефтяной капле, если угодно. Именно в нашей корпорации, на нефтяных полях Заполярья, происходит подлинная реабилитация узников ГУЛАГа, их истинное, пусть и посмертное освобождение – через свободный труд их потомков, раскрепощенную волю народа, благоденствие личности, корпорации, Родины...

Стрижайло понимал, что перед ним разворачиваются тезисы предстоящего проекта, к которому привлекает его Маковский, надеясь, что каждый тезис будет превращен в фейерверк заказных статей, интернет-компаний, политологических симпозиумов, где средствами высококолых докладов, комиксов «полит-арта», эстрадных гастролей, а также тонких инсинуаций и интриг возникнет новый образ олигарха-радителя, искупающего своим великолепным явлением все мракобесие и ужас «реформ». Как если бы на гнилой свалке отбросов, расшвыривая мусор и прах, поднялся сияющий пророк и спаситель, озаряя ночь. Тезисы предлагались в компактной, пригодной для усвоения форме. Само же усвоение стимулировалось системой запахов, располагающих слушателя к прекрасному, помещая в это неназойливое «прекрасное» предназначенный для усвоения тезис.

Сейчас в комнате пахло холодным арбузом и той восхитительной свежестью, какая веет от первого снега. Этот чудесный запах породил образ нежной девственной белизны, среди которой сочно краснел разрезанный надвое арбуз, алый, с черными семечками, где в сладкой холодной мякоти были спрятаны предлагаемые суждения. Стрижайло поглощал эти суждения вместе с розовыми сочными дольками, отделяя их ножом от полумесяца с зеленым лакированным ободком. Однако не забывал при этом считывать из досье информацию.

Переход от банка «Глюкос» к нефтяной корпорации того же названия был связан с увлекательной придворной интригой, в которой участвовали седовласый, с рюмкой охлажденной водки, завернутый в белую простыню Президент, однажды, по высокой протекции, пригласивший Маковского в баню, а также сильная духом и здоровая, упитанным телом дочь Президента, в ту пору напряженно решавшая, какой тип мужчины является оптимальным для России «переходного периода». Она искала этот тип среди журналистов, бизнесменов, министров, актеров Театра сатиры, шоферов службы охраны, а также среди

заезжих венецианских жонглеров и африканских пигмеев, приглашенных, за их рост и уровень развития, на Конгресс малых народов Севера, где дочь и познакомилась с Маковским. Результатом этого краткого, энергоемкого знакомства было приобретение банком «Глюкос» нефтяных полей в Западной Сибири, которые в ту пору были начисто разворованы демократическими чиновниками Минтопэнерго, а также посредниками, перепродающими нефть на западные рынки. Маковский, облетая вертолетом свои новые владения, ужасался зрелищу разрушенной советской цивилизации. Там же, сквозь шум вертолетных винтов, дал приказ начальнику безопасности, чеченцу Арби уничтожить посредников, словно ненасытных волков. Это выглядело как сибирский «блицкриг», во время которого тундра озарялась северным сиянием автоматных очередей, разноцветными взрывами фугасов, завораживающими пожарами нефтедобывающих контор и офисов. Когда пришла долгожданная весна и стали сходить снега, множество неопознанных трупов, изгрызенных лисами и росомахами, обнаружилось на поверхности зацветающей тундры.

– Я только что назвал систему «либеральных ценностей» философией. Я оговорился. Это религия. Во всех мировых религиях – христианстве, иудаизме, исламе – свобода является основополагающим догматом. Христос, Моисей, Магомет проповедовали свободу человеческой воли, которая только одна, через великие труды и свершения, приближает человека к абсолютному блаженству и счастью. Каждый баррель нефти, добытый свободными людьми корпорации «Глюкос», увеличивает свободу мира, приближая, говоря языком старомодным, «рай на земле». «Города счастья», где пока что проживает избранная, ограниченная часть человечества, транслируют свободу через магистральные нефтепроводы в самые отдаленные регионы земли, пополняют копилку «либеральных ценностей». Таким образом из страны традиционного деспотизма Россия превращается в кладезь свободы. Недаром мы построили в столице нашей нефтяной империи, на берегу Оби, православный храм, мечеть и синагогу...

Перечисляемые тезисы, выстроенные в пирамидальном порядке, приближали Стрижайло к завершающей цели, ради которой могущественный, с блестящим умом и несметным состоянием олигарх, изменяя правилу олигархического уклада, пригласил его домой, предпочтя домашнюю беседу ужину в дорогом ресторане. Эта цель еще не была видна, но уже посылая магические вспышки, волшебные лучи и восхитительные ароматы. В гостиной нежно и чарующе пахло жасмином. Стрижайло, поддавшись иллюзии, стал искать глазами куст, усыпанный белыми, как сливки, цветами.

Досье, подключенное к серому веществу головного мозга, продолжало закачивать в Стрижайло бесшумную информацию, от которой взволнованно переливались нейроны, делая похожим мозг на мерцающие огни большого города с разноцветными рекламами ночных клубов, отелей и супермаркетов.

Следующая волна экспансии «Глюкоса» была направлена на захват нефтеперегонных заводов Сибири, Поволжья, Центральной России. Территории, покрытые нержавеющей сталью реакторов, колонн, вьющихся труб, фантастические сферы, цилиндры, ажурные мачты переходили под контроль Маковского, как переходят под пята полководца поверженные города. Убитых было немного. Их тайно хоронили в бульдозерных рвах, опускали в цистерны с соляной кислотой, заливали жидким бетоном. Захват портовых терминалов на Черном и Баренцевом морях совершился почти безболезненно, стоило выкрасть дочь директора новороссийского порта, а также, проведя энергичную выборную кампанию, сменить мэра Мурманска. Нефтеперегонные мощности в Литве достались Маковскому почти даром, после пожертвования миллиона долларов в предвыборный фонд Президента. Повсеместно, куда приходила победоносная компания, возникал осмысленный порядок – «орднунг», как говорили менеджеры. Росло производство, улучшались условия жизни. И повсюду – над крышами городов, над буровыми и нержавеющей башнями, на ложках в рабочих столо-

вых, на золотых сувенирах для отличившегося персонала – везде красовалась эмблема «Глюкоса». Равнобедренный треугольник с помещенным в центр всевидящим оком, рыжим, зорким, с мерцающим острым зрачком.

Стрижайло неслышно охнул, рассматривая лицо Маковского. Мягкое, благовидное, с чертами благородной гармонии, оно имело одну аномалию, а именно – правый глаз. Отличный от левого, карего, под темной пушистой бровью, этот правый был рыжий, ястребиный, беспощадно-пронзительный. Зрачок трепетал. Гневно выгибалась рыжая жесткая бровь. Этот глаз был недремлющим оком хищной, нахохленной птицы. Именно этот глаз, заключенный в магический треугольник, был изображен на эмблеме «Глюкоса». Озирал несметные богатства компании, смотрел на каждого работника из фарфоровой чашки, брезентовой робы, с экрана корпоративного телевидения. «Глаз вопиющего в пустыне», – подумал Стрижайло, представив раскаленную Нубийскую пустыню, среди которой пылал, издавал нечеловеческий вопль желтый глаз незримой космической птицы.

– Мы проделали огромный путь из «царства деспотии» в «царство свободы», путь тернистый, со множеством потерь и лишений. И вот теперь, когда главные тернии позади и дорога все лучезарней, наш Президент задумал поворот с полпути назад. Этот поворот столь же неуютен и неразумен, как пресловутый поворот северных рек. Его отказ от либеральных ценностей реакционен и нуждается в серьезной коррекции. С каждой нефтяной каплей мы выдавливаем из себя раба, а он вновь закачивает в нас рабство, как закачивают в нефтяной пласт воду. Мы тратим огромные средства, чтобы «перекодировать» исторически несвободное население России. Превратить его из патриотов-государственников, видящих в центре русской жизни деспотическое государство, в патриотов-либералов, исповедующих либеральную Россию свободных граждан. Эта «перекодировка» связана с изменением генетического кода, требует терпения, последовательности и любви к соотечественникам. Чего напрочь лишен наш Президент, выходец из архаических, изживших себя структур, к которым я отношу органы государственной безопасности...

Рыжий глаз хищной разгневанной птицы одиноко мерцал в раскаленной пустыне, издавая нечеловеческий вопль, от которого высыхали оазисы, рушились храмы, падали замертво верблюды и погонщики караванов. Взгляд этой вещи птицы остановился на Стрижайло. Выбрал для какой-то роковой и неизбежной задачи, смысл которой медленно всплывал среди неторопливых речений. И чтобы избавить Стрижайло от палящего зноя пустыни, уберечь его слух от невыносимого вопля, в комнате разлилась свежая прохлада, какая бывает после летней грозы, когда воздух пропитан озоном, в небе стоит великолепная радуга, а помятая трава под ногами – в каплях воды, в слипшихся колокольчиках и ромашках.

Досье, этот электронный информатор, продолжало обогащать Стрижайло сведениями о вельможном собеседнике. Маковский был главным спонсором, обеспечившим победу на выборах седовласого, с прогнившим сердцем Президента над мягкотелым коммунистом Дышловым. На деньги «Глюкоса» был выписан из Америки старый, как библейский ворон, кардиолог и доставлено сердце абиссинского бабуина, которое вшили в разъятую грудь Президента. После чего тот вскочил с операционного стола, изгрыз зубами аппарат искусственного дыхания, вырвал с корнем стариковскую руку из щуплого тела кардиолога. Представители «Глюкоса» встретились с Дышловым, чей перевес на выборах был зафиксирован секретными службами, и убедили его признать поражение, поздравить с победой соперника. При этом закачали в партийную кассу коммунистов двадцать миллионов долларов отступных. Эти траты окупились сполна, когда Маковский из президентского круга узнал о дефолте за два дня до рокового крушения. Провернул комбинацию, на которой заработал четыре миллиарда долларов, из которых половину составлял кредит Международного валютного фонда, исчезнувший в русских снегах, как армия Наполеона.

– Я веду переговоры с представителями крупного бизнеса, с «великолепной десяткой», в чьих руках сосредоточена финансовая мощь России. После ожесточенной конкуренции, битвы за советскую собственность наступает период гармонического сотрудничества, координации усилий, превращения «олигархического клуба» в инструмент неодолимой экономической и политической экспансии. Зоны нашего влияния охватывают нефтяные и газоносные районы Сибири и Крайнего Севера. Лесные массивы Евразии. Сталелитейные заводы и медеплавильные производства на всей территории прежнего СССР. Энергетические установки и линии электропередачи от Памира до Балкан. Железнодорожные, шоссейные и авиационные коммуникации от пустыни Гоби до Центральной Европы. Оборонные заводы, полигоны, военные округа, океанские флоты и орбитальные группировки во всем Северном полушарии. Миграционные потоки Европы, Азии и Африки. Вся эта, еще недавно разрозненная и неорганизованная мощь приобретает вид рациональной, управляемой системы, воздействующей на судьбу континентов. Речь идет о воссоздании великой геополитической империи, составляющей суть всей русской истории, теперь, после крушения коммунизма, обретающей новую форму для своего воплощения. Назовем ее условно «либеральная империя» Евразии. Мы, олигархи, демонизированные, нареченные врагами русского народа, разрушителями русской государственности, продолжаем вековечное имперское дело России, делаем все, чтобы «свеча не погасла»...

Стрижайло находился под воздействием грозных и пленительных смыслов. Их усвоению способствовал восхитительный запах грибного леса, где у теплых стволов, в поникшей траве с лесными гераньками, пахучими муравейниками, проблеском стеклянных стрекоз, вдруг открывается бархатный гриб, его плотная седая ножка, глазированная голова, на которой блаженно застыла лесная улитка. Стрижайло испытывал головокружение. Досье сквозь невидимые волноводы впрыскивало в его восхищенное сознание бестелесные вспышки.

Как солнце вырывается из-за тучи, стремительно бежит по земле, зажигая ослепительным светом озера, поля, далекие лесные опушки, россыпи деревень с белыми колокольнями, так корпорация «Глюкос» расширяла свое влияние. Подчиняла контрольно-правительство, парламент, губернаторов, захватывала газеты и телеканалы, расставляла генералов в армии, МВД и разведке. Сталкивалась на краях влияния с другими корпорациями олигархов. Невозможно было забыть схватку Маковского с олигархом Верхарном. Недавние друзья, поочередно обнимавшие полный стан президентской дочери, вливавшие золотое вино в кожаные мехи предвыборного президентского фонда, они рассорились из-за такой малости, как право владеть нефтяными шельфами Баренцева и Охотского моря, приватизировать атомный ледокольный флот, пробивающий в полярных льдах дорогу нефтетанкерам. Россия с замирающим сердцем следила за войной телеканалов, принадлежащих Маковскому и Верхарну. В ироничной передаче «Куклус-клан» Маковский представал то голым негр-тянским каннибалом, поедающим русских младенцев, то северным шаманом, камланиями оживляющим труп Президента. Канал Маковского, не опускаясь до грубых комиксов, в спокойной аналитической манере рассказывал, как деньги чеченских боевиков проходят через банки Верхарна, как Верхарн наладил торговлю заложниками, вначале поощряя чеченцев на захват представителей российской власти, а затем побуждая власть выкупать несчастных за многие миллионы долларов. Венцом этих разоблачений была передача, в которой доказывалось, что убийство известного редактора русско-американского журнала «Фокус-мокус», показавшего, как Верхарн уводит деньги в офшоры, – это зверское убийство осуществлено Верхарном. После чего не замедлил взорваться бронированный «мерседес» Маковского, где взрывом оторвало шоферу голову. После чего из гранатометов обстреляли особняк Верхарна в центре Москвы. После чего, оживив все тайные связи в Генпрокуратуре и ФСБ, подарив пять процентов акций компании «Глюкос» помощникам Президента, Маковский добился

возбуждения уголовного дела против Верхарна. Выдавил недавнего друга в Лондон. Объявил его через Интерпол в розыск, прибирая к рукам обездоленную корпорацию Верхарна.

Об этом напоминали Стрижайло бестелесные вспышки электронного досье. Об этом мягко оповещали грибные ароматы подмосковных березняков и дубрав. Об этом истошно вопил в пустыне ястребиный глаз беспощадной космической птицы.

– Политическая система России, именуемая «шампур власти» и «шашлык губернаторов», которую пытается навязать нам Президент-кагэбэшник, противоречит либеральным ценностям, противоречит мировому развитию, становится тормозом «либеральной империи» и возрождения России. Мы начинаем демонтаж архаической президентской республики, наделяющей ограниченного Президента неограниченной властью. Мы желаем видеть Россию парламентской республикой, с сильными, конкурирующими партиями, либеральным парламентом, с Президентом, получающим власть из рук либеральных парламентариев. Мы хотим усилить влияние «Глюкоса» во всех парламентских партиях, включая коммунистическую, чтобы выбор будущего Президента России не противоречил либеральным тенденциям. Мы не хотим оставаться в стороне от предстоящих думских выборов и последующих за ними выборов Президента. Поэтому я и пригласил вас к себе, надеясь на ваш креатив, способность улавливать нюансы, превращать политику в увлекательное всенародное шоу.

Маковский стал подыматься, прикрывая свое рыжее вопиющее око, что совпало с исчезновением чарующих запахов, последним из которых был аромат ананаса, разрезанного на янтарные, отекающие соком доли.

– Предлагаю продолжить беседу во время прогулки. Там я завершу свои мысли и выслушаю ваши.

Они покинули гостиную, вышли из дворца и направились через луг к сосновому бору с красными смоляными стволами, голубыми вершинами, полными белок и дятлов. За ними, на почтительном расстоянии, следовал все тот же инопланетный великан, не отбрасывая тени. Углубились в бор по песчаной дорожке, через которую перебежали полосатые бурундучки и ежи. Впереди сквозь стволы что-то засветлело, мягкое, туманно-белое, напоминавшее лесное озеро. Но когда приблизились, Стрижайло с изумлением увидел, что это длинный самолет с алюминиевым фюзеляжем, широко распростертыми крыльями, четырьмя старомодными двигателями, на которых висели закопченные лопасти. Появление самолета было странным и сюрреалистическим, ибо сосны росли вплотную к фюзеляжу, окружали крылья, стояли перед застекленной кабиной, будто самолет приземлился здесь полвека назад и вокруг него успел вырасти бор. На фюзеляже были различимые полустертые бортовые номера, латинские литеры, опознавательные знаки американских ВВС. Сам самолет, когда Стрижайло осмотрел его волнующие старомодные формы, мощные моторы, тусклое сияние алюминия с чуть заметными вмятинами и ожогами, какими бывают покрыты отслужившие век боевые машины, – самолет оказался бомбардировщиком Б-29, знаменитой «Летающей крепостью» Второй мировой войны.

– Вы не ошиблись, – произнес Маковский, которому было приятно изумление гостя. – Это та самая машина, с бортовым номером 44–86292, которая, под управлением полковника Пола Тиббетса, нанесла ядерный удар по Хиросиме. На корпусе, вы видите, имя матери пилота «Энола Гей», которое начертал нежный, любящий сын. Самолет достался мне благодаря дружеским отношениям с внучатым племянником Трумэна, который был связан с утилизацией устаревших машин на авиационной базе Гуам.

Это ошеломило Стрижайло. Белый, в солнечных вмятинах алюминий был ободран о японское небо, осыпан осколками японских зениток, опален бесцветной атомной вспышкой, из которой навстречу самолету излетали тысячи душ. Хватались за крылья, грызли пропеллеры, соскребали ногтями ненавистное женское имя, колотились лбами о стеклянные ромбы

кабины, за которыми, уже безумный, сидел экипаж. Созерцание самолета тоже приближало к безумию. Были несовместимы статичные, окружавшие самолет деревья и длинный, приспособленный к скоростям и открытому небу фюзеляж. Казалось невозможным видеть в Подмоскowie алюминиевую машину, ослепленную бесцветным огнем, на которую с сосен с нежным звяканьем падают шишки, осыпаются сухие иглы.

– Этот самолет завершил христианскую цивилизацию. Положил начало новой, либеральной истории. Атомный взрыв – это оргазм, оплодотворивший либеральную эру. Приглашаю на борт... – Широким жестом Маковский указал на шаткий, в виде стремянки, трап, ведущий с земли в овальную дверь самолета. Пропустил вперед Стрижайло.

Тот вошел, предполагая увидеть облупленную приборную доску, мятые кресла, ободранные шпангоуты и заклепки. Но оказался в великолепном белоснежном интерьере, с мягко разлитым освещением, где на длинных, нежно скругленных стенах светились экраны, мерцали индикаторы, бегали электронные лучи, как это бывает в диспетчерских, управляющих атомными станциями или космическими полетами.

– Вот смотрите. – Маковский уселся в удобное кресло перед панелью с клавишами, напоминавшими электронное пианино. – Отсюда видна нефтяная политика мира. Отсюда я принимаю участие в нефтяной стратегии земного шара, которая и есть подлинная история человечества в либеральную эру. Мои партнеры по «Бритиш петролеум», «Экссон», «Тексако» или «Шелл» подключили российскую нефть к мировой нефти, сделали меня, российского нефтевладельца, членом кабинета Мирового нефтяного правительства.

Маковский нажимал на клавиши, как искусный пианист, и в ответ загоралось множество экранов, возникали электронные табло, начинали танцевать электронные цифры, разбегались графики, окружая огромную, во всю стену, электронную карту мира. На этой карте были отмечены нефтяные месторождения на земле и море, нефтепроводы, протянутые через континенты, нефтехранилища и нефтеперегонные заводы, маршруты танкеров и нефтеналивных цистерн. Маковский помещал электронную стрелку в ту или иную точку земли, и возникали таблицы стоимости бензина и нефти, объемы потребления топлива, названия продающих и перерабатывающих компаний. Он давил клавиши, и возникали описания экономических и военных рисков, имена национальных лидеров, обслуживающие банки, основные потребители топлива. Он бил пальцем в переключатель и считывал прогнозы социологов, краткое изложение возможных социальных конфликтов, криминальных скандалов, правительственных кризисов.

Стрижайло видел землю словно из космоса. Она была суперкомпьютером, электронным мозгом, в котором туманились воспоминания о великом прошлом, мерцали образы великого будущего, трепетало и искрилось настоящее. Нефть объединяла землю в единый, меняющийся организм, и Маковский казался диспетчером, управлявшим из неба мировой жизнью.

– Надеюсь, теперь вы лучше понимаете смысл нашей встречи?

Этот смысл угадывался, вызывал у Стрижайло головокружение, как если бы он смотрел в бездонную пропасть, наполненную синим туманом, с едва заметной слюдяной жилкой реки. Маковский был футуролог, формировал будущее, претендовал на мировые роли.

– «Камень, брошенный в море, меняет все море». Так полагал Паскаль. Ничтожное событие в зоне добычи, переработки или транспортировки нефти меняет содержание всей истории. Имеет денежный эквивалент в стоимости барреля.

Маковский нажал клавишу. На карте, где был обозначен Ирак, возникли кадры Си-эн-эн в масштабе реального времени. Американские «апачи» ведут атаку на Эль-Фалуджу, дырявят снарядами золотой купол мечети. Боевик Армии Мухаммеда отрезает голову заложнику из Канады – тянет за волосы человека с завязанными глазами, обнажает длинную шею, резко проводит ножом. Тут же возникала цена на баррель – на черном фоне подскакивал

блестящий столбик, указывая отметку в 35 долларов. Словно струйка ртути в термометре под мышкой у негритянки.

Еще нажатие клавиши. Венесуэла, беспорядки в Каракасе. Жгут портрет президента Чавеса. Полиция разгоняет толпу. И снова скачок цены. Баррель – 36 долларов. Негритянка разглядывает ртутную струйку, высунула красный язык, блестя голубыми белками.

Нигерия. Племенная резня. На асфальте под пальмами уложены длинноногие трупы, чуть прикрытые разноцветной ветошью. Солдаты в камуфляже и касках грациозным жестом вскидывают М-16, куда-то стреляют. Новый скачок. Баррель – 37 долларов. Шелковистая, пахнущая потом подмышка, сгусток мокрых волос, столбик блестящей ртути.

Авария на плавучей буровой в Северном море. Вышка накренилась и рухнула. Сыплются люди в воду. Вертолет навис над красным пожаром. За баррель – 38 долларов. Коричневая, в капельках пота грудь, фиолетовый вздутый сосок. Негритянка прячет под мышкой градусник, прижимает полным предплечьем, на котором, словно отпечаток ракушки, – перламутровый шрамик от оспины.

Чечня. КамАЗ с динамитом врезается в военный госпиталь. Подымает на воздух бетонные этажи, обрушивает на головы раненых. Окровавленный кусок перекрытия. Из-под плиты недвижимая, с растопыренными пальцами пятерня. Баррель – 39 долларов.

Стрижайло был на грани обморока, словно у него, как у больной негритянки, подымался жар. Маковский нажимал на клавиши, исторгая из мегакомпьютера грохочущую ритуальную музыку, под которую танцевал обезумевший мир. Это он, нефтяной император, посылал вертолет на купол золоченой мечети, отдавал приказ террористам перерезать горло канадцу. Он разжигал племенную рознь, устилая красную африканскую землю длинноногими трупами. Он закладывал пакеты тротила в плавучую буровую, глядя, как наклоняется подломленная железная башня. Он усаживал в заминированный грузовик опоясанного взрывчаткой шахида, направлял на таран. Огромная негритянка танцевала безумный танец, колыхала черными, как нефть, грудями, отекала коричневым потом, топотала босыми пятками, высовывала красный язык, выпучивала белки, трясла на бедрах расцветченной тряпкой.

– Наш нынешний Президент неэффективен. Жертва рудиментарного сознания, он отстаивает приоритет государства. В то время как мир выстраивается в глобальную «либеральную империю», преодолевает государственные реликты, национальные пережитки, политический провинциализм. Россия не может оставаться провинцией. Наш проект заключается в том, чтобы мирным путем, избегая потрясений и кризисов, сменить Президента, для чего на предстоящих выборах следует лишить его парламентской базы, наводнить парламент сторонниками либеральных ценностей. Для этого я вас пригласил, чтобы мы вместе отправились в наш полет.

Стрижайло услышал нарастающий металлический гул, почувствовал вибрацию пола. Маковский оставил свое место перед мегакомпьютером, прошел в головную часть самолета, увлекая за собой Стрижайло. В кресле пилота, окруженный ромбами прозрачной кабины, сидел великан-охранник в комбинезоне и шлеме, нажимал на кнопки, перебрасывал тумблеры. Из кабины виднелись алюминиевые бивни крыльев, жужжащие пропеллеры, превращенные в солнечные блюда. Из патрубков сыпались искры, выплескивался синий огонь. Сосны, окружавшие бомбардировщик, качались и трепетали от вихрей. Из них улетали испуганные синицы и дятлы, перескакивали ошалевшие белки.

Маковский поднял вверх большой палец, командуя «взлет». Деревья, обступившие бомбардировщик, упали на сторону, плоско сложились, как если бы их нарисовал на фанере художник. Лесная подстилка стала расступаться, как если бы расстегивалась бесконечная молния, – под синтетическим паласом, изображавшим подстилку, открывалась бетонная, уходящая вдаль полоса. Самолет качнулся, пошел. Тяжело поднялся, оставляя в воздухе мутную копоть. Шел высоко, неся в алюминии слепое отражение солнца.

Стрижайло казалось, что это сон. Из бесконечной высоты, сквозь голубую дымку, он видел блеск океана, водную рябь, на которой оставался белый след плывущего авианосца. Возник зеленый курчавый остров, окруженный пеной прибоя. Среди изумрудных лесов и коричневых гор потянулись дымы городов, стеклянно замерцала, металлически заблестела земля, покрытая чешуей строений, бесчисленными сотами жизни. Под крылом была Хиросима. К самолету с земли полетели разрывы зениток. Не достигали машины, покрывая небо пушистыми комочками хлопка.

Маковский опустил большой палец вниз, отдавая приказ на «бомбометание». Корпус машины вздрогнул, облегченно прынул вверх. От него отделилась кубышка. «Малыш» раскрыл парашют, плавно устремился к земле. Там, где зеленело, где перламутрово и нежно туманилось, возникла слепящая вспышка, белый сочный пузырь. Стал подниматься вверх, выбрасывал косматые вихри, клубы раскаленного пара. Огромное, застилающее небо бельмо лопнуло, и в нем открылся рыжий громадный глаз. Жутко дрожал, мерцал беспощадным зрачком жестокой космической птицы. «Глаз вопиющего в пустыне» сверкал над землей, превращая планету в пустыню, по которой из края в край несли металлический вопль.

Они шли по чудесному сосновому бору, и Стрижайло не знал, было ли то сном или явью. Стоял ли, окруженный деревьями, алюминиевый бомбардировщик с полустертой надписью «Энола Гей». Или он, Стрижайло, надышался в гостиную Маковского галлюциногенными запахами, что и породило видения. Маковский, элегантный, спортивный, в джемпере, в джинсах, ступал по тропинке мягкими итальянскими туфлями. Беззаботно рассказывал:

– Эти реликтовые подмосковные сосны мы бережем как зеницу ока. Их не касается топор дровосека. Каждая внесена в «национальную книгу сосен», каждой присвоено женское имя. Вот эта сосна – «Ирина». – Он обнял золотистый ствол, нежно поцеловал кору, в которой, казалось, открылись алые губы, отвечая на поцелуй. – А эта сосна – «Антонина». – Он провел ладонью по живому стволу, в котором на секунду открылась белая дышащая грудь.

Еще недавно технократ, футуролог, управляющий мегакомпьютером, сейчас Маковский был пантеистом, видел в каждом дереве бога, в каждом лесном цветке – дух земли.

– Здесь, в лесу, я устроил небольшой зоопарк под открытым небом, где собраны редкие виды животных, которых мы, под присмотром зоологов, спасаем от вымирания, стараемся получить от них потомство.

Стрижайло увидел прясла, окружающие просторные вольеры, терявшиеся в деревьях. В одном вольере расхаживали косматые бизоны, похожие на тех, что изображались на наскальных рисунках, – те же огромные тела, тупые морды, резные копыта. Среди взрослых, черно-бурых особей топтался малиновый, с розовым носом детеныш, подтверждая надежды на восстановление истребленного вида. В соседнем вольере разгуливали две антилопы с остроконечными витыми рогами, обитательницы африканской саванны. Самец пытался взгромоздиться на самку, бил в костистую спину копытами, промахивался мимо нервного короткого хвоста фиолетовым детородным органом, который одним своим размером не оставлял сомнений, что редкая разновидность будет сохранена и умножена. В следующем ограждении разгуливал страус с лысой пупырчатой шеей и надменно вздетой головой, с приспущенным плюмажем великолепных хвостовых перьев, из-под которых торчали мускулистые ноги известной балерины, уволенной за ее вес и размер из Большого театра. Второй страус сидел на гнезде, подслеповато поглядывая по сторонам, напоминая финансиста Ясина, высидившего золотые яйца. В четвертом вольере бегали два огромных дикобраза, сердито фыркали, злобно бормотали. Натыкались один на другого, и тогда их иглы страшно расширялись, топорщились, дрожали непримиримой ненавистью. Они напоминали участников телепере-

дачи «К барьеру!»), и если прислушаться к их фырканьям и чиханьям, то можно было понять, что они матерятся.

– Здесь же, вдохновленные нашими зоологическими экспериментами, мы развиваем успех. – Не скрывая гордости и самодовольства, Маковский указал на ограждение, за которым, на открытой поляне, стояли остроконечные чумы, вился дымок, несколько мужчин в оленьих шкурах были заняты ремеслами.

Один вытапливал из мертвого тюленя густой желтый жир, смазывал себе лицо и волосы. Другой сшивал шкуры нерп, протыкал края иглой, сделанной из рыбьей кости, продергивал дратву, скрученную из оленьей жилки. Третий вырезал по белому моржовому бивню, покрывая его изображениями охоты и рыбной ловли. Тут же трудилась женщина с коричневым лицом и смоляными косицами, чистила песком огромный медный катер. Играли ребятишки, пуская друг другу в глаза пригоршни песка, добывали трением огонь, норовили подложить тлеющий уголек под зад увлеченному косторезу.

– Компания «Глюкос» спонсирует несколько либеральных проектов, один из которых направлен на сохранение вымирающих народов Севера. Депопуляция их столь стремительна, что мы вынуждены перевозить родительские пары из суровой северной тундры в Подмосковье. Здесь они живут под присмотром опытных диетологов, следящих за тем, чтобы в рационе питания присутствовали привычные для них компоненты – мелко растертый ягель, рыбий клей, костяная мука. Вначале, надо признаться, они плохо переносили жизнь в районе Барвихи, но потом не только привыкли, но и стали размножаться в неволе. Мы поим детенышей сливками Останкинского молочного комбината, добавляем в пищу целебные добавки Бренчанина. Детеныши развиваются столь стремительно, что на третий месяц после рождения начинают курить трубку, на пятый – свободно говорят по-английски, а на седьмой принимаются ходить и бегать. Окрепших детенышей самолетами мы доставляем на Север и выпускаем в тундру, где они начинают жить и кормиться самостоятельно. Было несколько неудачных попыток поселить их в «Городе счастья», в великолепных квартирах, с пентхаусами и зимними садами. Увы, не приживаются, – начинают разводить костры на паркете, вялят на лестничных площадках рыбу, чего не выносят другие обитатели дома. В конце концов, когда зацветает тундра и прилетают лебеди, мы выпускаем их на свободу, давая с собой месячный запас пасты «Бленд-а-мед». Впрочем, один из них прижился в «Городе счастья». Он порвал с традиционной религией – шаманизмом, перешел в иудаизм и теперь регулярно посещает синагогу на радость местного раввина, тоже, надо сказать, наполовину ханты.

Они миновали вольеры и вышли на опушку леса, где помещалось капище. Высился высокий, крытый шкурами чум. На шестах висели белый череп оленя, привязанная за лапы тушка полярной совы. Маковский остановился перед чумом, замер, словно коснулся прозрачной преграды. Его сильное, облаченное в джинсы и джемпер тело напряглось, черты лица изменились. Вместо смуглой негроидности появилась загадочная желтизна монголоидности. Он скакнул на одну ногу, как если бы под другой оказалась мина. Отпрыгнул в сторону, выбирая безопасное место. Кинулся вперед, прошуршав по траве. Бросками ломал траекторию, выбирая сложный, одному ему ведомый путь, словно боялся натолкнуться на незримые лазерные лучи. Добрался до чума и нырнул в темный треугольный прогал.

Несколько минут его не было. Затем из прогала показался облаченный в шкуры шаман, в оленьих, расцвеченных пимах, в короткой, из серебристого меха безрукавке, с голыми руками, покрытыми синей ритуальной татуировкой. Лицо колдуна было закрыто маской из древесной коры с клыками россомахи, с раскрашенными гусиными перьями. В руках шамана бился и грохотал бубен из моржовой кожи, издавая глухие удары, как если бы в бубне билось ухающее сердце моржа.

Шаман выскочил на поляну, стал подпрыгивать, перескакивая с ноги на ногу, грохоча колдовским инструментом. Совершал обороты, приседал, скакал на одной ноге, крутился волчком, убыстряя движения, усиливая грохот и стон.

Стрижайло изумленно смотрел. Колдун завораживал. Удары бубна входили в ритм его собственного тела, которое стало вдруг содрогаться. Ноги топотали, ударяя о землю. Руки вздымались, совершая вращение. Это были ритмы его сотрясенного сердца, испуганных кровотоков, трепещущих внутренних органов. Бубен гремел, захватывал в свой колдовской резонанс окрестную природу – течение рек и ручьев, шум ветра, колыхание вершин. Улетал в бестелесную пустоту, где парили светила, летали метеоры, проскальзывали орбиты невидимых планет. Это был проснувшийся дух камней, подземных минералов и руд, прозрачных лучей. Дух древесных чащоб, птичьих кликов, звериных стенаний. Вызванный грохотом бубна, дух управлял мирозданием – зажигал и гасил светила, гнал в океане косяки стремительных рыб, топил корабли, стирал империи, уводил с насиженных мест народы, венчал на царство и умерщвлял сильных мира сего.

Стрижайло чувствовал, что кто-то, дремавший в нем, пробуждается, разбуженный бубном. Увеличивается и заполняет сосуды, вторгается в полости тела, проникает в глазницы, взбухает в полушариях мозга. Дух вырос из него, становился огромным, а он сам уменьшался, оказывался в утробе духа, как малая личинка.

Стрижайло был шаманом, огромным, выше сосен. Скакал, облаченный в шкуры. Перепрыгивал с ноги на ногу. Колотил себя в грудь. Завывал под ритуальной маской. Два великана в шкурах скакали на поляне, и от их камланий в каждом камне открывались глаза, в каждом цветке шевелились губы, в каждом древесном стволе хохотала и визжала обнаженная женщина, плескались ее белые груди, рассыпались рыжие волосы.

Бубен смолк. Шаман нырнул в чум. Через минуту из-под шкур появился Маковский, утомленный, задыхающийся. Отряхивал с итальянского джемпера ворсинки оленьего меха.

– Я хотел убедиться, что нас связывает духовное родство. Убедился. Мы будем творчески и плодотворно работать. Я изложил вам суть моих представлений. Остальное додумаете сами. Скоро я отправляюсь на Север, на нефтяные поля, в «Города счастья». Приглашаю вас с собой. Там и продолжим обсуждение проекта. Мой охранник проводит вас к машине и передаст аванс на предварительные расходы. Остальное по завершении проекта.

Он протянул Стрижайло руку, сердечно пожал и направился к дворцу, не оглядываясь, тут же забыв о госте.

Появился инопланетный охранник с кожаной сумкой. Проводил до ворот, где поджидал «фольксваген». Протянул в салон сумку. Когда машина поехала, Стрижайло распустил молнию, – сумка была набита долларами. На вес их было тысяч сто.

Глава 5

Уселся на заднем кресле «фольксвагена», у правой двери, так чтобы его мог видеть бдительный Дон Базилио.

– Сейчас, Михаил Львович, протащили «ауди» на эвакуаторе. Лепешка! Банка для килек! Ну ездят. – Шофер пробовал завязать разговор, но мысли Стрижайло были об ином.

Возвращались в Москву. Рублевское шоссе швыряло навстречу весенние деревья, рекламные щиты, помпезные новостройки Крылатского. Мысли его были о недавнем визите, и рука ощупывала твердые бруски, распиравшие тонкую кожаную сумку. Необычные переживания, сопровождавшиеся наркотическими ароматами, откровенные высказывания, в которых присутствовали недомолвки, полет на Б-29, с которого он наблюдал «оргазм новой, послехристианской эры», вольеры редких животных, в которых переселились души некоторых известных политиков, и, наконец, неистовый танец шамана под грохот вещего бубна – все это убедило Стрижайло, что Маковский желает стать Президентом. Для этого он хочет установить контроль над парламентом, присутствуя во всех политических партиях, включая коммунистов, которых впереди ждала несомненная победа на думских выборах. А затем, используя влияние партий, выиграть президентские выборы.

Это было увлекательно, фантастично, реально. Сулило огромные деньги, выплеск гигантских энергий, безграничное творчество. Было посильно только ему, лучшему политологу и фантасту, на которого не случайно пал выбор могущественнейшего из олигархов – футуролога «либерального будущего», шамана древней религии. Он, Стрижайло, работая одновременно с Дышловым и Маковским, сочетает их интересы. Сопоставит несопоставимое, соединит несоединимое – «антилиберальных коммунистов» и «антикоммунистических либералов». Так в физическом мире высоких энергий соприкасаются «материя» и «антиматерия», «вещество» и «антивещество», порождая невиданной силы взрыв, освобождая океан энергии, которая, если ее точно направить, произведет неслыханные разрушения, сдвинет тектонические пласты политики, сметет прежние авторитеты и догмы, откроет путь самым смелым новациям. В недрах этого взрыва, среди политической неразберихи и хаоса, будет развернут проект «Президент Маковский». Новый взгляд на роль олигарха в русской истории. «Локомотив развития», созвучный чаяниям истосковавшегося по прогрессу народа. «Человеческий фактор», напоминающий о недавних коммунистических лозунгах. Мифологические «Города счастья», столь понятные мечтающей о рае православной душе. Либеральная империя, утоляющая поруганную идеологию державников. «Национальная книга сосен», мечта экологов, философия пантеизма, созвучная глубинным языческим архетипам русского человека, который увидит в Маковском служителя Перуна или Сварога.

Он мчался по Кутузовскому проспекту, среди памятников былого величия – Триумфальной арки, Бородинской панорамы, Поклонной горы, – вовлекая эти немеркнущие символы славы в свое новое творчество. Его фантазия рождала тексты интернет-докладов, идеи философских симпозиумов, замыслы газетных и телевизионных дискуссий. Он моделировал тайные встречи Дышлова и Маковского, методы внедрения сторонников «Глюкоса» в депутатскую фракцию коммунистов. Вершиной этой стомерной работы – из пиар-кампаний, денежных вливаний, перевербовки политиков, нейтрализации спецслужб, – венцом этого увлекательного, обращенного к народу творчества станет мюзикл. Ослепительный, с зажигательными танцами, захватывающими песнями, завораживающими декорациями, – «Город счастья».

Он сидел в несущемся «фольксвагене» среди светофоров, реклам, бесчисленных вспышек и блесков, но его восхищенный разум создавал мюзикл, играл его на самой престижной, кремлевской сцене.

Первое действие – московская средняя школа, где учится скромный еврейский мальчик Мак. В то время как его одноклассники курят в туалетах, уезжают с девушками на загородные пикники, поют под гитару дурацкие туристические песни, мечтатель Мак, презиравая дискотеки и уроки военной подготовки, грезит о «Городе счастья». Там все любят друг друга, дома напоминают летающие тарелки, в райских вольерах соседствуют волки и антилопы, бизоны и львы, дети северных народов ханты и манси учатся читать по книге Шолом Алейхема. Эти мечты Мак воплощает в рисунках, где синим карандашом рисует сказочные города. Внезапно появляются марширующие шеренги, то ли нацисты, то ли войска НКВД. Звучит «Хорст Вессель» и «Вместо сердца пламенный мотор». Боевики набрасываются на Мака, жестоко избивают, разрывают рисунки с дивными голубыми городами.

Второе действие – комсомольский лагерь на берегу Черного моря, где юноша Мак знакомится с прекрасной аргентинской девушкой Глюкос, племянницей Че Гевары. Они влюбляются друг в друга, вместе хотят посвятить жизнь избавлению человечества от бедности, несправедливости, смертельных болезней. Мак рассказывает Глюкос о своих «голубых городах». Они вместе из сырого песка возводят на морском берегу фантастические башни, великолепные дворцы, лучезарные храмы. Он целует ее, она отдается ему среди этих райских «городов любви». Но внезапно налетает буря, чудовищная морская волна падает на песчаный город, уносит Глюкос. Мак кидается в пучину, хочет спасти любимую девушку. Но она, увы, утонула. Он выносит ее из моря, кладет бездыханное прекрасное тело там, где еще недавно был их «райский город».

Действие третье – Мак понимает, что «Город счастья» можно построить только кропотливым трудом. В память о безвременно ушедшей возлюбленной он открывает кооператив «Глюкос», с помощью которого устанавливает в избах русских крестьян тайваньские компьютеры, связывая вологодскую и костромскую глухомань с мировой цивилизацией. Этот созидательный процесс прерывает путч ГКЧП, во время которого танки маршала Язова давят ветхие избы и хрупкие компьютеры. Мак, оказавшись в центре путча, спасает Президента Ельцина, за которым гонятся жестокие чекисты. Мак помещает Президента в багажник своего старенького «форда» и вывозит из окружения под носом гэкачепистских ищеек. Благодарный Ельцин, вылезая из багажника, целует Мака, дарит нефтяные поля Сибири и назначает своим тайным преемником, о чем и говорит со знаменитого танка.

Действие четвертое – Мак, владелец компании «Глюкос», обходит свои северные нефтяные владения. Повсюду царят разруха, упадок – поваленные буровые, рухнувшие дома. Из развалин, на свет его фонарика, выходят одичавшие люди, уродливые алкоголики, аморальные преступники. Хотят его растерзать, сделать из него строганину. Он не боится угроз, проповедует им свою мечту о «Городе счастья». Говорит, что вместе, объединенные в корпорацию, исповедуя либеральные ценности, они построят среди полярной тьмы хрустальный город, о котором мечтала аргентинская девушка Глюкос. Вдохновленные его мечтой, аборигены отрекаются от пороков, избирают «свободный труд свободно собравшихся людей». Бригады строителей и нефтяников восстанавливают разрушенную цивилизацию Севера. Мак выбирает из местных ханты наиболее продвинутых и делает их православным священником, муфтием и раввином. Приходит старый шаман. Он поверил Маку и хочет открыть ему место, где залегают самая лучшая в мире нефть. Ударяет в бубен, бьет ногой в поросшую ягелем тундру. Из земли вырывается нефтяной фонтан. Летит в небеса, наполняя небо восхитительным салютом, преображая черную нефть в хрустальный светящийся «Город счастья».

Пятое действие – выборы Президента России. Проходят дебаты между прежним Президентом, выходцем из спецслужб, и Маком, на чьей стороне симпатии большинства избирателей. Дебаты протекают в формате телепередачи «К барьеру!». На стороне действующего Президента – офицеры ФСБ, скинхеды, «охотнорядцы», юмористы, певицы из «Фабрики

звезд». На стороне Мака – молодые банкиры, цвет интеллигенции, нежные еврейские девушки, правозащитники и «солдатские матери», чьи сыновья никогда не служили в армии. Дебаты ведет известный судья собачьих боев, безрукий и безногий, у которого бультерьеры и члены ЛДПР отгрызли конечности. Дебаты проходят с блеском, противники кидают друг в друга помидоры, пакеты с майонезом, кремовые торты. Казалось, Мак, под натиском спецслужб, начинает уступать. Но тут мистически является душа аргентинской девушки Глюкос, надевает на голову действующего Президента ведро с заварным кремом, и победа достается Маку.

Действие шестое – «Город счастья», воплощенная мечта Мака. Хрустальный купол защищает город от лютой полярной ночи. Счастливые люди гуляют среди цветущих деревьев, хотя по другую сторону купола минус 30 градусов. Начинается празднество. Батюшка, муфтий и раввин служат общий экуменический молебен. Молебен сменяется танцем восьми шаманов. Облаченные в шкуры, в масках с клыками росوماхи, они скачут, бьют в бубны, созывают ударами все население города, всех счастливых и свободных людей. Внезапно удары бубна смолкают. Шаманы сбрасывают шкуры, и все видят, что это «восьмерка» крупнейших мировых лидеров, приехавших в «Город счастья», и среди них Президент России Мак. Он улыбается дорогим гостям, дарит им ценные подарки из Алмазного фонда, и все поют «Оду либеральным ценностям». Повсюду в небе сверкают эмблемы «Глюкос», горит, выложенное алмазными звездами, волшебное слово «либерализм».

«Фольксваген» проносился по Дорогомиловской, и эти последние сцены мюзикла были столь явны, что Стрижайло слышал чудесные мелодии, сочиненные сэром Элтоном Джоном, видел костюмы, сшитые в домах высокой моды Сен-Лорана и Гуччи, восхищался декорациями, написанными по эскизам Михаила Шемякина. Его творческое возбуждение было столь велико, что хотелось немедленно, самому, сделать несколько эскизов.

Он приказал шоферу остановиться у художественного салона. Вошел в магазин, где набору кистей и красок мог бы позавидовать любой импрессионист. Недолго раздумывая купил несколько кистей для гуаши и темперы. Выбрал коробку, в которую были уложены алюминиевые тюбики, перепоясанные цветными наклейками. Вдыхал вкусный, пряный, стоцветный запах, какой источает лужайка на холсте Ренуара, куда на весенний пикник собрались подвыпившие художники и их полуобнаженные натурщицы. Вернулся в машину, собираясь ехать домой.

Но возбуждение, которое он испытывал, было такого свойства, что мешало немедленно приступить к рисованию. В ушах все еще звучал магический бубен, с которым выскочил из чума Маковский. Ноги и руки хранили слабую дрожь, словно повторяли скачки и кружение, которые он совершал на поляне. Языческий дух, разбуженный камланиями, до сих пор не уснул, – утратил свой исполинский рост, сжался, вернулся в утробу, но существовал там, как крохотный косматый шаман, продолжая пляски, ударяя изнутри в стенки живота шерстяными пимами, издавая едва различимые удары бубна. Этот демон подлежал укрощению. Его следовало изгнать из возбужденного тела. Вытопить из всех пор. Очистить плоть если не молитвой, то горячей сауной, огненным паром, контрастным душем, когда розовое накаленное тело погружается в голубую прохладу бассейна.

Заветный номер журнала «Рандеву» был тут же, в машине, в кармане сиденья. Стрижайло перелистывал клетчатые, разноцветные страницы, пока не отыскал адрес сауны, находящейся в районе Плющихи. Звонок по сотовому телефону подтвердил, что сауна в этот час оставалась свободной. Тюбики с краской и цветная палитра журнала содержали одну и ту же стихию цвета, предвещали гедонические наслаждения и творчество. Он сложил их вместе, приказал шоферу везти его в сауну и когда вышел перед аккуратным, без опознавательных знаков строением, то, повинувшись внутреннему голосу – голосу недремлющего демона, – прихватил с собой в сауну журнал и краски.

Его встретил, по виду, спортсмен, огромный, квадратный, с бритой шишковатой головой, с глазами вышибалы, банщика и работарговца. В комнатке, откуда он появился, виделось еще две подобных головы, и у Стрижайло возникла веселая мысль, что он оказался в логове преступной группировки, но ему ничто не грозит, как не грозит воробью, поселившемуся в гнезде орла. Парень смотрел на него взглядом предупредительного слуги и хозяина застенка.

– Два часа к вашим услугам. Мыло, шампунь на месте. – Он протянул волосатую лапу с бицепсом по направлению к двери, откуда сочились влажные струйки банных благовоний. – Больше ничего не желаете?

– Бутылку французского вина, фрукты, шоколад можете принести? – это спросил не Стрижайло, а его устами – маленький, оживленный колдун, который из чрева прислушивался к диалогу.

– Нет проблем, – произнес банщик. – Девочек не желаете?

– Ассортимент? – Колдун-малютка не думал засыпать, но, напротив, оживлялся все больше, настроенный на шалость.

– По вкусу. Что бы хотели?

Весельчак топтал внутри у Стрижайло маленькими когтистыми лапками, похожий на уморительную обезьянку. Стрижайло почувствовал, как он сделал забавный кувырок, оттолкнувшись упругими пяточками, и вновь приземлился на дне желудка, саданув коготками:

– Рост – сто семьдесят, грудь – четвертый, талия – шестьдесят пять. Блондинка.

– По каталогу посмотрим, доставим. Что еще?

– Потребностей больше нет.

– С легким паром.

Банщик-тяжеловес отворил заветную дверь, впуская Стрижайло в заведение.

В просторном помещении, занимая всю площадь, застыл литой, лазурный бассейн, создавая восхитительную прохладу и странную гулкую акустику, где каждый вздох порождал чуть слышное эхо. У кафельной кромки бассейна стояли ложе, круглый столик и несколько шезлонгов. В комнате для отдыха утомленные жаром клиенты могли подремать на широких лежаках, накрытых белыми простынями. Одна застекленная дверь вела в кафельную душевую с набором флаконов и мыльниц. Другая, непрозрачно-стеклянная, вела в парилку и, казалось, слабо звенела, накаленная изнутри нестерпимым жаром.

Все нравилось Стрижайло, все отвечало вкусам и намерениям дремлющего демона, озиравшего из темной утробы прелестный уголок. Разделся, совлекая одежду с крупного, ухоженного тела, с рельефными мускулами, начинавшими слегка заплывать необременительной полнотой, – злоупотребление вкусной едой, избыточной неподвижностью, временным отсутствием интеллектуальных и нервных перегрузок, которые скоро вернуться и сожгут излишние калории, возвратят его облику нервическую страстность и экспансивность. Рассматривал в высокое зеркало свое красивое, слегка надменное лицо, каштановые гладкие волосы, коричневые влажные глаза с блестящими точками смеха, плотоядные губы с дрожащими уголками, готовыми раздвинуться в насмешливой улыбке. Этот облик приятного, отлично сложенного, лишенного одежд господина скрывал загадочную сущность, поселившуюся в нем в виде крохотного эмбриона, дремлющей личинки, сонного червячка. Этот зародыш вдруг просыпался, начинал стремительно развиваться, принимал в утробе всевозможные формы. Рвался наружу, управляя поступками и страстями захваченной им плоти. Являлся источником побед и успехов, экстравагантных прозрений и неутомимого творчества, что и делало Стрижайло одним из самых оригинальных политологов, увеличивало его влияние, вело к вершинам успеха. Стрижайло не тяготился своей постоянной беременностью, доверял вселившемуся духу, подчинялся его капризам и прихотям. Был коконом, в

котором нашла приют загадочная, экзотическая куколка. Был женщиной, которая вынашивала таинственный плод. Был дуплом, где свила гнездо мистическая, залетевшая птица.

Услышал негромкие упругие шаги. Выглянул – банщик с грацией дрессированного гризли косолапо приблизился к столу. Поставил поднос, сгружая с него бутылку вина, два бокала, вазу с виноградом, тарелку с плиткой шоколада. Удалился, а Стрижайло прислушался к внутреннему голосу, который радовался, хихикал, по-птичьи верещал. Принадлежал маленькому дурашливому скомороху, в которого превратилась обезьянка, нацепив на голову красный колпачок, рубаху с длиннющими рукавами, увешанную бубенцами. Скоморох пританцовывал, корчил смешные рожицы, позвякивал бубенцами, ударяя в стенки утробы загнутыми шутовскими чувяками.

«Стадия обезьянки» сменилась «стадией скомороха», что соответствовало последовательности, в какой менял свои обличья дух-оборотень. Стрижайло снова услышал звуки, на этот раз звонкие, цокающие по кафелю, какие возникают от соприкосновения с плиткой острых каблучков, под сильной женской ногой.

– Кто там? Войдите! – голосом веселого шута и забавника произнес Стрижайло.

Выступил из комнаты во всей своей великолепной наготе. Навстречу шла девушка весеннего вида, в синей юбке, белой целомудренной блузке, с милым лицом гимназистки, невинно и застенчиво отбрасывая за плечо золотистую прядь. На голове была трогательная девичья шляпка с букетиком фиолетовых матерчатых цветов, что придавало ей сходство с барышней дореволюционной поры. Заметив это, скоморох совершил в утробе сальто-мортале, скинулся через плечо и превратился в маленького Ивана Бунина – сухого, с желчным лицом эмигранта, в мягкой шляпе, с ореховой тростью, того, что заканчивал эротический цикл «Темные аллеи», как раз собираясь писать «Смарагд». Было видно, что Бунину нравится барышня, напоминает ему прототип, с которым встречался в номерах арбатской гостиницы.

– Добрый день, сударыня. Пожалуйте. Чем обязан? – Галантно раскланиваясь, Стрижайло чуть выставил босую ногу, как если бы так встречал когда-то молодой писатель влюбленных в него курсисток. Именно к этому побуждала Стрижайло «стадия Бунина», которую переживал дух утробы.

– Пришла, чтобы скрасить ваше одиночество. Вдруг подумала, что вам не хочется быть одному. – Ответ был прост, чуть насмешлив, выдавал в барышне способность к импровизации, психологическую подвижность.

Маленький Иван Бунин вдруг преобразился в Сократа, лобастого, лысого, в ветхой тоге, того, что спустился по каменной лестнице из Афин в Пирей и вел беседу с софистом. Восхвалял возраст почтенной старости, когда мужчину наконец оставляют похоти и он незаметно наслаждается красотой мысли, розовым мрамором акрополя, морской лазурью, по которой скользит галеон. Так же бескорыстно, не испытывая вождения, Стрижайло любовался гостьей, отмечая вкус, с каким был подобран ее туалет.

– Видно, вы общительны и радушны. Природа наделила вас не только миловидностью, но и способностью легкого общения. Поверьте, это редкий дар. – Стрижайло хотел казаться галантным кавалером, ибо именно в такого кавалера превратился его внутренний демон. Стал похож на спикера Совета Федерации Сергея Миронова – лупоглазый, настырный, щетинистый, с темпераментом терьера, верноподданно вздрагивающий при имени Президента, жадно, голодными глазами провожающий всякую юбку, будто в нее обернуты не женские ноги, а обрезки собачьей колбасы. «Стадия спикера» – так обозначался этот выразительный, но быстро проходящий момент.

– Я привыкла общаться, – сказала девушка. – Работала учительницей в младших классах. Преподавала рисование. К каждому ребенку нужно было найти подход.

– Мужчины, с которыми вам теперь приходится общаться, – тоже дети. Иногда дурные, глупые, злые, но все равно – дети.

– Вы очень интересный, содержательный человек, – произнесла девушка, оглядывая Стрижайло, как барышни оглядывают мраморную статую в Летнем саду, ища на ней и не находя фиговый лист.

За время этого краткого диалога неутомимый и неутомный дух пробовал множество ролей, менял множество обличий, словно в желудке у Стрижайло находилась костюмерная, которой умело пользовался крохотный оборотень. Последовательно принимал образ монаха вновь открытой Соловецкой обители, маршала Жукова в период наступления на Зееловские высоты, премьера Великобритании Дизраэли, вождя курдов Аджалана. Прделав все эти головокружительные трансформации, он превратился наконец в лидера компартии Дышлова, напоминавшего снеговик. Будто там, на банкете у Семиженова, весь торт-мороженое с марципанами и шоколадом достался Стрижайло и не таял все это время в желудке.

– Ну что ж, – по-простому, снижая уровень разговора, сказал Стрижайло. – Раздевайся. Давай-ка попаримся. Говорят, в баньке парок в самый раз.

Она мило улыбнулась, удалилась в комнату. Сквозь открытую дверь, глядя в лазурную глубину бассейна, Стрижайло слышал, как нежно цокнули упавшие на пол туфельки, зашуршала одежда. Через несколько минут на пороге появилась девушка, стройная, с узкой талией, овальными, как у виолончели, бедрами, приподнятыми, сохранившими сферичность грудями, серебристыми подмышками, которые она обнажила, забрасывая за плечи распущенные волосы.

Стояла, сжав колени, будто стискивала бедрами золотистого котенка. Улыбалась, позволяя любоваться собой. Восхищение Стрижайло было восторгом внутреннего демона, который перескочил из «стадии Дышлова» в «стадию Жванецкого» – маленький толстопузик растопырил в чреве короткие ножки, заглядывал в рукопись, подымая от бумажки глаза, переводя их на девушку. Толстенские щеки раздулись, и он издал опустошающий его звук: «Пуфф!» Стрижайло воспроизвел этот звук восхищения, тихо ахнув:

– Купальщица с картины Бенуа, где он рисовал маркизу в укромном бассейне Версаля... Скорее в сауну...

Он прихватил из комнаты простыню, взял обнаженную гостью за руку. Изысканно, пританцовывая менуэтом, провел ее к застекленной двери, отворил. Из прохладного просторного объема они оказались в тесной, светящейся от жара сауне. Дощатые полки побелели от раскаленного воздуха. Повсюду витал прозрачный огонь. Ноздри обжигало душистое пламя.

– Занимайте место на нижней полке. – Стрижайло постелил простыню, которая высохла еще на лету, словно ее прогладили утюгом. Видел, как девушка улеглась на живот, пряча лицо в локтях, – круглые ягодицы, подвижные лопатки, длинные ноги с розовыми круглыми пятками. Была видна придавленная грудь. Выглядывал из-под волос испуганно-восхищенный глаз. – Предадимся молчаливому наслаждению, – произнес Стрижайло, залезая на верхний ярус, подкладывая под себя не успевшую накалиться досочку.

Замер, чувствуя, как все тело покрывается бесчисленными сладостными ожогами, словно по сауне летало прозрачное огненное существо, покрывая его с ног до головы поцелуями. Кожа становилась влажной, бархатной, нежно-розовой. Глаза туманились, разглядывая лежащую у его ног девушку. В грудь с каждым вздохом залетало душистое пламя, и он казался себе глотателем огня.

Девушка лежала недвижно, покрываясь стеклянным блеском. Ложбина спины покрывалась бисером. Ноги стали смуглыми, а пятки порозовели. Она казалась изделием стеклодува. Он нагнулся, провел ладонью по шелковистым плечам, влажным ключицам, круглым гля-

цевитым ягодицам, продлевая свое ласкающее прикосновение до узких худых лодыжек с горячими, белыми косточками.

Она не шевельнулась, лишь приоткрыла благодарный дремлющий глаз. Его потаенный демон совершил очередное перевоплощение. Теперь это был художник Гоген, который лежал на раскаленном песке лагуны, рядом нежилась смуглая дикарка, дремотно забывшись на солнцепеке, положив на спину цветок водяной лилии. Стрижайло любовался дикаркой, и ему хотелось рисовать ее среди тропических цветов – она сидит, выставив коричневое колено, ее грудь украшает ожерелье из раковин, и она спрашивает фиолетовыми губами: «А ты ревнуешь?»

– Для первого раза достаточно, – сказал Стрижайло, соскакивая с полки. Поднял свою спутницу, выводя в прохладную залу с овальным лазурным бассейном. – Остудим тела в лагуне.

Они кинулись в бассейн, в его шуршащую синюю прохладу, охая, нежась, загребая шумную воду, ныряя и перевертываясь. Он чувствовал животом скольжение ее гладкого быстрого тела.

Вышли из бассейна, отекая водой. Она стояла, отжимая влагу из потемневших волос, трогательно наклоняя голову, не стыдясь наготы. Он восхищался ее сложением, не испытывая страсти и вожделения, а лишь любясь соразмерностью плеч, груди, бедер.

– Вы созданы по законам золотого сечения. Так древние греки создавали свои бессмертные статуи.

– А вы знаете, что эти белые мраморные статуи изначально были раскрашены? Но краска сошла, и они остались белыми. Нам рассказывали в пединституте.

– Да что вы говорите? У меня есть краски. Давайте я вас распишу, как греческую статую!

– Почему бы и нет? – засмеялась она.

Художник Гоген настойчиво сохранял свой образ, не желал превращаться ни в спикера нижней палаты Грызлова, похожего на утомленную овчарку, стерегущую свое бестолковое стадо, ни в Шамиля Басаева, задумчиво выискивающего на карте России, где бы еще совершить теракт. Стрижайло был поощряем изнутри, действовал не по своему побуждению, а по воле маленького, поселившегося в нем демиурга.

Прошлепал в комнату отдыха, вернувшись с коробкой красок. Тюбики в алюминиевых оболочках были тяжелыми, блестящими, с пластмассовыми крышечками и цветными наклейками. От них исходил чуть слышный запах пряных цветов.

– Сначала мы выпьем вина. – Стрижайло штопором откупорил бутылку, разлил по бокалам вино, оказавшееся аргентинским «Терра Аидина». Чокнулся с девушкой,пил, чувствуя, как проливается внутрь терпкая, душистая струя. Притаившийся в нем художник Гоген, пьяница и наркоман, был благодарен за угощение, – тут же восхитительно опьянел, потянулся к тюбикам темперы. – Ложись, – предложил Стрижайло, указывая барышне на лежак, на котором та улеглась лицом вверх, влажная, пленительная, готовая к прихотям пригласившего ее мужчины. – Ну что ж, приступим?

Он высыпал тюбики на стол, перебирая плотные, литые цилиндрики. Выбрал один с золотистой наклейкой и надписью «охра золотистая». Свинтил крышечку и заостренным концом штопора проткнул металлическую фольгу, которая, как девственная плева, прикрывала горловину тюбика. При легком нажатии из тюбика показался мягкий золотистый червячок и слабо запахло нектаром.

– Закрой глаза, – сказал Стрижайло, выдавливая ей на щеку краску, на одну, на другую. Отложил тюбик и осторожно, нежно стал растирать, покрывая щеки тончайшим золотым слоем, втирая его в подглазья, окружая губы, раскрашивая подбородок. Выражение лица изменилось, словно на него надели золотую маску с отверстиями для глаз, носа и рта. –

Замечательно. Еще несколько легких мазков. – Он раскупорил тюбик с надписью «кобальт синий», распечатал целомудренное лоно, выдавил густую, яркую синеву и обвел ею девичьи глаза, провел вдоль носа глянцевитую полосу, окружил губы сочным синим овалом. Вытер пальцы о простыню. Отодвинулся, любуясь творением.

– На кого я похожа? – спросила девушка, глядя смеющимися глазами из мертво-золотой, с синими линиями маски.

– Ты похожа на царицу ацтеков в момент праздника новолуния. Твоя ритуальная маска сделана из чистого золота с инкрустациями яшмы и бирюзы.

Он оглядывал ее близкое, дышащее тело, отданное ему в услаждение. Самым прекрасным и привлекательным на этом теле показалась ему молодая грудь, млечно-белая у основания, постепенно темнеющая к заостренным наверхам, к розовым наивным соскам, окруженным смуглой тенью. Взял тюбик с красной наклейкой и надписью «киноварь». Выдавил на указательный палец огненный завиток. Стал окружать грудь ярким овалом, сужая его, превращая в спираль, охватывая этой спиралью теплую, дышащую выпуклость, чувствуя, как от его прикосновения вздрагивает и набухает сосок.

В наброшенных спиральях груди заострились, стали похожи на пропеллеры, ввинчивались, раскручивались, придавали телу страстную устремленность.

– А теперь на кого похожа? – спросила девушка, которой нравилась игра, прикосновения нежных, чувственных пальцев.

– Теперь ты похожа на танцовщицу из «Мулен Руж», по которой сходит с ума весь Париж.

Стрижайло выбрал тюбик с надписью «травянисто-зеленый», выдавил на ладонь клейкую изумрудную лужицу. Опустил на ее живот и стал растирать, разглаживал, чувствуя, как дрожит от прикосновений ее кожа, выпукло, словно весенний холм, зеленеет живот. Из тюбика с желтой краской прыснул на пупок сочную розетку, которая казалась огненно-желтым цветком одуванчика, распустившимся среди свежей травы.

– А теперь на кого похожа?

– На языческую богиню плодородия, лоно которой не устает плодоносить и рожать.

Он расцвечивал ее, выдавливая краску прямо на шею, делая из нее птицу-снегиря. Пятнал, как попало, бедра, ляжки, превращая их в палитру, на которой темпераментный художник мешает цвета, и ноги ее горели, словно альпийский луг, покрытый дикими маками, тюльпанами, гиацинтами. Выкрасил ей ступни и каждый отдельный палец в фиолетовый цвет, отчего ее ноги получили странное сходство с лапками саламандры или тритона, и во всем ее облике появилось нечто волшебное, драконье, земноводное. Выдавил красную краску на лобок, скручивая волосы в острые липучие иглы, как на голове у панка, отчего казалось, что на животе у нее выросла морская актиния, выставила чуткие щупальца.

– А теперь на кого похожа?

– На Марию Кюри-Склодовскую, – ответил Стрижайло, выпрямляя на лобке два слипшихся огненно-красных лепестка.

Попросил ее встать, повернуться спиной. Выдавливал тюбики на затылок и лопатки, поясницу и ягодицы, густо, жирно. Смешивал, растирал. Желтое с белым, как глазунью. Розовое с голубым, как смородинное варенье. Зеленое, алое, синее, как жирные пласты пластилина. Спина была перламутровой, чешуйчатой, переливалась. Сжатые изумрудно-зеленые ноги казались хвостом русалки, начинавшимся от ягодиц.

– А теперь на кого похожа?

– На даму большой политики, губернатора Санкт-Петербурга, – ответил Стрижайло, вытирая о простыню измазанные руки, любуясь своим творением, которое переливалось, словно ваза цветного стекла.

Девушка выгибала бедра, осматривала себя, старалась заглянуть под поднятую руку, узнать, как выглядит она сзади. Эти движения были так пленительны, плавны, в них было столько странной музыки, что демиург, еще недавно прикинувшийся художником Гогеном, вдруг превратился в ведущего телевизионной программы Варгафтика, который приглашает в свою «Оркестровую яму» утонченных меломанов.

– Ты так грациозна. Так восхитительно владеешь телом. Вся убрана цветами, шелками. Похожа на «Весну» Боттичелли.

Девушка приблизилась к бассейну. Встала у края, приподнявшись на цыпочках, делая пленительный взмах рукой.

– Я мечтаю стать топ-моделью, – произнесла она сквозь синий овал рта, поворачивая золотую маску, выставляя зеленое плодоносящее лоно с ярким цветком одуванчика, перебирая фиолетовыми лапками тритона, отчего шевелилась красная актиния на ее животе. – Я похожа на топ-модель?

Варгафтик в утробе, миниатюрный, облаченный во фрак, с галстуком-бабочкой, с пышной, как кудрявый дым, шевелюрой, обычно милый и трогательный, вдруг вскипел и свирепо вскрикнул:

– Топ-модель – от слова «топить»! – Это был крик Стрижайло, который кинулся к девушке и толкнул ее в воду.

Она упала навзничь, раскрыв руки, поднимая ворохи брызг. Вода расступилась, принимая испуганное гибкое тело, а потом сомкнулась, превращая ее в разноцветную рыбу, радужную змею, пятнистого волшебного тритона. Она не успела выплыть из-под воды, как Стрижайло, поощряемый неистовым меломаном, бросился в бассейн.

Нырять, он видел ее переливающееся, перламутровое тело, словно в огромном аквариуме плавало морское диво, водяная царевна, сказочное существо океанских глубин. Это взволновало Стрижайло. Он подплыл к русалке, охватил под водой ее бедра, стал целовать изумрудный живот, подбираясь к золотому цветку. Из рта вырывались серебряные пузыри, текли вдоль ее лона к красным спиралям, в которые были уловлены белые груди. Он вынырнул в фонтане яростных брызг. Увидел близко ее золотое лицо с синим овалом, в котором хохотали розовые губы, блестели белые зубы.

– Топ-модель – от слова «топить»! – крикнул Стрижайло, обнимая девушку за перламутровые плечи. Заталкивал под воду, видя округлившиеся, испуганно-радостные глаза, фыркающие губы.

Она билась под водой, желая освободиться. Хватала его за руки, но он с силой давил вниз. Видел, как мотаются волосы, извивается цветное гибкое тело, касаясь его ног, груди, пытаюсь вырваться из объятий. Не пускал, удерживал под водой, испытывая наслаждение. Это напоминало морскую охоту, когда в коралловых рифах пловец с трезубцем ударяет в разноцветную рыбу и она трепещет, насаженная на гарпун.

Стрижайло убрал руки. Девушка вылетела на поверхность с тоскливым воплем. Глаза, выпученные от удущья, бешено крутились. Рот, окруженный синим кругом, пытался что-то выкрикнуть.

– Топ-модель – от слова «топить»! – ликующе возгласил Стрижайло. Мощно погрузил ее скользкое тело в воду. Слышал, как она дрожит, как больно скребут ее ногти. Краска таяла в воде, окружала их мутно-розовым пятном, какое бывает вокруг раненного в море тюленя. Стрижайло держал ее под водой, чувствуя, как свирепеет, как разгорается в нем животная страсть, питаемая ее судорогами, ее ужасом, ее разбухшим от удущья сердцем, ее переполненным водой животом.

В нем поселился маленький жестокий эсэсовец в черном мундире с серебряным черепом на кокарде, с красной перевязью на рукаве, с черной свастикой в белом гнезде. «Стадия

Кальтенбруннера» была последней в перевоплощениях утробного оборотня. Тощий фашист со шрамом на впалой щеке пытал в застенке жертву.

Безумная, с размазанной краской, выпученными глазами, девушка выскочила из-под воды. Жадно, с хрипом, хватала воздух. Кашляла, крутила головой с налипшими волосами. В свирепом безумии Стрижайло прижимал ее к лазурному кафелю, грубо овладевал, чувствуя ее судороги, ужас, гибнущую жизнь. Терзал, хлюпая водой, выталкивал на поверхность по плечи, так что в любую секунду мог снова погрузить под воду. Обезумевший шеф гестапо выдрался из плоти Стрижайло, впился в девушку, слился с ней, как сливаются жертва и палач, образуя нерасторжимое онтологическое единство. Дух Третьего рейха, «Золото Рейна», «Завещание Гитлера», «Гибель богов» Рихарда Вагнера – все это ломилось в истерзанную жертву, переполняя космическим ужасом.

Стрижайло отпал от нее. Медленно подплыл к хромированным поручням. Вылез из бассейна. Видел, как в мутном пятне, похожая на большую лягушку, колышется опостылевшая проститутка. Кашляет, плачет, отбрасывает липкие, поределье волосы.

Встал под душ, поливая себя шампунем, смывая грязь. Тщательно отер полотенцем утоленное, освобожденное от похоти тело. Оделся. Кинул на шляпку с матерчатыми фиалками триста долларов, что составляло двойную таксу. На выходе столько же дал бритоголовому банщику, со словами:

– Смените воду в аквариуме.

Ехал по Москве, думая о том, как лучше и выгодней сочетать предвыборную кампанию коммунистов с интересами олигарха Маковского.

Глава 6

Его великолепная двухкомнатная квартира находилась в сталинском доме в Замоскворечье, с видами на Кадашевскую церковь и ампирные особняки. Из одного окна виднелся красный фасад Третьяковской галереи, а из другого, над зеленой крышей соседнего дома, выглядывал краешек золотого навершия с рубиновой кремлевской звездой. Квартира принадлежала когда-то вельможному советскому поэту, писавшему патриотические поэмы о сталеварах и обличительные стихи о космополитах. Была выкуплена Стрижайло у его разросшейся, обедневшей родни. Стрижайло сделал в квартире евроремонт, оставив старомодную лепнину на потолке и дубовые паркетные полы, по которым когда-то расхаживал обличитель еврейского коварства, рифмуя язвительно-нерусское «Ипполит» и беспощадно-уничижительное «космополит». Стрижайло нравилось думать об этой рифме. Нравилось смотреть на оранжевый лоскут картинной галереи. Нравилось рассматривать рубиновую звезду, продравшую остриями жестяную кровлю. Летом здесь летало множество стрижей, свивших гнезда на Кадашевской колокольне. Их разящие вихри в жарком московском небе напоминали Стрижайло, что в его фамилии присутствует этот стремительный проблеск и свистящий птичий полет.

В квартире была просторная кухня, служившая одновременно столовой, – с итальянским кухонным гарнитуром, венецианскими керамическими блюдами на стене, с затейливой люстрой в виде летательного аппарата Леонардо да Винчи – перепончатой крылатой ладьей.

Здесь все было итальянским – посуда, приборы, деревянный бар, стилизованный под Палаццо дождей. В коллекции сухих вин преобладали итальянские.

Кабинет был обставлен тяжеловесной роскошной мебелью из карельской березы – массивный стол, кресла, книжный шкаф, диван, – везде присутствовало желтое, как янтарь, светящееся дерево с окаменелой рябью. Здесь Стрижайло работал с компьютером, спал на просторном диване, смотрел телевизор, тянулся к шкафу, доставая с полки то Священное Писание, то трактат Макиавелли, или футурологию Тоффлера, или философские парадоксы Фукуямы.

Просторная гостиная являла собой небольшую картинную галерею, где были собраны творения современных экстравагантных художников. Тут был Шерстюк с его сумасшедшей «Русской рулеткой», безумными стреляющимися офицерами. Тишков с даблоидами, изображавшими вырванную печень, желудок и сердце, которые, покинув тело, розовые, влажные, шествовали по дороге, как паломники. Художник Сальников воспроизводил гениталии, похожие на перламутровых моллюсков. Анзельм, немец по происхождению, нарисовал подвыпившего Гитлера в компании полураздетых стюардесс. Гоша Острецов начертал чеченских террористов в виде камуфлированных, вставших на задние лапы волков, с гранатометами и автоматами. Другой художник, Калима, родом терский казак, проделав странную метаморфозу и утратив мировоззрение предков, превратился в поклонника воинственных чеченцев, воспевал шахидок в масках, с горящими лисьими глазами. Чуть странно смотрелась картина примитивистки Люси Вороновой, где нарисованный ею черный барак казался последним строением обезлюдевшей земли.

Стрижайло любил свою квартиру, редко приглашал гостей, предпочитая встречаться в ресторанах и офисах. Поддерживал в доме безукоризненную чистоту, для чего трижды в неделю приглашал миловидную шестидесятилетнюю Веронику Степановну, вдову адмирала, с голубоватой пышной сединой и печальным выцветшим лицом. Нуждаясь в средствах, она приходила убирать квартиру Стрижайло.

Вот и теперь, лежа на диване, он слышал, как мягко шелестит пылесос в гостиной. Читал газету «Завтра», чтобы лучше понять левопатриотические настроения, удивляясь

шизофреничности передовой статьи, которая звучала как вой шакала, уловленный в гулкий кувшин.

На пороге появилась Вероника Степановна, в аккуратном передничке, похожая на милую пожилую женщину, изображенную на молочном пакете «Домик в деревне».

– Простите, я вас отвлеку, Михаил Львович, – произнесла она смущенно, боясь, что потревожила Стрижайло. – Мне сегодня снился удивительный сон. Будто мой муж, Анатолий Георгиевич, явился ко мне, такой молодой, радостный, в парадной форме, когда еще был капитаном первого ранга и ходил на эсминце в Средиземном море. Лицо такое молодое, загорелое, влюбленное. Протягивает мне подарок, большую розовую раковину, какая, знаете, изображена на картине «Рождение Афродиты». Протягивает мне раковину и так нежно, так ласково смотрит. Проснулась в слезах. Что-то он хотел мне сказать, а что, не пойму.

– Должно быть, что любит вас и ждет. Наши близкие смотрят на нас из другой, потусторонней жизни, наблюдают за нами и иногда посылают знаки, – глубокомысленно ответил Стрижайло, привставая с дивана.

Вероника Степановна, благодарная за то, что ее выслушали и посочувствовали, слегка порозовела. Ее припухлое, испещренное морщинками, припудренное лицо обнаружило следы былой привлекательности. Так в обветшалую часовню залетает косой вечерний луч солнца, на один только миг коснется облупленной стены, и на ней зацветет старинная фреска.

Вероника Степановна ушла, притворив за собою дверь. Стрижайло снова улегся на диван, больше не касаясь газеты.

Иногда его посещала странная форма самосознания. Концентрируясь на себе, он представлял себя не в виде бестелесного «я», отделенного от плоти и существующего где-то вне тела. Не в форме разума, наполненного гулом клубящихся мыслей, способного сжаться в концентрированную жаркую точку, из которой раскручивается галактическая спираль. Не в виде одной, самодовлеющей части тела, становящейся вдруг центром всего организма, как, например, нестерпимо ноющий зуб, в который переместилось страдающее «я», или возбужденный похотью пах, в котором «я», расщепленное на множество обезумевших клеток, слиплось в раскаленную плазму.

Это было особое самоощущение, когда он сознавал себя на молекулярном уровне. Он – разделен на бесчисленное множество равнозначных живых пузырьков, крохотных беспоконных частичек, в каждой из которых во всей полноте присутствует его личность. Истребленная в одной части тела, которое может быть подвергнуто ампутации – лишено конечности, глаза, почки или полушария мозга, – его личность с исчерпывающей целостностью сохраняется в других молекулах, как крохотный лик в медальоне, как отражение в зеркальном калейдоскопе. Он чувствовал себя нарисованным портретом, где каждый мазок является уменьшенной копией общего изображения.

Испытывая эти гносеологические откровения, не встречая упоминаний о них ни в философских трактатах, ни в медитативных инструкциях, Стрижайло полагал, что ему дано особое сознание, на уровне генетического кода, который и является истинным вместилищем личности – ее текущей фазы, а также всех фаз, от рождения до смерти.

И если развить в себе это уникальное самосознание, то можно проникнуть в свою «преджизнь», а также в «постжизнь», пережить идею бессмертия.

Он лежал на диване и чувствовал себя скопищем бесчисленных пузырьков, как если бы был ванной с кипящей минеральной водой. Пузырьки взлетали и лопались, сливались и измельчались, кружили по странным орбитам и переливались, ввергнутые в броуновское движение. И в каждом пузырьке был он сам, как в крохотной икринке, – перевертывался, смещался, сталкивался с самим собой. Эти видения сопровождалась таинственной музы-

кой. Каждая молекула издавала свой особенный звук, источала микроскопическую гармонику, которая, сливаясь с соседней, превращалась в немолкнущий хор, какой вдруг наполняет огромное дерево с мириадами поющих цикад. Звук не был бессмысленным шумом. В нем присутствовала мелодия, тема, музыкальное повествование о его, Стрижайло, жизни, о его неповторимой судьбе.

Ему казалось, что если записать эту музыку на чувствительный прибор, исследовать и расшифровать, то можно угадать его характер, свойства природы, духовные и телесные немощи, тайные побуждения и страхи. Предсказать его судьбу, предначертать ожидающие его потрясения. Этой музыкой, если ее перенести на пленку, усилить и ненароком транслировать в пространство, где он находился, можно управлять его поступками, определять ход мыслей, влиять на судьбу. В руках друга эта музыка могла оказаться целительным средством. Но, оказавшись в руках врага, превращалась в оружие, способное его погубить, направить на путь катастрофы.

Утонченный меломан, вслушиваясь в музыку молекул, мог выделить сложные хоралы, которые звучали в той или иной части тела. Особую музыку источало сердце – иногда это была Маленькая серенада Моцарта, а иногда «Аппассионата» Бетховена. По-особому звучал зрачок – то были фортепьянные этюды Скарлатти. Пах был наполнен музыкой Скрябина. Печень звучала как Брамс. Легкие исполняли Фугу Баха. Зуб, если он болел, звучал как свадебный марш Мендельсона. Поясница, когда в нее вдруг «ступало», играла симфонию Шостаковича. А пульсирующая на горле артерия повторяла Прокофьева.

Стрижайло казалось, что в биоинженерной лаборатории, на стерильных стеллажах стоят стеклянные банки с физиологическим раствором, в котором продолжают жить извлеченные из тела органы. Красное, с обрезанными трубочками сердце. Млечно-серые, пузырящиеся легкие с разъятыми воздуховодами. Фиолетовая, с прожилками печень.

Матка с вывернутым складчатым раструбом. К органам подведены электроды. Снимаются электрические гармоники. Пропущенные через микрофон, превращаются в произведения классической музыки, транслируются по «Радио России».

Вот почему патологоанатомические картины Тишкова имели для Стрижайло музыкальный аналог в виде концертной программы консерватории.

Стрижайло был убежден, что великие открытия в области генетики, биоинженерии и клонирования были сделаны музыкантами, создающими экспериментальную музыку. «Музыке сфер» в макром мире, где каждая планета, астероид и комета издают небесную мелодию, – этой космической симфонии в микромире соответствует «музыка молекул». Композиторы Шнитке и Артемьев, изумлявшие публику своими несуразными, малопонятными творениями, на самом деле перекладывали на ноты, записывали в партитуры «адажио» циррозной печени, «концерто гроссе» инфарктного сердца, «скерцо» инсультного мозга. Именно так, сутками просиживая в анатомических театрах, не спуская глаз со стеклянных банок, где, похожие на морских осьминогов и кальмаров, плавали иссеченные органы, эти композиторы написали лучшие свои произведения, ставшие сегодня классикой. Там же, среди драгоценных банок, записывая «музыку молекул», они открыли геном человека. Расшифровали генетический код, создав его музыкальный аналог. В последнее время работы композиторов-экспериментаторов были засекречены, сами они исчезли из вида, их имена пропали из концертных программ.

Поговаривали, что их всех поместили в шарашку ФСБ, где, в прекрасных условиях, с новейшей электронно-акустической аппаратурой, они создают «музыкальную бомбу» – новейший вид оружия, способного полностью перекодировать генетический код человека. На закрытом полигоне под Вологдой на столбах были закреплены репродукторы, сквозь которые транслировалась «экспериментальная музыка». В результате патриархальные кре-

стьяне окрестных деревень утратили славянскую внешность, обрели сходство с кавказцами, бойко говорят на чеченском, торгуют оружием и наркотиками.

Сейчас он лежал на спине, закрыв глаза. Медитировал, воображая свой генетический код. Свой «электронный портрет», каким бы изобразил его новый Шилов, художник технотронного века.

Этот портрет представлялся ему в виде двух спиралей, совершающих винтообразные движения в противоположные стороны. Одна спираль, ярко-красная, неоновая, воплощала в себе страстные, креативные силы его натуры, среди которых напрочь отсутствовали этика, моральные побуждения, долг. Творческая энергия, увлекательная игра, неутолимое наслаждение заставляли вращаться эту неоновую спираль, пылающую над ним подобно ночной рекламе. Вторая спираль была едва очерчена, туманно-голубая и блеклая. Чуть заметно вращалась, готовая остановиться. С этой спиралью были связаны печальные воспоминания детства, где присутствовали нежность к бабушке, болезненная беззащитность, безымянная, не имеющая воплощения любовь. Эта спираль напоминала вьющуюся струйку дыма, которую вот-вот снесет и развеет ветер.

Две эти сути – явная, доминирующая, управляющая его побуждениями и поступками и тайная, непроявленная, живущая на далекой периферии личности, – эта двойственность была для него загадкой, иногда забавной, иногда мучительной. Как если бы у сильной, стремительной рыбы, господствующей в океане, присутствовали недоразвитые, ненужные плавники. В определенных условиях, при иссыхании океана, они могли преобразоваться в крылья.

Превратить рыбу в птицу. Продлить ее существование в измененной среде.

Неоновая спираль, которая извивалась в нем, как неутомимый, пульсирующий червячок, рубиново-красный мотыль, и была тем таинственным зародышем, что вдруг бурно разрастался, превращался в гигантского, набрякшего красными соками червя. Толкал в авантюры, в безжалостные, аморальные предприятия, побуждал к бесчеловечным поступкам. «Дьявольская энергия», «дьявольская изобретательность», «дьявольская везучесть» – так говорили о нем за спиной. Иногда он верил, что в нем действительно поселился дьявол – всемогущий демиург, носитель восхитительного зла, блистательный интеллектuala преисподней, гений ночного неба. Он создал свою мифологию, в которой был отмечен момент, когда в него вселился дьявол.

Его размышления были прерваны Вероникой Степановной. Она смущенно появилась на пороге кабинета, все в том же наивном фартучке, с фиолетовым дымом пышных седых волос, держа в руках желтые резиновые перчатки:

– Хотела спросить, Михаил Львович, я могу убраться в кухне, протереть пол? Вы не собираетесь обедать или пить кофе?

– Нет, нет, – ответил Стрижайло, раздосадованный ее появлением, желая продолжить свои размышления. – Протирайте пол на здоровье.

Домработница ушла, притворив дверь, а он снова предался воспоминаниям и обдумываниям.

Он вспоминал дом на Палихе, где прошло его детство, без родителей, под присмотром бабушки, которая была ему и отцом, и матерью. Билась над ним, как наседка, взращивала, вскармливала, выхватывая из болезней, из тайных сиротских печалей, вымаливая у Бога благополучие для милого Мишеньки. Дом был четырехэтажный, без лифта, с тяжелой входной дверью, с полутемным сырым подвалом, от которого вверх возносилась лестница с деревянными перилами. Этот подвал был вместилищем его детских ужасов. В черной сырой глубине, в захлабленном бомбоубежище, куда не ступала нога жильцов, таилось сонмище злых существ, таинственных беспощадных духов, подстерегавших его. Эти духи были не из детских сказок, не из опыта действительной жизни, где существовало много опасностей

– хулиганы из соседнего двора, пьяный детина, выбегавший с топором на улицу, болезни, доводившие его до мучительного бреда. Эти страхи были безымянны, сопутствовали ему с младенчества. Существовали за пределами его души, являясь в жизнь, чтобы захватить, испугать и замучить. Эти духи свили гнездо в подвале. Там сторожили его, наполняли тьму бесформенным дымом, запахом тлена, из которого вдруг вспыхивали глаза ночной кошки, тянулись костлявые руки ведьмы. Открывая парадную дверь, входя в полутемный подъезд, он немедленно сталкивался с этими духами. Испытывал истошный ужас, кидался мимо подвала на лестницу. Взяв ввысь, перелетал через ступени, слыша, как духи гонятся следом. Отрывались только тогда, когда он достигал второго этажа, где начинались двери квартир.

Это длилось годами и было невыносимо. Превратилось в детскую религию зла, в ощущение злого полюса мира, откуда исходят на него все напасти, все нынешние и грядущие беды, от которых он преждевременно и страшно погибнет. В его детстве, как и у всех сверстников, были шахматы, собирание монет и марок, увлечение дворовым футболом, походы всем двором в Тимирязевский парк, где купались в солнечном, теплом пруду, сновали между деревьев, и он впервые испытал к соседской девочке нечто, напоминавшее слезную, счастлившую нежность, желание пожертвовать собой ради ее милого, веснушчатого лица. Но при этом оставался черный подвал, вместилище ужаса. Почти уже юноша, едва он ступал в подъезд, как несся сломя голову на лестницу, чувствуя за собой зеленые кошачьи глаза, костлявые руки, мертвенное дуновение преисподней.

В конце концов он решил с этим покончить. Или погибнуть от духов, или убедиться, что они не существуют, являются кошмарной фантазией его измученной с детства души. Он решил войти в подвал.

Возвращался из школы, неся в портфеле дневник с двумя пятерками – по истории и русскому языку. Представлял, как обрадуется бабушка, увидев две каллиграфические цифры, выведенные красными чернилами, – восхитится, поцелует его в лоб под пышный хохолок. Двор был в осенних, пронизанных солнцем кленах. Две соседки, поставив сумки, оживленно беседовали. Он приблизился к подъезду, намереваясь совершить свой религиозный подвиг, «сошествие во ад», – отдать себя на растерзание духов или победить их своим бесстрашием.

Отворил тяжелую, на пружине дверь. Свет улицы озарил длинный проход, слабо светящиеся ступени, линию деревянных перил, вдоль которых он обычно взлетал на второй этаж. Правее, неразлично, черной, уходящей в бездну дырой зиял подвал. Уставился в него слепой ненавистью, будто читал его мысли, угадал его бунт, гипнотизировал безымянной волей. Захотелось шире распахнуть дверь и, пока она медленно закрывается, промчаться мимо подвала, ускользая от протянутых рук, взметнуться по лестнице, и к моменту, когда дверь тяжело ухнет, гася последний свет, он уже будет вне опасности, у квартир второго этажа, где, невидимые, копошатся жильцы, пахнет едой, ветхой утварью, чуть слышны голоса и шаги.

Одолеп искушение. Отпустил дверь, ухнувшую за спиной. Стоял в темноте, чувствуя, как из подвала льются холодные ручейки тьмы, трогают его лицо, пытаясь по-слепецки, на ощупь, разглядеть смельчака, посягнувшего на могущество тьмы. Сделал несколько шагов, привыкая к мраку. В подвал вели две ступеньки, за которыми была бесформенная тьма, контуры каких-то обломков, и в этих обломках притаились духи. Зазывали к себе, мягко влекли, опутывали невидимой паутиной, клейкой сетью, обволакивали ужасом. Он трепетал, беззвучно повторяя: «Не боюсь... Вас нет... Вы просто дрянь, мусор...» Спустился вниз по ступенькам, чувствуя под ногами скользкую мокроту, липкую ветошь, от которой исходили запахи умершей материи. Так должна была пахнуть могила с тлеющими останками, в которые упирались его ноги. Эта могила сжималась, становилась тесней, была готова сомкнуться над ним, завалить мокрым, холодным тленом.

Он испытал ужас. Хотел рвануться обратно, но был парализован. Не мог шевельнуться, чувствуя, как под одежду проникают осторожные щупальца, готовые присосаться к груди,

пить живые соки, впрыскивать парализующие яды. Пытался рвануться, но щупальца не пускали. Он понял, что умирает. Смерть, которая являлась во время болезненных бредов, была теперь с ним. Прижала к его груди холодные присоски.

Умирая, теряя дыханье, взмолился о пощаде. Обращался не к Богу солнечных небес, о котором говорила бабушка, а к черным духам преисподней, к которым вознамерился спуститься и попал под их власть. Мольба была бессловесна. Умолял отпустить его обратно в жизнь. Обещал находиться под вечной властью духов тьмы. Предлагал в обмен на жизнь все самое дорогое, чем владел. Коллекцию марок, красивый, выращенный бабушкой фикус, новые, парадные, купленные ему бабушкой ботинки, и в последний момент, безумной, преступной мыслью, – и саму бабушку, отдавая ее вместо себя злым духам, откупаясь ею перед лицом гибели.

Он не мог сказать, что это было. Из тьмы подвала, из бесформенной груды мусора что-то прынуло, словно стремительный вихрь, свистящий пронзительный ветер. Вонзилось в него. На мгновение задержало свое острие. Превратило сердце в огромный ком тьмы, окруженный сверкающим блеском. Пронзив насквозь, унеслось из подвала. Он почувствовал, как освободились его ноги, как свободно вздохнула грудь. Вышел из подвала, раскрепощенный, улыбаясь. Медленно, не испытывая страха, стал подниматься по лестнице, держась за перила, туда, где звякнула дверь на втором этаже и раздалась голоса соседок.

Это был момент, отмеченный его мифологической памятью, когда он зафиксировал вселившегося в него дьявола. В обычной жизни он не думал об этом. А думая, иронизировал, прятал в иронию таинственно мерцающую точку. Но иногда, в полудреме, между явью и сном, прежде чем впасть в забытие, верил в то, что стал избранником дьявола. Духи подвала переселились в него, стали двигать его поступками.

С тех пор он стремительно изменился. Утратил отроческую робость и муку, сомнение в своих силах, ощущение странной, окружавшей его тайны. Обрел веселую уверенность, страстное нетерпение, ощущение жизни, как неутомимой игры и неутолимого творчества. Его взросление было непрерывным преуспеванием, восхождением от успеха к успеху. Ему везло. Напасти, готовые его сокрушить, проносились мимо, как шальные пули у виска, поражая других. Он отмечал в себе эту перемену. Исполнился гордыней, чувством превосходства и избранности. Он отмахнулся от детства и отрочества, в которых присутствовали боль и вина. Отрезал себя от этих мешающих, останавливающих его состояний.

Очень скоро после встречи с духами преисподней умерла бабушка. Он тайно знал, что ее забрали духи, приняли его жертву, он повинен в бабушкиной смерти. И чтобы не испытывать эту вину, он постарался побыстрее забыть о бабушке. В крематории, где с бабушкой прощались немногочисленные родственники и где ее маленькое тело поглотила геенна огненная, он даже не забрал урну с прахом. Так и оставил ее в распоряжении служителей крематория, которые развеяли пепел в подмосковных туманах.

Лежа на диване, занимаясь медитацией, он видел свой генетический код, свой «молекулярный портрет». Две спирали вращались в разные стороны. Огненно-красная, похожая на пылающую ночную рекламу, – иероглиф его успеха, ненасытный червь наслаждений, формула блистательного таланта и неиссякаемых возможностей. И слабый голубой завиток, робкое облачко в лазури, готовое исчезнуть, – притаившиеся в душе сострадание, упование на добро и любовь, нежное воспоминание о бабушке.

Он услышал звук, похожий на жужжание жука, который влетает в окно, ударяется о настольную лампу, падает на стол вверх ногами. Шевелится, силится раскрыть хитиновые надкрылья, хочет перевернуться, издавая тревожное жужжание. Это верещал и вибрировал сотовый телефон, три месяца молча пролежавший на столе. Секретный, «законсервированный» номер, предназначенный для одного-единственного абонента – находящегося в Лондоне Роя Верхарна, опального олигарха, который, спасаясь от тюрьмы, эмигрировал

в Англию. Подвергнутый в России демонизации, преданный друзьями, оставленный испуганными сотоварищами, он рассылал из Лондона молнии своей ненависти к Президенту, вынашивал планы возмездия. Стрижайло был из немногих, кто не отвернулся от злосчастного миллиардера, не включился в хор травли, высказывал в его адрес публичные, сдержанно-комплиментарные характеристики. Телефон был куплен для экстренной связи. Еще не засвеченный прослушкой, недоступный всеведущему уху ФСБ, был «горячей линией» между Верхарном и Стрижайло. Молчал долгие месяцы и вдруг заверещал, как шевелящийся майский жук.

– Ну как вы там, Мишель, поживаете? Слежу за московской политикой, анализирую предстоящие выборы. Мне кажется, у коммунистов есть грандиозный шанс. Бездарная и пошлая власть делает все, чтобы народ валом повалил к коммунистам. У них есть исторический шанс взять реванш за поражение девяносто первого года. Это говорю вам я, стопроцентный враг коммунистов. Они должны использовать этот шанс.

– Согласен, Рой. Я разрабатываю для них выборную стратегию. Но коммунисты – это те, кто постоянно не используют свой шанс.

Стрижайло держал около уха урчащую лепешечку телефона, с удовольствием представляя Верхарна по другую сторону земли. Узкое, стеариново-желтое лицо. Редкий начес волос на лысеющий череп. Маленький стиснутый рот. Чуткий нос, напоминающий нервный хоботок. Бегающие, как у зверька, пронзительно-умные глаза, которые вдруг замирали, превращались в блестящие черные шарики, а потом начинали скакать, мерцать, разбегаться в разные стороны, что соответствовало разным стадиям мыслительного процесса, приближению или удалению гениального решения.

– Им надо помочь использовать шанс, потому что парадокс заключается в том, что это одновременно и шанс демократии. Только коммунисты способны сохранить демократические завоевания и остановить сползание России к фашистской диктатуре. Это говорю вам я, который дважды в минувшее десятилетие останавливал коммунистов, не давал им прорваться к власти. Сейчас необходимо в их дряблкое, но обильное тесто, в их коммунистическую квашню, добавить дрожжей, чтобы они быстрее созрели.

– Вы хотите сказать, что в пекарнях Лондона появились хорошие дрожжи?

Голос Верхарна, не искаженный мембраной, звучал близко, с непродаваемыми бляющими интонациями, с частым заиканием. Как будто торопящаяся, бурно извергаемая мысль не умещалась в слова, опережала их, натыкалась на ограниченную в своих размерах фразу, стремилась продырявить ее конец, где и возникал срыв речи, бляение бекаса, конфликт слова и мысли, предвестник микроинсульта.

– Потуги Маковского влиять на выборный процесс смехотворны. Говорю вам не потому, что он мой противник, а потому, что он объективно слаб. Его сила основывалась на близости к Президенту, когда он делился с Кремлем доходами и не помышлял о собственной политической роли. Теперь же он рискует возбудить против себя ненависть этого маленького, мнительного человечка, который ничего никому не прощает. И неизвестно, где окажется Маковский – здесь, в Лондоне, или в Бутырской тюрьме. Чтобы победить в России, надо убивать, а он проповедует. Проповедников в России вешают за яйца.

– Вы удивительно прозорливы, Рой. Я только что был у Маковского. Он хочет использовать мои возможности. По-моему, он собирается стать Президентом.

Стрижайло представлял Верхарна на каменной площадке перед его великолепным викторианским замком в предместьях Лондона. Вид на необъятный зеленый газон с громадными деревьями, под которыми перебегают пугливые лани. Зеркальные пруды, с которых взлетают казарки. И над синими туманами весенних дубрав парит самолет, снижаясь к аэропорту Хитроу.

– Вы обратили внимание на рыжий, ястребиный глаз Маковского? Мак силен и прозорлив до той поры, пока в глазном яблоке у него мерцает око хищной птицы. Кто вырвет глаз, тот и победит Маковского.

– «Глаз вопиющего в пустыне» произвел на меня огромное впечатление. Именно этим глазом он вас сглазил, Рой?

Стрижайло восхитило мифологическое сознание Верхарна. Как лишенный бороды Черномор терял свою сказочную мощь, как оторванный от земли Антей утрачивал свою неодолимость, так и Маковский, по утверждению Верхарна, лишившись глаза, превращался в немощного карлика. Глаз Маковского был ахиллесовой пятой, уязвимой точкой могущества. Этот языческий мифологизм придавал Верхарну оттенок безумия, столь необходимого для любого творчества. Именно это безумие сближало Стрижайло с Верхарном, указывало на их таинственное родство, как если бы в детстве у Верхарна был свой подвал – убежище «духов тьмы», которые переселились в измученную душу ребенка.

– Мишель, поверьте мне, Маковскому никогда не стать Президентом. Я – специалист по изготовлению Президентов. Когда прошлый Президент превратился в грудку опилок, на которую мочилась любая собачка, я собрал опилки в совочек, высушил и насыпал в новый чехол. После этого Президент еще три года правил Россией. Нынешнего Президента я выстругал из деревянной чурки, которую подобрал, прогуливаясь на даче в Барвихе.

– Это всем известно, Рой. Вы изготовили нашего Президента, как папа Карло изготовил Буратино, но неблагодарная кукла стала тут же долбить вас своим деревянным носом. В вас говорит оскорбленное отцовство.

Эта легкая ирония была допустима в их отношениях. В период гонений, когда за Верхарном охотились спецслужбы, прокурор грозил казнью, Интерпол требовал выдачи беглеца, а интеллигенция, еще недавно кормившаяся от щедрот олигарха, отвернулась от благодетеля и, желая снискать милостей у Кремлевского Мстителя, кинулась поносить Верхарна, – Стрижайло им не последовал. Сохраняя чистоту игры и возвышенность творчества, не отвернулся от гонимого мученика, оказывал ему знаки сочувствия.

– Действительно, я придумал эту механическую куклу, собрал ее из пружинок, колесиков, древесных стружек, кусочков промокашки, лоскутков материи. Я сделал эту куклу Президентом, справедливо полагая, что наш языческий народ станет молиться на любую чурку, если ее покрасить и позолотить. Но теперь я готов исправить ошибку. Разобрать эту зловредную куклу на исходные материалы. Вы должны приехать в Лондон, и мы обсудим мой план. Есть несколько идей, которыми я желаю с вами поделиться, ибо по-прежнему считаю вас самым ярким представителем нашей политической культуры.

– Вы хотите поучаствовать в выборной кампании? Хотите вступить в игру?

Стрижайло слышал, как в голосе Верхарна начинает звучать бекас. Это нервное бляение свидетельствовало об усиленной работе сознания, которое разрывало подвернувшиеся слова, превращало их в вибрирующие осколки. Эта интеллектуальная страсть, нетерпеливый азарт передались Стрижайло по электромагнитной волне. Долетели из предместья Лондона в Замоскворечье. Сочетали необъятный зеленый газон викторианского парка и рубиновую звезду над зеленой московской крышей. И все это, вместе взятое, вызвало у Стрижайло предощущение великолепной и опасной авантюры.

– Видите ли, Мишель, я никогда не уходил из игры. Они считают, что выдавили меня из России. Но я присутствую в каждой газетной статье и телепрограмме. Мои люди продолжают работать в правительстве, ФСБ, в прессе и банковской сфере. Мой бизнес продолжает приносить доходы, и я не пожалею денег, чтобы достичь цели. Моя цель религиозна. Я чувствую вину перед Россией, я каюсь, я готов искупить мой грех. Я породил эту механическую куклу, знаю, как она устроена, где у нее под лоскутками и тряпочками таится секретная кнопка, которую я нажимаю, и наш забавный непослушный болванчик разлетится вдребезги.

– Конечно, Рой, все знают, что вы мастер клеить забавных уродцев, знаете, где у них находится кнопка. Но до этой кнопки вам нужно дотянуться из Лондона. Вы тянетесь к кукле, а она тянется к вам. Хочет найти вашу кнопку, вашу ахиллесову пяту, ваш глаз вопиющего в пустыне.

Стрижайло слышал в бекасином блянии вибрацию ненависти. Так посвистывает готовая к укусу змея. Шелестит в воздухе пуля. Тихо шипит покидающий ножны клинок. Верхарн модулировал своей ненавистью электромагнитную волну, которая взлетала с каменной террасы викторианского замка, настигала летящий по орбите спутник, отражалась от космических ретрансляторов и вонзалась в ухо Стрижайло, создавая в барабанной перепонке вибрацию. Стрижайло чутко ловил трепет ненавидящей души, которая чуть слышно потрескивала, как тугой, раскрывающийся бутон. Это и было творчество, это и было цветение, сулившие Стрижайло восхитительные наслаждения.

– Вы правы, Мишель, они хотят меня устранить. Подсылают наемных убийц, как к несчастному Яндарбиеву. Прослушивают мои разговоры. Мой парк поставлен под усиленную охрану Скотленд-Ярда. Мой повар прошел проверку в английских спецслужбах. Мои охранники взяты из французского Иностранного легиона по рекомендации Жака Ширака. Специалисты МОССАДа провели электронную защиту моих апартаментов. Я знаю, в лабораториях ФСБ готовят яд, чтобы намазать им жало ледоруба и вложить его в руку скромного секретаря, которого порекомендует мне какой-нибудь доброжелательный друг. Опыт Троцкого мною досконально изучен. Если лань приближается к моему замку ближе чем на двести метров, ее расстреливает сидящий на крыше снайпер.

– Мне все это больно слышать, Рой. Я сопереживаю вам. Непременно приеду и выслушаю ваши идеи. Заранее продвигу их неповторимый блеск. Маленькая просьба. Когда стану приближаться к вашему замку и пересеку двухсотметровую отметку, пусть снайпер в меня не стреляет.

– Но вы же не лань, мой дорогой Мишель. Вы – лев.

– Я не лев, я – Львович, – засмеялся Стрижайло, слыша, как рассыпчато хохочет человек в лондонском предместье, играя темными глазками, которые видят великолепный изумрудный газон, тенистые деревья, блеск прудов, взлетающих казарок, – золотой отсвет на их изогнутых крыльях.

Отложил секретный телефон, в котором стихал блеющий звук. Возбужденно зашагал по кабинету, от стола карельской березы, напоминающего глыбу янтаря, до изящного шкафчика из того же великолепного дерева, где окаменело солнце минувших лет. Удача в который раз, полетав над миром, опускалась ему на голову. Видимо, удаче было удобно вить гнездо на его голове, в которой содержалось множество отменных, пригодных для строительства материалов – талант, трудолюбие, веселая изобретательность, бесстрашие. Из всего этого будет построено гнездо, в которое усядется мистическая птица, отложит яйцо, свесив лазурный хвост. Именно такой головной убор видел когда-то Стрижайло на картине художника Тышлера, большого мастера по части дамских шляп и еврейских девятисвечников.

Он получал три грандиозных заказа, связанные с думскими выборами. Коммунисты ждали от него нетривиальных решений. Могущественный хозяин «Глюкоса» приблизил его к себе так близко, что становились видны рыжие, опасные кристаллики глаз. Верхарн приглашал его в Лондон, где цвели каштаны и каждый благоухающий цветок был пропитан ядом ненависти.

Это и являлось настоящей игрой, истинным творчеством, подлинной агрессией, когда одна запущенная из шахты ракета с разделяющимися головными частями поражала одновременно несколько целей. Именно это роднило политологию с ракетной атакой, когда комбинированным неотразимым ударом менялся весь политический ландшафт. Ракета такого класса именовалась «Сатаной». Политолог такого уровня именовался Стрижайло. Стрижайло и

был «Сатаной», вместилищем «духов тьмы», которые сообщали ему космическую скорость, непревзойденную точность, защиту от противоракетных систем противника. Найдя эту аналогию превосходной, он сжал плечи, вытянул руки по швам, уподобляясь ракете, выходящей из тесной шахты. «Я – „Сатана“», – внушал он себе, фиксируя бортовым компьютером координаты трех выбранных целей.

Деньги, которые он мог получить, были огромны. Влияние, которое он обретал, умножалось стократ. Наслаждение, которое сулила игра, было неопишимо. Красная спираль генетического кода стремительно и страстно вращалась, будто над городом извивался алый, набрякший мотыль. «Музыка возбужденных молекул» казалась то коммунистическим Интернационалом, то звоном шаманского бубна, то концертом английских «Битлз», где отчетливо проступал мотив «Йеллоу сабмарин».

От возбуждения Стрижайло не находил себе места. Приблизился к заветному шкафчику карельской березы, повернул в дверце ключик. Открыл, созерцая тайное собрание. Здесь была собрана драгоценная коллекция фетишей, оставшихся после любовных встреч, после которых женщина оставляла ему знак своей симпатии, напоминание о наслаждениях, невинный сувенир, хранивший пленительный образ владелицы.

Здесь был бюстгальтер с забавными вырезами для сосков, – презент экстравагантной поп-звезды. Кружевные трусики, принадлежавшие умной и влиятельной даме из Фонда Карнеги. Тонкие розовые бикини, в которых так чудесно смотрелась стройная и не слишком молодая телеведущая, знающая толк в человеческих инстинктах. Прозрачный, со стрекозиным блеском пеньюар, из которого выпорхнула миниатюрная писательница, автор многотиражных бестселлеров. Сиреневые колготки с маленькой дырочкой на ягодице, – дар чемпионки по фигурному катанию. Носовой платок со смешными, сделанными помадой каракулями, – их оставила на платке дама вице-спикер, большая, бело-розовая, парная, со складками на животе, сидевшая на краю скомканной постели. Черная ночная сорочка с бретельками, – ее кинула на спинку стула известная в Москве гадалка и ворожея. Остроносая туфля с отточенным каблуком, в которую упиралась сильная, гневная нога банкирши, – демонстрируя свое превосходство, она поставила ногу на грудь поверженного Стрижайло и больно надавила каблуком. Милая домашняя тапочка из парчи с серебряной нитью, – ее забыла в номере загородной гостиницы дочка министра. Золотой брелок, украшавший вяную грудь эффектной, неутомимой в наслаждениях дамы-сенатора. Нательный крестик с дешевой цепочкой – наивный подарок продавщицы из Подольска. Пластмассовая заколка от волос, светящаяся в темноте, как реклама Лас-Вегаса, – ее забыла в машине легкомысленная стриптизерша, приводя в порядок свое восхитительное, растревоженное Стрижайло тело. Шелковая ленточка, которой сельская учительница связывала на затылке свои льняные волосы. Кожаная сумочка с духами, помадой и пудрой, забытая в доме Стрижайло пугливой женой дипломата.

Эта коллекция была дорога Стрижайло, возбуждала его воображение, благоухала тончайшими запахами запретных вожелений и греховных утех. Шкафчик был хранилищем талисманов и фетишей, каждый из которых, если произнести заклинание, мог превратиться в живую женщину, одарить неповторимой усладой.

Он смотрел в глубину шкафчика, как в кунсткамеру своего любовного опыта. «Музыка молекул» звучала все настойчивей, словно в паху у него собрался весь ансамбль легендарных битлов – застреленный Джон Леннон, умерший от рака Джордж Харрисон, продолжающие здравствовать Пол Маккарти и Ринго Старр. Раскачивая гитарами, вставая то на носки, то на пятки, поворачиваясь в разные стороны, они исполняли шлягер «Йеллоу сабмарин», песню о таинственной желтой подлодке. Что-то флотское, знакомое чудилось в этой мелодии. Сон домработницы Вероники Степановны, которой привиделся муж – флотоводец, подаривший во сне перламутровую раковину Афродиты. Это мучительно томило Стрижайло. Хотелось

увидеть Веронику Степановну, стоящую босиком на сверкающей раковине посреди морской стихии.

Вышел из кабинета в прихожую. Дверь на кухню была открыта. Вероника Степановна, спиной к нему, старательно терла пол, намотав на щетку влажную тряпку. Ее руки в желтых резиновых перчатках сжимали щетку. Кругом на стенах мерцала венецианская майолика. Дубовый бар повторял архитектуру Палаццо дождей. Горела над столом фантастическая люстра – летающая ладья Леонардо. Вероника Степановна терла пол, уперев сильные и упрямые, в форме бутылок, ноги. Ее полную талию опоясывала тесемка фартука, которая колебалась вместе с пухлыми, тугими ягодицами. Фиолетовая седина струилась, словно ее раздувал морской ветер. За стойкой бара, слегка размытый, окруженный матовым светом, стоял морской офицер в черном мундире, с серебряными погонами, молча протягивал большую, как блюдо, перламутровую раковину.

Стрижайло приблизился сзади к Веронике Степановне и положил ей одну ладонь на затылок, а другую на выпуклое бедро.

– Ах! – слабо воскликнула домработница, поворачивая выцветшее, с дряблыми щеками лицо, такое же, как на молочном пакете «Домик в деревне». – Что вы делаете, Михаил Львович?

– Ваш муж подарил вам раковину, желая, чтобы вы стали молодой и прекрасной, как Афродита. Я помогу вам, Вероника Степановна. – Он с силой, грубо нагнул ее сиреневую, пышноволосую голову, и она, выронив щетку, уперлась в край стола растопыренными, в желтых перчатках пальцами. – Так надо, такова его воля, – произнес Стрижайло, резко задирая ее подол, обнажая обтянутые колготками, деформированные, оплывшие жиром полушария. – Мы придерживаемся добрых флотских традиций, не правда ли? – Он свирепо рванул колготки, видя уродливый, оставленный резинкой розовый рубец, сизые, с натертыми мозолями ягодицы, большое, бесформенное бедро с черно-фиолетовым рисунком склеротических вен, напоминавших дельту Волги. – Все будет в согласии с флотским уставом, заверяю вас, Вероника Степановна!

Он овладел ей с отвращением, свирепея оттого, что ее отвыкшее от любви, иссохшее лоно напоминало кожаный складчатый кошель, отороченный лежалым войлоком. Он продирался сквозь жесткую кошму, кожаные морщины, как обезумевший путник продирается сквозь заросли верблюжьей колючки и наждачные ложбины пустыни, надеясь добраться до оазиса с озерком невысохшей влаги, незасыпанным родничком. В ее растопыренных желтых перчатках было что-то от лягушачьих лапок. Крестец казался оплывшим куском стеарина. Флотский офицер из-за стойки молчаливо наблюдал их соитие. Оно проходило в формате морского боя, когда 5-я Средиземноморская эскадра схватилась с кораблями 6-го американского флота.

Подводная лодка посылала в авианосец торпеду за торпедой. Выталкивала из аппаратов бурлящие снаряды, которые вторгались в стальные борта, продирались сквозь оболочки, взрывались в глубине, вышвыривая из пробоев фонтаны огня и пара, черную копоть взрывов.

– Так точно, адмирал... – бормотал Стрижайло, всматриваясь в близкое лицо флотоводца, в его немигающие глаза.

«Противолодочник» засек локатором лодку, обстреливал из глубинного бомбомета. Гроздь бомб летели над морем, падали с легкими всплесками, опускались вглубь и рвались, расталкивая взрывами воду, выбивая на поверхность водяные столбы. Взрывная волна ударила в лодку, сминала корпус, рвала шпангоуты, и матросы, одурев от ужаса, забивали в пробойну кляп.

– Никак нет, адмирал... – Стрижайло в азарте боя успевал рапортовать флотоводцу, видя, как светится серебро на черном парадном кителе.

Крейсер выпускал из контейнера крылатую ракету. Она мчалась на огненной метле, попадала в эсминец, разрывала надвое палубу, вышвыривала наружу горящие сгустки стали. Пораженный корабль медленно оседал на корму, окруженный кипятком и огнем.

– Будет исполнено, адмирал... – Стрижайло откликнулся на приказ флотоводца, управлявшего морским сражением.

Самолеты пикировали на эскадренный миноносец, посылали вихри ракет и бомб. Корабль, стая от попаданий, огрызался зенитно-ракетным комплексом. Пускал в самолет отточенное острие. В небе плыл раскаленный шар взрыва, в море падали клочья огня и металла.

– Слышу вас, адмирал... – это звучало как последнее прости. Стрижайло, подброшенный взрывом, вознесся в небо. Перед тем как ослепнуть, увидел огромное море, столбы и фонтаны воды, падающие с небес самолеты, тонущие корабли, и повсюду, в липком огне, барахтались люди. А потом все померкло.

Он устало оттолкнулся от вялых, несвежих окороков, видя, как перебирает Вероника Степановна своими желтыми лягушачьими лапками. Она тяжело распрямлялась, шла, прихрамывая, в дальний угол кухни, пытаясь привести в порядок растерзанную одежду. Всхлипывала, поправляла сбитую сиреневую седину. Стойка бара была пустой, флотоводец исчез.

Стрижайло прошагал в кабинет, притворил дверь. Его сознание, пустое и светлое, было очищено от случайных эмоций, не обременено преждевременным творчеством. Лег на диван, подоткнул под голову персидскую, шитую золотом подушку.

Глава 7

Утром ему позвонил персонаж по фамилии Веролей, таинственное существо, чем-то напоминающее гибкую водоросль, оторванную от морского дна, которая неожиданно всплывает, переносится с места на место, светится в ночи голубоватым мертвенным светом. Он находился в общении со всеми – с левыми, правыми, радикальными либералами, отъявленными фашистами. Всем помогал, кому лаской, кому незначительными услугами. Пригревал гонимых, как это было после августа 91-го и октября 93-го. Связывал разорванные концы, восстанавливал отношения, был осведомлен в тайнах политики и партийных сплетнях. Был безобидным, добрым. Его бабье, безволосое, не ведающее бритвы лицо озарялось болезненной улыбкой, как если бы ему делали больно и он недоумевал и стыдился этих злых проявлений в свой адрес. Возможно, он был агентом спецслужб, сразу нескольких, и в его функцию входило непрерывное бессистемное общение, что обеспечивало огромный круг знакомств, перепутанность связей, хаотические и неожиданные потоки информации, из которых каждый мог черпать на свой вкус.

– Дорогой Михаил Львович, смею напомнить о себе. С тех пор, как мы чудесным образом встретились на фуршете в отеле «Славянская», наблюдаю вас только по телевизору. Я выполнил вашу просьбу, поговорил с помощником латвийского Президента. Они очень заинтересовались вашим предложением.

– Виталий Семенович, несказанно рад. Я слышал, вы помогли бедным лимоновцам избежать очередного громкого процесса. Это благородно. Надо помогать братьям нашим меньшим, даже если это гадкие, испорченные мальчишки.

– Вы просили меня, Михаил Львович, о встрече с Николаем Николаевичем. Тогда он не мог, еще был связан обязательствами. Но теперь окончательно выведен за штат и готов повидаться. Генералы щепетильны, не то что мы, штатские.

– Мне кажется, я могу сделать Николаю Николаевичу лестное предложение. Его опыт, связи и репутация обеспечат ему видное место в политике.

– Очень хорошо, Михаил Львович. Не могли бы мы повидаться?

– Разумеется. Где и когда?

– Что, если вы пожелаете сегодня в гольф-клуб «Морской конек»?

– Сегодня? Мне не слишком удобно, Виталий Семенович.

– Предложение повидаться исходит не только от меня, но и от очень влиятельного лица.

– От кого же? От балетмейстера Большого театра?

– От балетмейстера самого Большого театра.

Стрижайло не стал переспрашивать, кто имеется в виду. Вдруг почувствовал, что появление человека-водоросли знаменует приближение могучих безымянных течений, морских потоков, повернувших вдруг в его сторону. Эти течения, подобно Гольфстриму, несут с собой огромные массы тепла, кислорода, питательного планктона, состоящего из креветок и водорослей, которыми питаются киты. Появление этой струящейся морской травы могло означать, что скоро, в тусклом сиянии, на горизонте возникнет фонтан воды, сверкнет и канет глянцевитое тело кита.

К вечеру, оснащенный пригласительной картой, одетый комифо, в костюме от «Хьюго Босса», в туфлях от «Барбер», он появился в гольф-клубе «Морской конек». Клуб скрывался от глаз в зеленой ложбине недалеко от иностранных посольств, в том месте, где кончаются особняки и земля образует глубокую мягкую складку с миниатюрным озером, изысканным дворцом, чудесным благоухающим газоном, среди которого белеют камни, то ли природные, отшлифованные ледником валуны, то ли абстрактные скульптуры, повторяющие пластику женского тела.

Стрижайло заметил обилие охраны. Его дважды, у двух шлагбаумов, останавливали, сверяя пригласительный билет и паспорт. Повсюду виднелись молодцы, зачехленные в темную форму, с рациями и пистолетами. Кое-где, на крыше дворца, на склонах ложбины ему померещились снайперы. Возник и скрылся стрелок, несущий на плече переносной зенитно-ракетный комплекс, на случай, если сверху, в зеленую чашу начнут планировать дельтапланы, и тогда их встретит заградительный огонь автоматчиков, пуск ракеты. Все это могло означать одно: ожидалось посещение самой значительной персоны страны, возможно самого Президента. Шофер, отыскав свободное место рядом с вишневым «бентли», поставил автомобиль на площадке, где было тесно от великолепных иномарок, черных, кварцевых джипов охраны и возвышались окаменелые группы телохранителей, похожие на дольмены.

Здание клуба, изящно вписанное в зеленый ландшафт, мягко светилось теплым деревом, переливалось стеклом, было наполнено нежным оранжевым светом. Состояло из ресторана, отдельных кабинетов, конференц-зала. Уютный бар соединялся с открытыми верандами, куда можно было выйти с собеседником и, попивая коктейль, любоваться блеском воды, переливом фонтана, отражением московской зари.

Гости были в сборе, наполняли бар, вестибюль. Медленно перемещались, образуя небольшие группы. Соединялись, распадались, переходили от одной группы к другой. Любезно улыбались и остряли, ненавязчиво выспрашивали и намекали, обращались с просьбами и злословили, вынюхивали новости и обменивались сплетнями. Принадлежа к высшему кругу, были тщательно отобраны, отшлифованы, притерты друг к другу. Понимали с полуслова, посылали молчаливый знак, слабый жест, чуть двигали бровями. Казалось, все были осыпаны легчайшей пылью, помечены благоухающими каплями, по которым узнавали себе подобных, метили один другого незаметно, во время шуток и злословий, касаясь лацканами пиджака, обмениваясь рукопожатиями. Пересыпали эту пыльцу с пиджака на пиджак, переносили клейкие ароматные капли с ладони на ладонь. И все исподволь, нетерпеливо и ревностно поглядывали на центральные двери, в которых должна была появиться ожидаемая высокая персона. И тогда все обернутся к ней, стараясь первыми попасть на глаза, поймать ее улыбку, радостно и преданно пожать протянутую руку.

Стрижайло присоединился к гостям, двинулся, описывая окружности разной величины, словно попал внутрь часового механизма, состоящего из колесиков, шестеренок, каждая из которых цепляла другую, передавая невидимое драгоценное время.

Официанты картинно стояли перед тележками, угощая гостей фирменным коктейлем «Морской конек». В бокалы с шампанским добавлялась ложка цветного ликера, лился коньяк, и, когда в стекле начинало кипеть, мерцать, вспыхивал мистический подводный цвет, официант серебряными щипцами эффектно выхватывал из аквариума морского конька, кидал в бокал. Морское существо начинало пульсировать среди пузырьков, скручивало спиральку хвоста, растопыривало перепонки, приобретало таинственные расцветки. Гости подносили к губам бокалы, видя игру света на чешуйках морского дива.

Первым, кто уронил бесцветную благоухающую капельку на рукав Стрижайло, был его вечный соперник, удачливый недоброжелатель, обольстительный плут – кремлевский политолог Петропавловский. Мягкий и бархатный, словно кот, с ласковым лицом, масляными глазками, которые лучились, теплились, переливались, будто их хозяин подглядывал в замочную скважину за переодевающейся женщиной. Женщина была хороша, поставила на стул обнаженную ногу, медленно совлекала чулок. Петропавловский, наблюдая, облизывал красные губы сладострастным язычком.

– Я согласен с вашей теорией архетипов русского народа, – произнес он с легким превосходством, которое обеспечивал ему статус самого влиятельного политтехнолога страны. – Русские воспринимают не умом, но сердцем. Не рациональную теорию, но фантастический миф. Все действующие ныне политики имеют в народном сознании образы

сказочных героев. Губернатор Санкт-Петербурга – Баба-яга. Министр экономразвития – Кощей Бессмертный. Председатель Счетной палаты – Водяной. Лидер ЛДПР – Домовой. Глава МЧС – Леший. Они хоть и отрицательные персонажи, но не страшны, не враждебны. Народ живет с ними, как жил тысячу лет назад. Я использовал на президентских выборах образ Георгия Победоносца, поражающего зло бедности, коррупции, несправедливости. Так витязь поражает дракона. Эти героические черты я транслировал в народное сознание с помощью новейших психологических методик. И, как видите, добился успеха. Жаль, что вы работаете на коммунистов и мы не можем соединить наши усилия.

В бокале Петропавловского среди пузырьков переливался морской конек, приобретая рубиновый, изумрудный, лазоревый цвет. Петропавловский выпил коктейль, облизнул влажные губы. Выловил из бокала морского конька, надкусил с хвоста и сочно, с чмоканьем высосал, оставляя потускневшую, поблекшую шкурку. Кинул остатки водяного существа в бокал. Поставил на поднос проходящего официанта.

Стрижайло был уязвлен. Соперник не стеснялся демонстрировать превосходство. Не пускал на пьедестал, с которого ему было видно дальше, чем Стрижайло. Расправа с морским коньком выглядела тайной угрозой, которой он предостерегал конкурента от недуманного вмешательства. Вялый бесцветный чехольчик, из которого были выпиты соки, намекал на возможность расправы. Испытывая ревность, близкую к ненависти, пряча ее за любезной улыбкой, Стрижайло раскланялся, переходя к соседнему гостю.

Молодой и веселый фат с жестами, выдававшими теннисиста, темноглазый, с кавказской горбинкой носа, он весь исходил энергией, нетерпением, обаянием преуспевающего ловкача. Это был могущественный чиновник Администрации Президента Чебоксаров, с бесовской ловкостью управлявший бестолковыми депутатами Думы, чванливыми губернаторами, неповоротливыми лидерами партий. Обольщая, стравливая, осыпая то деньгами, то компроматом, Чебоксаров обращался с политической элитой как умный и жестокий псарь обращается с озлобленной сворой. Жертва, которую он выбирал, напоминала затравленного зайца. Он же, непокусанный, разгоряченный охотой, кидал окровавленного зверька к ногам своего Хозяина.

– Почему я вас не вижу в Кремле, дорогой Стрижайло? Мне так не хватает идей, не хватает креативных советников. Столько тупой, непроходимой скуки и глупости. Вы из немногих, от кого исходит непрерывное творчество. Петропавловский, говорю вам с сожалением, иссяк. Повторяется, имитирует. Все больше становится публичным софистом, а не политтехнологом. А ведь предстоят великие перемены. Кончена либеральная революция, и мы должны деликатно отвинтить дантонам и робеспьерам их революционные головы. Я ношусь с великим планом преобразования России, который может соперничать со столыпинским. Из плоской, как блин, дырявой и кислой власти мы построим незыблемую пирамиду, определив в ней иерархию сословий, рангов, регионов, партий. Господству олигархов, таких как Верхарн или даже Маковский, приходит конец. Самодурству губернаторов и президентов в папашах положен предел. Личность Президента, после каждого свидания с Патриархом, приобретает черты помазанника. Вот чем заняты мои мысли, дорогой Стрижайло. Я нуждаюсь в вас. Этот проект должен быть завершен раньше, чем страну потряхнет очередной взрыв Басаева. Разгребая последствия теракта, мы заодно пустим бульдозер по всем трухлявым постройкам российской власти. Когда пыль осядет, когда смолкнут погребальные оркестры, все увидят великолепный кристалл новой российской государственности, рожденной из крови и слез.

Он говорил откровенно, не делая тайны из своего грандиозного замысла, как человек силы и неограниченной власти. Эта власть не была облечена в тяжеловесные золоченые ризы или в помпезный военный мундир. Она была шита по индивидуальному заказу в ателье «Поль Цилери», выглядела неповторимо изящной, легкой и неотразимой, с кавказской гор-

бинкой носа, с золотым брегетом и великолепным беспощадным цинизмом, в котором запах французского одеколona мешался с горьковатой сладостью гексагена.

Стрижайло испытывал перед ним восхищение, дорожил его расположением. Ему хотелось спросить, где купил Чебоксаров свой шелковый, оранжево-золотистый галстук. Не тот ли это знаменитый фасон, что воспроизводит расцветку коллекции Фаберже?

Чебоксаров изящно, маленькими глотками допил коктейль. Не считаясь с условностями, вытряхнул на ладонь розового морского конька. Сдавил ему грудку, умертвляя пульсирующее, с выпученными глазками, животное. Бережно открутил ему голову. Выдавил из него, как из тюбика, клейкую зеленоватую струйку. Слизнул, отирая руки батистовым платком. Незаметно уронил конька на пол, чтобы кто-нибудь наступил на зверька, поскользнулся и сломал себе ногу.

Следующий гость, к которому повлекло Стрижайло по невидимой орбите, был окружен слушателями, подобострастно внимавшими каждому слову. Это был спикер Совета Федерации, мордастый, страстный, с пылким взглядом спаниеля, с горячим дыханием неистового рта, откуда то и дело по-собачьи вываливался красный язык. В его тщательно невыбритой щетине было тоже нечто собачье, отчего глаз начинал искать ошейник, но находил темно-алый галстук из бутика «Европа» с бриллиантовой булавкой. Его страсть, неутомимое говорение, щедрое расходование обильных, полученных от вкусной еды калорий были направлены на обожание Президента, на изъявление верноподданных чувств. Казалось, он все время, высунув язык и роняя жаркую слюну, бежит по следу, ловит запахи обожаемого существа, ищет своего властелина, а найдя, кидается опрометью на его штиблеты, трется о них щетиной, отчего штиблеты начинают солнечно сиять.

– Наш Президент, – я говорю «наш», потому что он действительно наш, – озабочен состоянием нравственности в обществе. Просил меня выступить с законодательной инициативой, запрещающей матерно обзывать матерей-одиночек. У нашего Президента, – повторяю, он именно «наш», по менталитету, по образу жизни, пониманию основополагающих ценностей русской жизни, – у него есть три, я бы сказал, страсти, или, точнее, государственные заботы. Чтобы бедность хоть понемногу, но отступала. Чтобы авторитет России на международной арене рос. И чтобы с международным терроризмом, в том числе и в Совете Федерации, было покончено. Надеюсь, вы понимаете о чем я говорю? Ведь некоторые сенаторы с кавказским акцентом еще недавно дружили с Басаевым. – Он жаркодохнул, показав и спрятав длинный язык. Оглянулся, как это делает пес, готовый приступить к поеданию сладкой косточки. Сгорбил спину, как если бы под дорогим пиджаком у него встал загровок. При этом зоркие глазки продолжали следить за дверью, не появится ли точеная фигурка обожаемого человека, чтобы нестись навстречу, жадно ловить взгляд.

Спикер осушил бокал, где золотился морской конек, похожий на амулет из коллекции скифского золота. Не стал извлекать животное. Смотрел, как, лишенное питательной среды, оно иссыхает и чахнет. Как мучительно вздрагивает спиралевидный хвост, трепещут перепонки, меркнут и наполняются мутью страдальческие глаза. Дождался, когда морской божок сдох. Передал бокал с трупиком одному из вежливых собеседников.

Кружась по залу, Стрижайло не мог не подойти к колоритному господину, напоминавшему купца из старообрядцев. Бородатое степенное лицо. Старомодная «тройка» с золотой цепью от карманных часов. Окающая речь, нарочито звучащая среди сюсюкающего, грасирующего и картавящего окружения. Впрочем, не хватало картуза, колесного парохода и трактирного слуги с полотенцем наперевес, присутствующих на рекламе пива «Сибирская корона». Борода, золотая цепь и окающая речь принадлежали известному банкиру Пужалкину, чье православие, близость к Президенту, конкуренция с еврейским капиталом снижали любовь в патриотических кругах и тайную враждебность в стане олигархов, считавших его, и не без основания, антисемитом.

– Это, я вам скажу, истинное чудо Господне! Владыка отговаривает плыть на Афон: «Буря, девятый вал, того и гляди корабль утонет, и окажешься ты, аки Иона во чреве кита». Я же, уповая на Господа, отплыл. Верите, нет, братие, как только показался святой остров, так ветер стих. По морю, яко посуху, достигли мы дивного острова. Как ступил на берег, так сразу же в обители преподобного Паисия заказал молебен по случаю чудесного спасения среди пучины морской. Настоятель, принимая от меня дар, спросил, не желаю ли еще о чем попросить Отца Небесного. Я ему сказал: «Твоя молитва, отче, дойдет до Бога быстрее моей. Попроси Господа, пусть избавит Россию от жидов и поможет нашему православному Президенту додушить олигархов!»

Окружавшие Пужалкина молодые люди семинарской внешности с военной выправкой согласно кивали. Их русые головы, расчесанные на прямой пробор и смазанные лампадным маслом, истово светились. Банкир перекрестился, набрал воздух, залпом осушил бокал. Вытряхнул бьющегося морского конька на большую ладонь. Схрумкал его вместе с кожурой, брызгая соком, демонстрируя пристрастие к дарам моря. Служка в подряснике протянул полотенчико, которым купец отер патриархальные усы и бороду.

Стрижайло двигался в медленных водоворотах, оставляя слабо светящийся, долго не гаснущий свет. Так переливается призрачным светом планктон, потревоженный плавником рыбы. Он искал среди присутствующих Веролея, обещавшего конфиденциальную встречу с важной персоной. Веролея не было. Персоны, явившиеся в гольф-клуб, были несомненно важны, но ни одна из них не обнаруживала особую пристрастность к Стрижайло. Как и он к ним. Они являлись средой его обитания. Кормовой базой, которая поставляла ему неограниченные калории. Объектами его изучения, занесенными в картотеку с описанием их гороскопов, сексуальных наклонностей, криминальных связей, банковских счетов, телефонных компроматов. Он знал историю их возникновения из социального праха и политической пыли, когда, под воздействием загадочных сжатий, из мусора возникало молодое светило. Начинало блистать, излучало энергию, эффектно всходило на небосклоне, чтобы вдруг померкнуть, мгновенно остыть, обратиться в комочек пыли, рассыпаться горстками мусора. Он был подобен астрологу, изучавшему рождение и гибель небесных тел. Подобен алхимику, познававшему тайны перехода одного вещества в другое – вульгарного металла в драгоценное золото и бесценной платины в рыхлую ржавчину. Он не тяготился отсутствием Веролея. Наслаждался созерцанием именитых персон, как писатель наслаждается созерцанием прототипов будущего романа.

Два министра – обороны и иностранных дел, – носившие одинаковые фамилии Сидоров, одинаковые туфли «барбер», одинаковые золотые часы «корум койн вотч», вели заинтересованную беседу. Сидоров-оборонщик жаловался Сидорову-международнику:

– Представляешь, на последних учениях в Северо-Кавказском военном округе я выпил сырую воду из ручья и весь покрылся болячками. Под мышками, в паху, на животе, на ягодицах, между лопатками. Сначала я поверил нашим микробиологам, будто Басаев, узнав о моем прибытии, вылил в ручей раствор сибирской язвы. Но потом одна знахарка сказала, что это просто сглаз. Меня сглазил министр обороны Рамсфельд, когда мы встречались на саммите Россия – НАТО. Знахарка смешала обычный ружейный порох с луком и конской мочой и заставила выпить. Почти все болячки сошли, только на ягодицах осталась. Вот и стою, как мудак.

– Мы в таком переломном возрасте, что надо очень и очень следить за здоровьем. Я, к примеру, использую несколько оздоровительных методик, которым научился у аккредитованных в Москве дипломатов. Проснувшись, ложусь на полчаса в ванну со льдом, как мне посоветовал посол Исландии. Затем обкладываю себя листьями табака, заваренными в кипятке, как рекомендовал посол Кубы, лежу около часа. Затем выпиваю сок манго, смешанный с мясом паука-птицеда, что вызывает бурное действие желудка, – рекоменда-

ция посла Мозамбика. Освободившись от шлаков, съедаю кусочек ягеля, запивая литром рыбьего жира, что замечательно промывает печень, – совет посла Норвегии. И только затем приступаю к дыхательной гимнастике, по методике посла Индии, и к бегу прыжками – методика посла Чили. Ну а уж после этого начинаю чихвостить этих мерзких япошек, чтобы не приставали с проблемой Курильской гряды.

Оба сочувствовали друг другу. Подняли бокалы с морскими коньками, пятнистыми, черно-зелеными, как в камуфляже. Пожелав друг другу здоровья, выпили. Министр обороны выплеснул своего морского конька в бокал министра обороны. Оба молча смотрели, как сцепились в смертельной схватке два водяных дракончика, хлещут друг друга хвостами, секут плавниками, беспощадно долбят носами.

Еще одна вельможная пара дружески разглагольствовала – председатель Центризбиркома Черепов и советник Президента по информационной политике Ясперс. Главный специалист по выборам производил странное впечатление – в его костяной голове, мертво-голой, оправдывающей фамилию хозяина, безумно сверкали голубые карбункулы глаз. Так выглядит маска смерти, когда вскрывают саркофаг и в черепной коробке, оскаленной, без носа и десен, в пустых глазницах сияют камни небесного цвета, отчего археологи сходят с ума или падают замертво. Ясперс напоминал длинноголового дятла с упрямым носом, плоским лбом и сдвинутыми к затылку глазами. Монотонно, однообразно он продалбливал дыры в общественном мнении еще во времена первого Президента России. Продолжал заниматься тем же при его преемнике. Дыр было много. Под каждой лежала труха истребленных истин. Этой же трухой был забит клюв, отчего его владелец говорил слегка в нос. Сдвинутые к затылку глаза позволяли видеть опасность в то время, когда долбящий нос был погружен в дупло. Он был во всем черном, с фиолетовым галстуком, с таким же платком, торчащим из нагрудного кармана. Известный франт и дамский угодник, прятал в безупречно сшитом костюме другое неутомимое долото.

– Демократия, по моему глубокому убеждению, – это религия, – сверкал карбункулами Черепов. – Если угодно, язычество, когда толпа возводит и низвергает кумиров. Центризбирком с компьютерами, подсчитывающими голоса, – это капище, а я верховный жрец. На капище, как известно, приносятся жертвы. Каждый раз перед думскими выборами я отправляюсь в Африку на сафари и охочусь на кенийского козла. Это неопишное зрелище – саванна, малиновый рассвет, загонщики стучат в тамтамы, на заре летят бесчисленные птицы. И вдруг выскакивает козел, огромный, с витыми рогами, шерстяной, яростный, и ты его бьешь из автомата несколькими пулями, слыша, как чмокают попадания. Тут же, пока он еще бьется, я пью из раны его кровь. Носильщики подвязывают его за ноги к шесту и несут в лагерь. Сливают кровь в сосуды, сдирают шкуру, разделяют. Самолетом я отправляю тушу в Москву и в главном компьютерном зале совершаю обряд помазания. Мажу черной кровью козла компьютеры, электронные табло, терминалы. Жареное мясо поедаю с сотрудниками. Шкуру отдаю скорняку, и из кожи козла делают переплет Конституции. И тогда во все наши подсчитывающие и передающие системы вселяется дух африканского козла, покровителя демократии.

– Умоляю вас, – с долбящими движениями головы и с легким проносом отвечал ему Ясперс, – пусть об этом никто не знает – ни пресса, ни партии, ни мажоритарные кандидаты. И особенно церковь. Хотя иерархи лояльны к власти, но в низах, на приходах, распространяется мнение, что в главный компьютер страны вселился дьявол, заложено число 666, которому и соответствует образ козла, то есть Зверя. Если бы вы знали, как трудно мне было уверить общественное мнение, что первому Президенту пересадили сердце, а не семенники абиссинского бабуина. Хотя, должен вам сказать, через неделю после пересадки он уже гонялся за медсестрами ЦКБ, опираясь по-обезьяньи на передние лапы, и не было ни одной, кто бы от него увернулся.

Оба не притронулись к предложенным бокалам, в которых, среди пузырьков, продолжали пульсировать морские коньки. Один отражал голубые карбункулы, другой – фиолетовый бант.

Стрижайло, озирая зал и наполнявшие его группы, различал неформальные центры влияния, конкурирующие союзы, противоборствующие объединения. Но среди этих неясных группировок существовали два яростных, непримиримых полюса, посылавшие один другому молнии ненависти. Две красавицы в разных концах зала наблюдали одна за другой, испепеляя сверкающими глазами. Одна, известная балерина Колобкова, недавно капризно покинувшая сцену Большого театра, пышная и прелестная, с гордо посаженной головой, с ампирной красотой узкой талии и высокой груди, отыскивала соперницу большими гневно-прекрасными очами, требующими, чтобы та исчезла, испарилась, превратилась в морского конька. Другая – точеная, искусительно-прекрасная Дарья Лизун, с нервным порочным лицом, круглыми коленями, напоказ сияющими из-под короткой юбки, дочь известного российского либерала. Первопроходец реформ, вернувший Санкт-Петербургу его исконное имя, любитель тонких усад, во время оргии он был заперт в раскаленной сауне, где при температуре двести градусов сварился, как рак. Однако был похоронен как просветитель и национальный гений. Обе женщины были возлюбленные Президента, но вступали в свою должность поочередно, сменяя одна другую в дни новолуния. Как только полная луна шла на ущерб, балерина уступала место сопернице, и та всходила на августейшее ложе. Сегодня был второй день новолуния, все ждали Президента, и было неясно, кого он увезет из гольф-клуба под светом полной луны.

Стрижайло был знаком с Дарьей Лизун, флиртовал с ней однажды и даже подвез в лимузине к дискотеке. Успел в темноте салона провести рукой по длинной ноге от сухой лодыжки до напряженного бедра. Он уже хотел было приблизиться к женщине, чтобы скрасить ее одиночество, но двери распахнулись, словно их толкнул шквал ураганного ветра, и в зал влетела буря.

Это был директор ФСБ Потрошков, именуемый за глаза «Потрошитель», могущественный, баснословно богатый. Управляя спецслужбой, через ее всепроникающую структуру он влиял на малую точку жизни и на все бытие в целом. Без его соизволения писатель не мог стать лауреатом премии, магнат не смел перевести в офшоры криминальные деньги, ни одна «дама сердца» не решалась переступить порог интимных покоев Президента. Еще вчера по его приказу был взорван в Эмиратах чеченский лидер, писавший оскорбительные стихи в адрес ФСБ. А сегодня, как извещали газеты, астрономы Пулковской обсерватории открыли новую небольшую планету, передав ее в распоряжение Потрошкова для загадочной, пугающей общество цели. Высокий, костлявый, с тяжелой, напоминающей грушу головой, во всем черном, он вошел так, словно был облачен в ботфорты, нес на голове медный кивер, был опоясан перевязью с палашом. За его плечами бушевали вихри преодоленных пространств, стенали души истребленных врагов государства. Воздух перед ним расступался, образуя безвоздушное пространство, в котором начинали задыхаться и падать в обморок оказавшиеся на пути неудачники. С порога раскланивался, блеснул глазами, похожими на бронзовых жуков. Никому не подал руки, удалился на второй этаж клуба, где размещались отдельные кабинеты, а быть может, и камеры смертников.

Все были потрясены его внезапным явлением. Чувствовали себя виноватыми в каком-то, еще несовершенном преступлении. Были готовы к «явке с повинной». Понимали: вот он, настоящий хозяин страны, подлинный лидер нации, теневой правитель России. Официанты бросились поднимать нескольких упавших в обморок гостей, среди которых был похожий на молочного поросенка олигарх, владелец Бета-банка, утаивший от Потрошкова банковский счет на Кипре.

Стрижайло не удивился, увидев подле себя Веролея. Тот проструился между гостей, как гибкая безвольная водоросль. Бледный, безволосый, с мучительной улыбкой изгоя, он представился, извиняясь:

– Вот он и я.

Это не требовало пояснений. И так было видно, что он – водоросль, принесенная потоком, где только что проплыл кит. Ударил хвостом, оставляя водоворот, в котором кружился оборванный стебель травы.

– Вас приглашают, Михаил Львович. Я вас провожу.

Они поднялись на второй этаж, где смолкли голоса и звон бокалов. По мягким коврам приблизились к двери красного дерева. Веролей отворил без стука, пропуская вперед Стрижайло и тут же пятясь назад. Дверь бесшумно прикрылась, и Стрижайло оказался с глазу на глаз с Потрошковым в мягко освещенном пространстве, где малиновая, шитая золотом парча, резное смуглое дерево, бронзовые, в виде лотосов, канделябры создавали убранство в стиле барокко.

– Садитесь, – тусклым голосом произнес Потрошков, дожидаясь, когда визитер разместится в удобном кресле по другую сторону овального лакированного стола. Не было кофейного сервиза, отсутствовали рюмки и пепельницы – только зеркальный овал, в котором перевертывалось отрезанное по пояс отражение Потрошкова, что создавало ощущение огромной игровой карты.

Молчали, и это молчание Стрижайло использовал, чтобы рассмотреть всемогущего шефа ФСБ, которого можно было достать ударом кинжала.

Теперь, при ближайшем рассмотрении, он уже не был похож на грозного кирасира. Примечательно было его лицо. Голова, на макушке узкая, иссеченная из неживого камня, спускаясь ниже, постепенно расширялась, размягчалась, наполнялась цветами жизни. Губы, окруженные фиолетовой кожей, шевелились, словно постоянно процеживали воду. Щеки завершались толстым отвислым подбородком, в котором не было челюсти, а в кожаном розоватом мешке что-то переливалось, студенисто плескалось, перекачивалось желеобразными комьями. Нос, мясистый, лиловый, свисал наподобие короткого хобота, который при желании мог удлиняться, чутко щупал пространство. Во лбу, в выточенных каменных нишах, окруженные белыми ресницами, ярко блестели глаза – два немигающих черно-зеленых слитка. Это была голова осьминога, и Стрижайло не удивился, если бы под столом свивались тяжелые, покрытые присосками щупальца.

Чем дольше они молчали, тем безвольней становился Стрижайло, попадая под воздействие загадочного магнетизма, свойственного существам подводного мира. Недаром моряки вдруг ощущают беспричинный ужас, или мертвящую усталость, или безумное беспричинное веселье, когда их корабль проплывает над незримым чудовищем, которое посылает из бездны свой поцелуй.

– Я отложил все дела, чтобы поближе познакомиться с одним из самых блестящих интеллектуалов, чье влияние на российскую политику оценивается не долларами, а картами, – прервал молчание Потрошков. Его голос донесся до Стрижайло, как из-под воды, в которой колыхалось всплывшее из преисподней чудовище.

– Я не смел и подумать, что моя скромная личность заинтересует столь выдающегося политика и стратега, коим являетесь вы, – пролепетал Стрижайло, едва справляясь с цепенящими силами, от которых язык с трудом выговаривал слова.

– Я не торопился познакомиться с вами лично. Долгое время наблюдал ваши успехи со стороны. Изучал ваш стиль, проверял ваши методики и прогнозы. Сейчас наступил момент, когда я счел за благо лично познакомиться с вами и изложить ряд идей, чтобы услышать ваше мнение...

Стрижайло понимал, что находится под воздействием гипноза. Лицо Потрошкова обладало гипнотической силой, природа которой крылась в непрерывном шевелении губ, слабом подергивании носа, блеске немигающих глаз, но главное – в странном поведении подбородка. Кожаный мешок раздувался, опадал, менял оттенки, от нежно-розового до изумрудно-зеленого, повторяя галлюциногенные цвета ночных дискотек, в которых наркотическая молодежь погружается в транс, управляемая переливами лазерного луча, порхающими зайчиками света.

– Наш Президент – непредвиденное чудо России. Нежданное избавление от неминуемой гибели. Страна сгнивала дотла, в ней не было ни единой здоровой клетки, ни одной жизнеспособной молекулы. Все кипело в смраде распада. Наш Президент – последнее зерно в драгоценном генофонде Вавилова, хранящее бесценные свойства пшеницы. Это зерно мы прятали в самых секретных, потаенных отделах ФСБ, где оно дремало, сбереженное Великим Генетиком. Наш Президент – носитель небывалого «Плана России». «Плана», о котором никто не ведает, основанного не на мертвенной «красной пыли» исчезнувшего коммунизма, не на «белой пудре» навсегда испарившегося царизма, а на сакральной философии XXI века, собравшей в себя идеи генной инженерии, разгаданного генома, «молекулярной музыки», неисчерпаемой энергии искусственно сотворенной, бессмертной плоти. Этому «Плану» чинятся препятствия. Международные террористы с бородой ваххабита и выучкой ЦРУ пытаются убить Президента. Олигархи ненавидят Президента, который стремится вернуть нефть народу, использовать ее для создания гигантов генной индустрии. Губернаторы, привыкшие к анархии, боятся централизма, без которого неосуществим «План». Либералы, вечные враги России, продолжают отравлять организм страны, натравливают на Президента Америку. Коммунисты, пользуясь несчастьями предшествующего правления, готовят всенародный бунт. Все вместе объединяются, входят в заговор, готовы реализовать его на предстоящих думских и президентских выборах. Или они победят, сорвут «План России», приведут страну к необратимой гибели. Или мы победим и продолжим готовить условия для осуществления великого «Плана»...

Стрижайло испытывал гипнотическое опьянение. Подбородок Потрошкова мягко увеличивался, разбухал, перетекал с одной стороны лица на другую. То становился багряно-красным, как вечерняя заря, то начинал зеленеть, как зимнее небо, где загорается первая ледяная звезда. Переливы цветов сопровождались музыкой, исходившей то ли из глубины подбородка, как печальные вздохи раковины, то ли из сердца Стрижайло, являясь «музыкой влюбленных молекул». Опьянение было сладостным, побуждало любить таинственного гипнотизера, который выбрал его из тысячи, приблизил к себе, открыл сокровенную тайну, наградил безграничным доверием.

– Мне известны ваши последние деяния. Вы сошлись с коммунистами, получили от Дышлова заказ разработать предвыборную стратегию, чтобы «красные» получили большинство в Думе и выдвинули Дышлова в Президенты. Мне известен ваш визит к Маковскому, этому агенту Демократической партии США, который ненавидит Россию, стремится лишить ее политической воли, превратить в жалкое подобие парламентской республики с вечным хаосом обезумевших партий, и, став Президентом, передать иностранцам нефтяные кладовые России. Мне известен ваш разговор с Верхарном по «секретному» телефону, номер которого давно уже значится в моей телефонной книжке. Верхарн, люто ненавидящий Президента, спонсирующий киллеров, которых мы регулярно отлавливаем на маршрутах президентского кортежа, – этот лондонский шизофреник хочет использовать ваш ум, талант, непредсказуемую изобретательность, чтобы сокрушить Россию, не дать осуществиться «Плану». И вот я думал: кто вы? Сознательный враг страны или творец, который нуждается в творчестве и поэтому, как великие художники Ренессанса, принимает заказы, не задумываясь, от кого они исходят? Как поступить с вами? Сделать так, чтобы ваш «фолькс-

ваген-пассат» упал с эстакады и взорвался? Или чтобы в вашей квартире обнаружился след цианистых испарений, а ее хозяин лежал в постели с мертвым оскаленным ртом? Или чтобы вы бесследно исчезли, погребенный на свалке под грудой гнилого мусора, и над вами ходил каток, утрамбовывая пластмассовые бутылки и гнилые молочные пакеты? Как мне быть?..

Стрижайло испытал космический ужас. Подбородок Потрошкова увеличился до невероятных размеров, черно-лиловый, с дрожащим ртутным отливом, как гневная морская пучина, над которой несется буря, как крошечный космос, где мерцают зарницы иных миров. Музыка, которую издавал черно-синий раздутый кошель, была «музыкой ужаснувшихся молекул», симфонией гибнущего мироздания. В ней отчетливо звучала мелодия большевистской песни: «Мы железным конем все поля обойдем». В парализованном разуме, среди разбухших, готовых лопнуть сосудов пучились реликтовые страхи, металась генетические ужасы. Тюремные камеры, полные стонов. Ночные допросы в свете слепящей лампы. Гулкие шаги коридоров и сиплые крики охраны. Этапы и пересылки, лесоповалы и гнилые бараки. Изможденные лица истребленной родни, и кто-то приставляет к затылку холодный ствол нагана, и кто-то командует «пли». Стрижайло умирал под взглядом жутких немигающих глаз всплывшего из бездны чудовища.

– Но нет, вы – не враг, вы – гений. Непревзойденный художник, импровизатор, побеждающий энтропию омертвелых форм своей пассионарной экспансией. Ошибка власти, что она до сих пор не предложила вам богатырскую задачу, которая была бы по вашему молодецкому плечу. Этот Чебоксаров выродился в жалкого манипулятора и софиста. Догоняет события, пытается дать наименование тому, что уже совершилось. Вы не просто угадываете будущее, вы его формируете. Управляете будущим, когда оно еще во чреве матери, искусственно оплодотворяете его своими идеями. Вы – мистик, религиозный мыслитель. Вовлекаете в политику природные коды, реликтовые знаки, культурные прототипы. Гениален проект, когда вы решили для создания партии использовать русский тотемный образ медведя, пригласили на партийный съезд тяжелоатлетов с фамилией Медведев, провели учредительный съезд в Медведкове, изобразили на партийной эмблеме Большую Медведицу, – вот и родилась самая перспективная «партия власти». Великолепна выдумка, когда на выборах в Нижнем Новгороде вы напугали избирателей тем, что в случае победы прежнего губернатора наступит конец света, случится падение звезд. Лучшие астрологи и звездочеты предрекали губительный звездопад, огненный метеорный дождь, от которого вскипит Волга и сгорят хлеба. За несколько дней до выборов подняли ночной самолет, распыливший в небе кристаллы магния. Сгорая, они наполняли небо бесчисленными бенгальскими огнями, прекрасными и в то же время ужасными. И ваш недруг-губернатор не прошел. Или снятый по вашему заказу блестящий фильм «Бампер» с поэтикой уголовного мира. В нескольких регионах, где крутили этот фильм, к власти пришли «братки». Нам пришлось их убирать где с помощью суда, а где и с помощью снайпера. Вы лучший из всех, кого я знаю. Восхищаюсь вами. Вы – национальное достояние, как Волга, как «Евгений Онегин», как автомат Калашникова...

Ужас, который минуту назад испытывал Стрижайло, сменился ликованием и восторгом. Подбородок Потрошкова округлился, наполнился ослепительным светом, будто в нем всходило солнце. Был золотой, восхитительный, в нем звучала увертюра Мусоргского «Рассвет над Москвой-рекой». Сердце Стрижайло переполняла бодрость, свежая сила, непочатая радость, а вместе с ней – благодарность к этому прекрасному ликом человеку, очаровательному, благородному, кто угадал его гениальность, назвал великим, протянул свою властную, щедрую руку.

– Хочу предложить вам проект. Неограниченные деньги, помощь спецслужб, телевидение, полномочия – все это будет в вашем распоряжении. Вы должны разрушить заговор, обращенный против Президента. Должны разрушить предвыборные стратегии Дышлова,

Маковского и Верхарна. Вы работаете с ними, проектируете их предвыборные машины. Все трое вам доверяют. Заложите в эти машины невидимые дефекты. Пусть они стартуют и после взлета взорвутся. Пусть на предвыборном небосклоне мы увидим три взрыва, и на землю осыплются обломки коммунистов и олигархов-заговорщиков. Вам это под силу. Вы присутствуете сразу в трех проектах и можете поразить их одной ракетой с разделяющейся боеголовкой. Вы ведь сами ракета «Сатана», не так ли? Мы расчистим эти обломки, выиграем выборы, и тогда, утвердив Президента, станем реализовывать небывалые по размаху задачи. Вы получите ведущую роль в трансформации российской власти, в создании централизма, без которого невозможен «План России». Я подробно посвящу вас в этот секретный, грандиозный по глубине и размаху «План», в котором вам уготована роль главного политолога...

Подбородок Потрошкова утратил форму, сверкал, ослепительно сиял, заслоняя этим сиянием остальное лицо. Вместо лица у него была пылающая звезда, плодоносящее светило, из которого рождались вселенские миры и галактики, излетали волны творящего света, звучала оратория «Сотворение мира». Стрижайло испытывал небывалое наслаждение, слепящий восторг. Его переполняли силы космического творчества. Сам Господь сделал его соучастником творения. С той же силой и красотой, с тем же божественным светом происходило зачатие мира, и Вселенная оглашалась музыкой оплодотворенных светил.

Еще находясь под гипнозом, но не в омертвлении чувств, а в творческом упоении, Стрижайло воскликнул:

– Я думал об этом. Есть несколько средств, с помощью которых можно оторвать коммунистов от их онтологической основы. Перекрыть доступ космической энергии, и они обессиленют. Необходимо отменить празднование 7 Ноября, сакральный день коммунистической революции. Необходимо снять с кремлевских башен красные звезды. Необходимо вынести из Мавзолея тело Ленина. Если провести эти действия до выборов, они не дойдут до избирательных урн, и их можно будет сметать в совочек, как осенних мух.

– Я знал, что вы полны идей. – Глаза Потрошкова, зеленые, в белых ресницах, были похожи на бронзовых солнечных жуков, присевших в белые соцветия. – Ну а чем же мы заменим звезды на башнях?

– Водрузим морских коньков.

– Вы бьете на лету, как стриж, – рассмеялся Потрошков. – Однако не будем импровизировать. Продумайте проект глубоко и дайте мне знать. У нас на связи будет Веролей. Он надежный человек, безбородый скопец. А значит, противник не сможет подослать ему женщину. Покинем этот кабинет порознь и будем считать, что мы заключили союз. – Он вынул из-под зеркального стола руку, протянул Стрижайло. И тому померещилось, что рука на глазах образовалась из мясистого розового щупальца, покрытого присосками.

Глава 8

Стрижайло вернулся в зал, пребывая в необычайном воодушевлении. Хотелось немедленно покинуть собрание, чтобы приступить к размышлению. Оказаться в тиши кабинета, среди любимых предметов и фетишей. Или в политологическом центре, среди компьютеров, графиков и досье. Или на природе среди весенних рощ и цветущих холмов, где во время прогулки его посетит озарение. Однако клубный вечер продолжался, и Стрижайло, боясь утратить ощущение чуда, уединился в стороне, наблюдая гостей.

Потрошков уже был в зале, окружен вниманием, ничем не напоминал недавнего многоцветного моллюска. Элегантный и светский, говорун и шутник, взял под локти обоих министров Сидоровых, прогуливался и над чем-то заразительно хохотал. Подошел под благословение архиепископа, тучного, в черной рясе, всем видом изображая смирение, готовность подчиниться духовному авторитету. С банкиром Пужалкиным наотмашь ударили по рукам, будто заключали сделку. С советником по информации Ясперсом о чем-то зашептались, и Потрошков покрутил у виска пальцем, называя кого-то сумасшедшим. Не замечал Стрижайло, ничем не выдавал их общую тайну, делавшую обоих почти что братьями.

По-прежнему в разных концах зала две красавицы, балерина Колобкова и Дарья Лизун, поглядывая на огромную, вставшую в вечернем небе луну, обменивались ненавидящими взглядами. Словно использовали одна против другой боевые лазеры.

Стрижайло, ощущая свою молодую силу, неотразимость, плотность и свежесть мускулов, остроту ума, приблизился к Дарье Лизун и галантно поклонился:

– Надеюсь, вы меня помните, Даша?

Лицо красавицы, удлиненное, прелестное, покрытое средиземноморским загаром, капризно к нему повернулось. В розовой мочке уха переливался бриллиант. В тонкую, как лепесток, ноздрю было продето золотое колечко с бриллиантовой каплей. Полуодетая, с округлыми, цвета персика плечами, в нежнейшем, напоказ выставленном бюстгальтере, с обольстительным животом, на котором сверкал алмаз, она узнала Стрижайло, но, раздраженная соперницей, пожелала его уязвить:

– Кажется, вы известный мукомол из Краснодара?

– Почти вспомнили. Я торговец рыбой из Мурманска.

– И почему нынче норвежская сельдь и шведская семга?

– Цены колеблются. Сейчас полнолуние. В цену входят летающие рыбы и танцующие феи.

– Если вы имеете в виду Колобкову, то она принадлежит к классу танцующих слоних.

Мимо них проходил посол Голландии, белокурый молодой человек. Поклонился Дарье Лизун и с акцентом произнес:

– Добрый вечер, Кассиопея.

– Это верно, что Колобкову уволили из Большого театра, потому что все ее напарники-танцоры в конце концов ломали себе крестцы, когда старались ее поднять? – Стрижайло знал, чем расположить к себе Лизун.

– Еще бы, в театре был создан специальный травматологический пункт, – язвительно подхватила красавица, благодарная Стрижайло за колкость в адрес соперницы. – В травмопункте оказывались все балетные танцоры, с кем она выходила на сцену. За один спектакль она ломала хребет двум или трем солистам. Большинство из них ходит в корсетах, а одного похоронили с эпитафией: «Он танцевал легко и лихо, его расплющила слониха».

Мимо проходил вице-спикер Думы, статный, слегка прихрамывающий, похожий на раненного в бою офицера.

– Кассиопея, рад вас видеть, – загадочно улыбнулся он, проходя.

– Я сочинил экспромт, который вам посвящаю. «Среди затмений лун и новолуний мне нравится шалуныя из шалуний». – Стрижайло продекламировал случайно сложившийся стих, гадая, почему проходящие мужчины называют Дарью не по имени, а употребляют название созвездия – алмазное «дабл-ю», сверкающее в небесах.

– Как поживаете, Кассиопея? – Это был еврейский миллиардер с двойным гражданством, скупавший якутские алмазы. Мягко прошел, загадочно улыбаясь румяными губами.

– Я ваш платонический поклонник, Дарья. Благородство и пылкость вашего знаменитого отца и несравненная красота вашей матери позволили природе в вашем лице достичь совершенства. – Стрижайло нарочито потупил глаза, как если бы боялся, что Лизун заметит в них необузданную страсть. А сам с усмешкой вспомнил, как в загородном отеле, на пышной кровати обнимал пухлое тело женщины-сенатора, вдовы известного либерала Лизуна, и та издавала пронзительные крики испуганной чайки.

– Мой вам поклон, Кассиопея, – это произнес председатель Центризбиркома Черепов, пронося мимо маску смерти, украшенную голубыми карбункулами.

Стрижайло собирался узнать, как соотносится его собеседница с небесным созвездием, но среди гостей вдруг обнаружилось движение. Все двинулись к стеклянным дверям, стали выходить из зала на воздух.

Там, снаружи, на зеленом вечернем газоне, под огромной круглой луной танцевала Колобкова. Одна, не замечая зрителей, погруженная в сладостное кружение, легко перебежала босыми ногами. Ее длинное, нежно-серебристое платье, с открытой грудью, сшитое великолепным кутюрье, было прозрачно, пронизано лунным сиянием. Она мягко подпрыгивала и мгновение держалась в невесомости, не касаясь травы. И тогда казалось, что ее удерживает лунное притяжение, она стремится к луне, как ночная бабочка. Она была легка, бестелесна, словно дух Елисейских полей, куда прилетает после земной юдоли, освободившись от бренной материи. Ее танец был лунатический. Было видно, что веки ее закрыты, голова склонилась на стройной шее, будто она дремлет в полете. Возносилась, ударяя стопой о стопу, замирала, как если бы ее удерживал лунный свет, а потом приземлялась на гибкие пальцы. Вздымала обнаженную руку, склоняла голову, расчесанную на прямой пробор, и казалось, что это античная статуя белеет на зеленом лугу. Статуя оживала, поворачивалась на одной ноге, восхитительно стройная, грациозная, сотворенная из прозрачных теней. Не было музыки, но чудилось – звучат струнные инструменты, поют нежные мелодичные дудки. Это звучал растревоженный ее движениями воздух, пел лунный свет, струился зеленый луг, трепетало в зеркальном пруду блестящее отражение луны. Хотелось целовать следы ее ног на траве, ловить губами поколебленный ее движениями лунный свет, вдыхать переливы прозрачного платья. Ее танец был исполнен любви. Она призывала любимого, сулила ему блаженство, увлекала в бесконечную красоту весенней ночи, где им вдвоем будет так чудесно.

Она была услышана. Глянцевито сверкая, к краю газона подкатил черный бронированный «мерседес». Распахнулись дверцы, телохранители заняли защитную позицию, и на газон ступил Президент, невысокий, изящный, с бледной мягковолосой головой, в легком пиджаке и рубашке апаш. Его выпуклые полудетские губы, тонкая, отливающая синевой переносица, большие пустоватые глаза производили впечатление мягкости, кротости и застенчивости. Что многих вводило в заблуждение, в том числе и жителей Грозного, не переживших вакуумные бомбы, установки залпового огня, взрывы «Ураганов». Теперь же его появление напоминало сказку – волшебная луна, танцующая во сне балерина и принц, который явился, чтобы спасти зачарованную красавицу.

Все обступили его, добивались внимания, норовили попасть на глаза. Спикер Совета Федерации, жарко дыша, был готов кинуться в ноги и щетиной довести до блеска его туфли. Оба министра Сидоровых желали первыми сделать доклад: один – о боеготовности войск, другой – об успехах внешней политики. Политолог Петропавловский моргал сладкими кара-

мельками глаз, не позволяя им склеиться, делал вид, что имеет сообщить Президенту нечто чрезвычайно важное. Советник Ясперс скосил долгоносую голову, изображая настороженного дятла, готовясь долбануть клювом всякого, кто нарушит протокол. Православный банкир по-купечески расправил усы и бороду, готовясь к троекратному поцелую. Архиепископ, крупный, зачехленный в мантию, издали посылал Президенту крестные знамена, оберегая его от порчи. И только Потрошков остался недвижим, посылая Президенту молниеносный, сверкающий взгляд, природу которого не успел разгадать Стрижайло, столь стремительно зажглась и погасла блестящая линия, соединяющая две их головы.

Президент застенчиво улыбнулся, извиняясь перед всеми за причиненный переполох.

– Право, я не хотел нарушать ваше милое времяпрепровождение. Заехал по пути с одной только целью. Сообщить благородному собранию приятное известие. Астрономы Пулковской обсерватории после долгих вычислений и исследований навели наконец телескоп на искомую точку и обнаружили в этом месте небольшую планету, которой присвоили имя – Балерина Колобкова. Я приехал, чтобы поздравить нашу замечательную танцовщицу и увезти ее в Академию наук, где ей будет вручен диплом с фотографией названной в ее честь планеты.

Все восхитились, захлопали в ладоши, обратили взоры на балерину. Она стояла под огромной луной, потупив очи, бессильно опустив плечи, беззащитная, босоногая, на холодной росистой траве, и возникло ощущение, что ее сейчас подхватят невесомые духи Луны, унесут навсегда с Земли, опустят на одинокую маленькую планету, где она превратится в статую, будет нестись в безвоздушном пространстве, поражая своей мертвенной красотой воображение молодых астрономов.

Президент сделал знак телохранителю. Тот шагнул к «мерседесу», извлек из салона шубу из голубого песца, передал Президенту. Тот ступил на луг, приблизился к балерине и накинул на ее продрогшие голые плечи струящийся, пушистый покров. Осторожно приобнял, повлек к машине. Охранники бережно, поддерживая дышащие меха, усадили Колобкову на заднее сиденье. Президент обернулся к публике, махнул на прощание рукой, погрузился в салон. Стрижайло вновь заметил молниеносно сверкнувший луч, – из глаз Потрошкова к президентскому лицу. Тончайший световод, наполненный загадочными сигналами. Вырвал из пространства луч, спрятал в глубину своей памяти. Так отламывают тонкую, в перламутровых переливах сосульку, чтобы принести ее в дом, рассмотреть вмороженную в нее радугу.

«Мерседес» укатил. Остался пустой, темно-зеленый луг, огромная луна, которая прозрачно озаряла пустоту, где еще недавно стояла прекрасная женщина.

– Дурища! – простонала стоящая рядом со Стрижайло Дарья Лизун. Он увидел, как вонзились ее острые зубки в пунцовую губу, и под ними выступили капельки крови. Пленительная, нежная, она вдруг стала уродливой, злой, с жестоким оскалом, круглыми ртутными глазами, похожая на своего покойного отца, когда тот вернулся из Тбилиси, получив от русского десантника удар саперной лопаткой по темени. – Тварь непотребная!

Все, кто присутствовал на фуршете, бросали на нее сочувствующие и злорадные взгляды.

– Бедная, прекрасная Кассиопея, – произнес Ясперс, вытягивая шею и наклоняя клюв, будто хотел заглянуть ей в бюстгальтер.

– Увезите меня отсюда! – Дарья Лизун повисла на локте Стрижайло. – Иначе я начну бить посуду!

Он усадил ее в «фольксваген», бросил Дону Базилио короткое: «Езжай!» Гладил ей руку, успокаивал:

– Эта лошадь, этот орловский рысак в юбке, эта скифская баба не стоит вашего розового прелестного ушка с бриллиантовой звездочкой. – Она была в его власти. Оскорбленная, бешеная, лишенная бдительности, готовая к безумным поступкам, была беззащитна перед

его искусством обольщения, его мужской вкрадчивостью, неотвратимой настойчивостью. Она нуждалась в реванше, должна была отомстить вероломному любовнику. – И этот хорош – гений лунного света, продавец астероидов, Президент Ночной Туфли, – сочувствовал ей Стрижайло, овладевая ее волей.

– Боже, как бы я хотела напиться!

– Едем ко мне. Мой бар в вашем распоряжении.

Они приехали в Замоскворечье. Стрижайло впустил Дарью Лизун в свою роскошную квартиру, которая радостно вздохнула всеми картинами, керамическими блюдами, шелковыми подушками, приветствуя гостью. Усадил ее в гостиной, среди картин:

– Здесь вы в безопасности. Здесь вы у друга. Здесь вам поклоняются, служат вам раболепно. – Стрижайло окружал ее обожанием, печально сострадал, шел навстречу ее капризам. – Сейчас напьемся. Что будем пить?

– Виски со льдом, но без содовой, – сказала она, яростно отсекая «содовую», как если бы эта «содовая» была синонимом Колобковой, подвергалась отторжению и ампутации.

Стрижайло пошел на кухню, к холодильнику. Прежде чем насыпать в серебряное ведерко ледяные кубики, извлек из потаенных глубин памяти похищенный в гольф-клубе отрезок луча. Фрагмент световода, хрупкую трубочку льда, куда был вморожен взгляд Потрошкова, устремленный на Президента. Странный перламутровый проблеск мартовской сосульки, которую бережно положил в морозильник, чтобы позднее извлечь, внимательно рассмотреть переливы света, изучить наплывы льда, исследовать запаянные пузырьки и частицы – расшифровать таинственное содержание взгляда.

Вернулся в гостиную. Поставил перед гостьей несколько бутылок виски, лед, толстые, с хрустальной насечкой стаканы, блюдо с арахисом и миндалем. Плеснул в стаканы светло-золотой «Макаллан», полыхнувший огнем. Кинул серебряными щипцами драгоценные брусочки льда.

– Дорогая Дарья, я лишен поэтического дара, но наделен эстетическим чувством. Природа долго оттачивала свое мастерство, прежде чем в вашем лице достигла совершенства. За вашу красоту, ваше превосходство, вашу способность облагораживать мир! – Он не заботился о содержании тоста, а только об интонации преданности, обожания, беззаветного служения. Чокнулись. Он видел, как жадно, захлебываясь, выпила она виски, отталкивая губами кусочки льда. Потребовалась минута, чтобы янтарный огонь obeжал все ее прелестное тело от влажных губ до пальчиков ног и зажег в глазах две злые желтые точки.

– Я не большой знаток женщин, – сказал Стрижайло. – Но мне кажется, что Колобкова – надувная женщина, которую берут с собой в дальнее плавание моряки. Ее можно раздуть до величины аэростата, и в этом природа ее невесомости.

– Напротив, – взвилась Дарья Лизун, послушно и страстно устремляясь в ту сторону, куда указывал ей Стрижайло. – Она жутко набирает вес, обрастает мускулами, укрепляет кости. В ней происходят мутации, меняется пол, она превращается в мужчину-тяжелоатлета. У нее начинают расти усы и появляются мужские половые признаки. У нее неумный аппетит, словно она беременна бегемотом. Сжирает за обед несколько тарелок супа, холодец, рыбное заливное, свиные рулеты, говяжьих вырезки, долму, хинкали, пельмени в сметане. Обязательно на десерт – сладкий торт, пирожное, чашку крема, миску сбитых сливок. Каждый день прибавляет по два килограмма, как свиноматка. Скоро достигнет убойного веса, когда я зарублю ее топором!

Эта яростная тирада восхитила Стрижайло, он едва не рассмеялся, но изобразил на лице негодование, отвращение к этой непомерной плотоядности, ведущей к перерождению пола.

– Если бы вы знали обстановку в Большом театре перед ее увольнением, – продолжала язвительная Дарья Лизун. – Партнеры, вынужденные с ней танцевать, подали петицию

балетмейстеру и дирекции, грозя забастовкой, срывом зарубежных гастролей, обращением в Комиссию по правам человека. Там говорилось, что эту балерину невозможно поднять. Что легче танцевать со статуей «Родина-мать», что на Мамаевом кургане, чем с этой бетонной глыбой. Что в ее действиях усматриваются признаки садизма и умышленного членовредительства, когда она разбегается на сцене и с огромной скоростью бросается на танцора, который ловит ее на лету. Весь зал слышит, как хрустят его кости. Из последних сил он уносит ее за кулисы и падает с переломом позвоночника, после чего его тут же гипсуют. Ее называют «Терминатор русского балета». Дважды на нее подавали в суд, заводя уголовное дело, и только вмешательство Генпрокурора по просьбе нашего Президента Ва-Ва не давало ход расследованию.

Лизун бурно хохотала, вожаденно поглядывая на бутылку виски. Стрижайло открыл «Грант», темно-коричневый, с сумрачным золотом, плеснул в бокалы. Смотрел, как жадно глотала она пылающий огонь, словно слизывала язычки солнца на смуглом дереве.

– Остается пожалеть нашего ненаглядного Ва-Ва, который стал пленником ее сырой рыхлой плоти. Хрупкий, прозрачный на свет, с пузырьками выпученных глаз, он напоминает креветку, на которую навалился гренландский кит. Вы завтра увидите, каким он явится на Совет безопасности. Плоский, расплющенный, превращенный в фольгу, как будто бы его пропустили сквозь прокатный стан, били по нему огромной кувалдой. Это Колобкова подмяла его под себя и станцевала на нем Сен-Санса «Умиравший лебедь». Я обращалась к Потрошкову, предупреждая, что страна может остаться без Президента, но этот упырь только посмеивался и норовил залезть мне под юбку.

Глаза ее горели рыжим рысьим огнем. Мочка уха, в которой сверкал бриллиант, стала пунцовой, и Стрижайло, мысленно теребя ее губами, чувствовал, какая она горячая. Ноздри, где переливался второй бриллиант, страстно выдыхали прозрачный жар ненависти. Стрижайло добавил в стаканы «Гленгойн», чувствуя, как распахнулось пространство, посветлело в комнате, будто зажгли люстру. Картины на стенах увеличились, зашевелились, запольхали красками.

– Но наш-то, наш-то Ва-Ва! Как он мог предпочесть эту летающую корову вам? Патология? Отсутствие вкуса? Или воздействие злых чар, с помощью которых она присушила его?

– Понимаете. – Лизун жадно опустошила стакан, задохнувшись от пламени. Приоткрыла рот, позволяя избыточному огню выйти наружу, возвращая себе дар речи. – Он просто дубина, наш Ва-Ва. Он чудовищно невежествен, невосприимчив к прекрасному и сложному. Ищет в политике и жизни примитивных решений. Сколько раз я пыталась растолковать ему смысл теории Фукуямы о «конце истории», сущность концепции Хантингтона о «войне цивилизаций», устройство электронного фаллоимитатора. Ни в какую. Устает от серьезного. Читает только Коэльо о мальчике, который в огороде нашел свое счастье. России не везет с Президентами, а мне не везет с любовниками. Зачем мне моя красота?

– Повезет, дорогая. – Стрижайло гладил ее тонкие пальцы. – Вы – эксклюзив!

Он влил в стаканы струю «Блек лейбл» цвета еловой смолы, и, когда чокнулись, выпили, Стрижайло показалось, что края стакана полыхнули плазмой, как край тучи, за которую спряталось солнце, и на выпуклых веках Дарьи Лизун засверкали бесчисленные разноцветные блески, словно пыль рождественских морозных небес. Опьянение было подобно прозрению. Он был одарен свыше, избран среди бесчисленных, не наделенных даром существ, как единственный, неповторимый носитель дара, всемогущий кудесник, избранник сильных мира сего, которые вручают ему свою судьбу, и он волен поступить с ними по своей прихоти и капризу. Надеть на их утомленные, изрезанные пороками лица великолепные маски, прельщающие своей красотой. Или отыскать в каждом тщательно охраняемую, уязвимую точку и вонзить убивающую иглу. Ему принадлежат великолепные

дворцы на побережье Средиземного моря. Скоростные белоснежные яхты «Рива», скользящие у острова Бали. Бесшумные лимузины «майбах», летящие по синему асфальту Калифорнии. Изящные самолеты «фалькон», доставляющие его на африканское сафари. Прелестнейшие женщины мира, с которыми плывет в гондоле по изумрудной воде Гранд-канала. Ювелирные шедевры фирмы «Бушерон» и излюбленные им для рождественских подарков зеленые, розовые и голубые бриллианты фирмы «Графф». Его ждут в интеллектуальных салонах мира, закрытых избранных клубах, тайных ложах, на частных аудиенциях у августейших особ. И эта сидящая перед ним красавица пребывает в полной его власти, он может сделать ее счастливейшей женщиной мира или заставить умереть.

– Но, может быть, все-таки Колобкова обладает каким-нибудь прельстительным свойством, которого нет у вас, дорогая Дарья? – Стрижайло взирал на близкую женщину, чьи движения стали неверны, а глаза то сжимались до узких зеленых скважин, то внезапно расширялись в желтые безумные жерла. – Каким-нибудь секретиком, который она стыдливо прячет между колен, допуская до него только Президента Ва-Ва?

– Да ну вас к черту! – рассердилась Лизун. – Над ее «секретиками» смеются в гинекологических кабинетах Москвы!

– Но, может быть, провинциальная непосредственность и пышная русскость делают ее столь привлекательной для Ва-Ва, который сделал ставку на «русскую идею»? – не унимался Стрижайло, видя, как досаждают он Лизун, как наливаются ненавистью зеленые просветы ее глаз, как вспыхивают бешенством ее рыжие, рысьи глазки. – Вы все-таки слишком европейская – «мисс Евросоюз», «леди ВТО», «фрейлейн НАТО». А в Колобковой – эта млечность русских снегов, плавность и задумчивость среднерусских пейзажей.

– Она мордва, меря, чудь белоглазая! Набитая дура, которая думает ногами. Сжимает крохотную голову Ва-Ва своими чугунными коленями, пока не затрещат черепные кости, а потом диктует перечень украшений, которые он должен заказать для нее у ювелира Стивена Вебстера. Она делает из Президента дебила с деформированным черепом, о чем острожно написала «Франкфуртер альгемайне». К тому же, по утверждению «Гардиан», передает добытые в постели сведения эмиссару Масхадова в Лондоне Ахмеду Закаеву. – Лизун была пьяна, бешенство ее было замешено на четырех сортах виски и тонких ядах, которые подсыпал ей Стрижайло. Она ревновала, негодовала. Прищуренные глаза ее переполнились слезами изумрудного цвета и тут же высохли от рыжей ненависти.

– Я ломаю себе голову, почему Ва-Ва выбрал ее, а не вас? – Стрижайло упивался ее страданиями. Делал ей тонкие болезненные надрезы, не отнимавшие жизнь, но причинявшие нестерпимую боль. – Может быть, секрет в ее танцах? Она непревзойденная танцовщица. Языком танца она объясняется ему в любви, поет нескончаемую Песнь песней.

– Она – танцовщица? Окончила детскую балетную школу в деревне Ярцево Усть-Кутского района, где выправляла кривизну своих рахитичных ног! Это я – танцовщица! Получила приз за лучший танец в Лас-Вегасе.

– Потанцуйте, моя дорогая! – восхищенно воскликнул Стрижайло, указывая ей на стол, снимая с него бутылки. Прошел к проигрывателю, поставил компакт-диск «Нирваны» с Куртом Кобейном. Уселся в кресло, чувствуя, как наркотически, под действием музыки, расслаивается сознание. В драгоценном, из нержавеющей стали реакторе из сырой вязкой нефти выделялись легкие фракции. Прозрачные бензины, летучие огненные эфиры, бестелесные духи земли. Дремлющий, тягучий вар подсознания источал невесомый факел голубого огня.

Дарья Лизун сбросила легкие узконосые туфельки, ударившие о пол заостренными шпильками. Шагнула на кресло, переступая босыми ногами на стол, едва удержав равновесие. Стрижайло кинулся подхватывать, успел восхититься видом сброшенных туфель, подошва которых была чуть намята и стерта ее босой стопой, а также близкими, у самых глаз, на столе, голыми пальцами ног с серебристым педикюром. Лизун пьяно колыхалась,

двигала плечами и бедрами, ловила музыку, как парус ловит капризный ускользящий ветер. Картины на стенах воззрились на нее, окружая яркими, огненными пятнами. Стрижайло откинулся в кресле в позе эстета и меломана, который немало потрудился, запустив великолепную театральную постановку, и теперь готовился насладиться зрелищем.

Дарья танцевала, превращая гибкое тело в плавный винт, слегка приседала, выставляя колени, а потом выпрямлялась, подымаясь на цыпочки, резко поворачивала голову, осыпая на лицо густые волосы. Освободила плечи от легкого блузона, выхватывая голые руки из рукавов, метнула ненужный блузон в угол гостиной, предстала стройная, с голым животом, обнаженной шеей, волнуя под зыбкой тканью свободной, не стесненной бюстгальтером грудью. Три бриллианта – в мочке уха, в ноздре, в темной ложбинке пупка – драгоценно сверкали, образуя треугольник, в котором метался восхищенный взгляд Стрижайло. Офицеры на картине Шерстюка «Русская рулетка», отбросили пистолеты и взирали на танцовщицу, явившуюся им в глуши туркестанского гарнизона.

Дарья возносила к потолку обнаженные руки, сплетала в запястьях, словно ее подвесили на цепях, силилась вырваться, мучительно и страстно толкалась вперед животом, выбрасывала длинную ногу с узкой смуглой стопой. Стрижайло ловил губами душистый, поднятый ее телом ветер. Она скрестила на животе руки, ухватила края короткого полупрозрачного топика, потянула вверх, пропуская сквозь ткань рассыпанные волосы, метнула ненужную оболочку в другой угол гостиной, представ обнаженной по пояс, сочно-женственная, золотисто-загорелая, с прелестной линией плеч и бедер, с заостренной грудью, на которой, у розового соска, засверкал еще один бриллиант, превращая треугольник в драгоценный параллелограмм, каждую вершину которого целовали губы Стрижайло. Адольф Гитлер на картине художника Ансельма грозно озирает танцовщицу, словно сравнивал ее с Евой Браун, которая мирно гуляла на веранде альпийского замка.

Дарья сжималась, приседала, прятала голову в коленях, словно закрывалась от наступающего несчастья, уклонялась от хлещущих ударов бича. Бурно распрямлялась, распахивала руки и выгибала спину, будто ее распинали, растягивали веревками на кресте, и она билась в муке, дрожала бедрами, стараясь соскользнуть с распятыя. Короткая юбка едва скрывала подвижные бедра. Она потянула мохнатый пеньковый пояс, юбка упала, она переступила бесформенную горку материи, спихнула ногой со стола. Во всей ослепительной женственности, окруженная светящимся воздухом, в узких, отороченных кружевом трусиках, на которых выпукло выделялся лобок, закружилась, поворачиваясь спиной, играла лопатками, вращала круглыми ягодицами, между которых пропадала, становилась невидимой матерчатая ленточка. Даблоиды Тишкова – шагающие по дороге лиловая печень, розовое извлеченное сердце, залитый желчью желудок – замерли, тоскуя по целостности и красоте совершенного тела, из которого их насильственно вырвали, разъяли божественную красоту.

Пробежала на цыпочках до края стола, удерживаясь на последней грани. Повернулась, побежала обратно, останавливаясь на обрыве, пленная, заключенная в магический круг, уловленная невидимой сетью, опутанная волокнами музыки, запечатанная огненными печатями развешанных по стенам картин. Остановилась, воздев голову, словно силилась подпрыгнуть, пробиться сквозь потолок, скользнуть сквозь железную кровлю, помчаться над вечерней Москвой к рубиновой кремлевской звезде, усесться на нее верхом, держась за лучи, обвив голыми ногами светящийся камень. Ухватила на бедрах тонкие полоски материи, поочередно подымая колени, освободилась от трусиков, метнула их в лицо Стрижайло. Обнаженная, не стесненная покровами, восхитительная, как купальщица, томно закрыв глаза, воздела локти, спрятав в волосах ладони. Стрижайло увидел пятый бриллиант на лобке, драгоценно и магически сверкающий в ложбинке, от которой вверх поднималась полоска золотистого меха. Пятый бриллиант то возникал, то прятался, переливался, как утренняя капля росы, брызгал голубыми, малиновыми, золотыми лучами. Был волшебной

звездой, путеводным светилом, за которым хотелось идти, молиться, ловить чудотворное излучение. На картине Люси Вороновой, в черном обугленном доме, где никто никогда не жил, вдруг зажглось золотое окно.

Стрижайло в галлюциногенном созерцании, в пленительном помрачении вдруг прозрел, взирая на бриллианты танцовщицы. Пять алмазных звезд, геометрия искусного пирсинга, складывались в созвездие, в алмазную Кассиопею, превращая земную женщину в небесное диво. Пленительная мочка уха, чуткое крыльце носа, прелестно-наивный сосок, таинственная лунка пупка, нежная складка лобка – образовали драгоценное «дабл-ю», сверкавшее на черном сафьяне небес, бриллиантовое кольцо, созданное небесным ювелиром. Это кольцо, открывшееся восхищенному взору Стрижайло, было ведомо и другим. Всем, кто недавно на рауте подходил к Дарье Лизун, загадочно произносил название созвездия. Белокурый посол Голландии, вице-спикер Думы, похожий на раненого офицера, еврейский миллионер с симпатичной лысинкой и румяными губами, председатель Центризбиркома Черепов с маской смерти, – все они созерцали созвездие, были астрономами, звездочетами, наблюдали в ночных небесах алмазное «дабл-ю».

Танец длился. Космическая танцовщица танцевала для Стрижайло, выбрав его, единственного, среди бесчисленного множества смертных. Совлекла покровы, открыла пленительную тайну. О чем-то взывала, на чем-то страстно настаивала, сулила блаженство. Она была Саломея, танцевавшая в царском чертоге, требуя головы пророка, непокорного смутьяна, опасного вольнодумца, проповедующего дремучую веру. Он, Стрижайло, был царь. В его руках был меч. Ему было не жаль пророка. Он целовал душистый воздух, в котором извивалось прельстительное тело и сверкали бриллианты. В его опьяненной голове, под музыку «Нирваны», под космические вопли Курта Кобейна, возник и тянулся бесконечный сладостный стих: «Вот голову его на блюде царю плясунья подает...»

Он видел, как в царский чертог, под высокие колонны и своды, три служителя в долгополых халатах, остроконечных, отороченных мехом шапках вносят три блюда. Края серебряных блюд покрыты халдейскими надписями, ассирийским орнаментом, иудейскими тайными знаками. На каждом блюде – отрубленная голова. На первом – круглая, долгоногая голова Дышлова, словно отломили у снеговика верхний шар с морковкой носа, с металлическими пуговицами глаз, в которых застыло отражение просверкавшего меча. На другом блюде – голова Маковского, коротко стриженная, с выпуклым лбом, волевым сильным носом. Один глаз ушел в подлобье, и вместо него мертвенно голубело бельмо. Другой, ястребиный, с янтарной желтизной, – глаз вопиющего в пустыне – зло, беспощадно взирал из блюда. На третьем блюде лежала голова Верхарна, с заостренным теменем, в редких волосках. Приоткрытый рот обнажал желтые, как у зайца, резцы. В черных глазках замученного зверька остановилось выражение неслышанной мольбы. Служители внесли отсеченные головы, лежащие в жидком вишневом варенье. Плясунья исполняла «танец отсеченных голов», которые преподнес ей Стрижайло.

Он откинулся в кресле, вдыхая запахи иудейских благовоний, ароматных курений, парной дух рассеченной человеческой плоти. В нем проснулся маленький демон, где-то под теменем, как на вершине высокого дерева. Стал цепко спускаться по веткам, вдоль ствола, пока не обосновался в корнях, внизу живота, в области паха. Демон имел вид хамелеона с тугой чехольчатой кожей, спиралевидным хвостом, упрямой тупой головкой, устремленной на танцовщицу. Переливался многоцветно, становился то рубиново-красным, то малахитовым, светился, как бирюза, зеленел, как яшма. Жег, беспокоил, рвался наружу, завивал нервный хвост. Стрижайло мимолетно подумал, что демон был той же природы, что и подбородок Потрошкова. Так же нервно, непредсказуемо менял расцветку, как радужное пятно расплывшейся нефти.

Музыка кончилась. Дарья Лизун замерла беспомощно, часто дышала, изумленно, пьяно оглядывалась. Напоминала наяду, выброшенную из моря на сушу, задыхалась без музыки водных глубин. Стрижайло протянул ей руку, помог спуститься на пол.

– Как божественно ты танцевала, Кассиопея! Разве можно сравнить твой космический танец с дурацким притоптыванием каменной бабы, установленной скульптором Церетели на безвоздушной планете. Разве может управлять Россией Президент, если он не в силах отличить Афродиту от гипсовой великанши, от «Девушки с веслом», что когда-то высилась в Центральном парке культуры имени Горького. Тебе нужно отправиться в ванную и принять освежающий душ. – Он попробовал обнять ее плечи.

Она пьяно отшатнулась.

– Иди к черту, дурак! – шатко нагнулась, подобрала юбочку с пеньковым пояском, отправилась в ванную.

Он весело смотрел, как наступают на дубовый паркет ее неверные стопы, поблескивает серебристый педикюр.

Сидел в кресле, слыша, как шуршит вода в ванной. Представлял купальщицу под туманно-блестящими струями, ее мокрые потемневшие волосы, розовые губы, хватающие капли воды, пять влажных бриллиантов, трепещущих на золотистом теле. Внезапно сквозь шелест донеслись странные звуки, напоминающие курлыканье и урчанье дельфинов. Быть может, наяда воззвала к морским животным, и те явились за ней, чтобы унести в родную Элладу. Улыбаясь, он направился в ванную.

Среди блестящего кафеля, хромированных кранов, слепящих зеркал, в ванной, осыпанная искрящейся водой, извивалась и корчилась Дарья. Ее шея была затянута в пеньковую петлю, другой конец ремешка был прикреплен к хромированному крюку, на котором держался душ. Она задыхалась, пыталась просунуть пальцы под мокрую, ставшую скользкой петлю. Была похожа на несчастную добычу, попавшую в ловушку искусного охотника. На морское диво, залетевшее в сеть рыбака и перенесенное в его кафельную ванну. Он стоял, восхищаясь зрелищем охваченной суицидом плоти.

Разделся донага. Взял с подзеркальника ножницы. Переступил через край ванны. Подхватил Дарью под мокрую талию, подпернул вверх, перерезал пеньковый шнурок. Она обвалилась, обрушилась ему на руки, и он опустил ее на дно ванны, глядя, как сыплются ей на лицо блестящие брызги, как бурно дышат ее грудь и живот и пять бриллиантов, затуманенные водой, сверкают и переливаются на страдающем теле. Она хрипела, кашляла, рыдала, хваталась за шею, на которой вздувался пунцовый рубец.

Он навалился на нее, подмял, вдавил в округлое днище ванны. Толкал, мычал, гнал ей в утробу разноцветного нетерпеливого хамелеона. Господствуя над ее беспомощной плотью, он господствовал над всемогущим Президентом, у которого отнял возлюбленную. Над председателем Центризбиркома Череповым с водянистыми карбункулами глаз. Над белокурым дипломатом из Амстердама. Над хромым притворой, вице-спикером Думы. Над трескучим и никчемным демократом, который вернул Петербургу его исконное имя и был отцом этой рваной сучки, а также лидером Межрегиональной депутатской группы. Он трахал эту группу и входившего в ее состав академика Андрея Дмитриевича Сахарова, который в молодости дружил с Лаврентием Берией и в шутку называл его «Лавровый мой венец». Трахал сердечного друга Сахарова Михаила Сергеевича Горбачева и его манерную чванливую леди. А также первого Президента России и ту потаскуху, ради которой тот упал с моста в «Соснах». Он трахал Кассиопею, Малую и Большую Медведицу, созвездие Рака и множество других небесных раскоряченных тел, комет, астероидов, включая недавно открытую карликовую планету, где возвышалась известковая толстоногая баба, в которую было невозможно загнать хамелеона, а только тереться о ее каменный шершавый живот. Он обладал Саломеей, Иродиадой, злосчастливым Иродом и всеми умерщвленными младенцами Иудеи, а

также женщинами Древнего мира, Средневековья и Нового времени, включая всех нарисованных Ренуаром парижанок и молодых комсомолок последнего съезда ВЛКСМ. Изнемогая, в последнем рывке, он лишил девственности самку дельфина, отпуская ее, белобрюхую, в прозрачно-зеленое море. Видя, как мертвенно выпучены глаза Лизун, он спустил с поводка хрипящего злого зверька с разноцветным загривком, который ворвался в ее темное лоно, превратился в праздничный многоцветный фонтан.

Стрижайло устало поднялся. Выключил душ. Ступил из ванной на кафельный теплый пол. Неохотно отер мохнатым полотенцем измученную, безвольную гостью. Помог ей одеться. Проводил до подъезда, где поджидал «фольксваген» с преданным Доном Базилио, умевшим хранить тайны хозяина. Вернулся домой. Подобрал в ванной мокрый перерезанный ремешок. Открыл заповедный шкафчик, где хранились трофеи любви, фетиши наслаждений, божки греховной страсти, жрецом которой он был. Положил ремешок рядом с золотым талисманом, что оставила в его постели пышногрудая дама-сенатор, родившая от малахольного демократа красивую Дарью Лизун.

Глава 9

Задание, которое он получил от Потрошкова, сулило не просто несметные деньги, не только ослепительный взлет карьеры, не ограничивалось громадным ростом личного влияния и престижа. Это задание, если оно будет выполнено, сулило новое качество личности, новую глубину в постижении мира, другую степень близости с Верховным Божеством, которое когда-то вселилось в него в полутемном сыром подвале. В случае победы непомерно возвышался не только он, политолог Михаил Львович Стрижайло, но возвышалось поселившееся в нем Божество, реализующее через него, Стрижайло, свое безграничное творчество.

Следовало создать три уникальные предвыборные стратегии – для коммуниста Дышлова, нефтяного магната Маковского, лондонского олигарха Верхарна. Следовало эти три неповторимые стратегии соединить в одну сверхстратегию, в которой переплетались и питали одна другую все три составляющие. Следовало в каждую из составляющих внести незаметную порчу, тайный дефект, невидимую для глаз ущербность, чтобы каждая из победных стратегий обернулась поражением, крахом, разрушила и повергла заказчика. Следовало все три поражения свести в одну катастрофу, чтобы в ней погибло историческое время, исчез политический период, стерлись навсегда имена политиков, улетучились идеологии и партии.

Это была комбинация из множества уравнений, стереометрическая фигура из множества конфигураций и форм, где одни пересекались с другими, создавали фантастические объемы, невиданные пересечения, формировали пространство, куда Стрижайло, как в ловушку, должен был заманить луч света, заставить его метаться, отражаться от внутренних стенок, чтобы он иссяк, утратил свою энергию, навсегда погас. Задание, которое он получил, подразумевало ловушку, в которую должны залететь и необратимо погаснуть ослепительные лучи политического интеллекта, молнии социальной энергии.

Это предполагало огромные знания, использование новейших теорий, наличие политологического центра с талантливыми сотрудниками. Их коллективный мозг, управляемый интеллектом Стрижайло, должен был оформить эту мегазадачу, отшлифовать и обработать настолько, чтобы ее можно было ввести в компьютер, превратить в алгоритм, поручить машине управлять сверхсложным процессом.

Но в основе этой грандиозной рациональной задачи лежала вспышка. Мыслилось откровение. Иррациональное озарение, когда в индивидуальное творчество вдруг врывается могучий Творец, отнимает у художника кисть и перо, перехватывает резец и циркуль, и возникают безумные по красоте картины, богооткровенные тексты, нерукотворные дворцы и храмы, снизошедшие с небес учения.

Эту вспышку ожидал Стрижайло. Готовился к чуду неразумного постижения. Копил в душе крохотные мерцания и искры, исходившие из не управляемых разумом биений и токов. Каждая молекула, из которой он состоял, была источником этих микроскопических вспышек. Источала едва различимые звуки, сливавшиеся в «музыку дремлющих молекул», в таинственные гулы приближавшегося откровения. Так туча копит небесное электричество, наполняясь в темной своей глубине зарядом. Плывет над полями, слабо рокоча и сгущаясь, пока внезапно не озарится слепящим блеском, не прорвется оглушительным громом, не ударит пронзающей молнией, обнаружив в черных разрывах восхитительный и ужасный, моментально блеснувший лик.

Он посетил свой политологический центр, именуемый Центром эффективных стратегий, небольшой особняк в арбатских переулках – лепной фронтон, белокаменные колонны, трогательные ампирические барельефы с изображением нимф и тритонов. В кабинетах, где раньше располагались барские гостиные, столовые, спальни, детские, людские, чуланы,

кухни, танцевальные залы, теперь помещались сотрудники, ведающие различными направлениями деятельности.

Вспыхивали, пузырились, разноцветно бурлили телеэкраны, перед которыми сидел полубезумный сотрудник, изучавший телевизионные игры. Десятки телеведущих требовали от зрителей угадать мелодию, выиграть миллион, назвать знаменитого английского герцога, найти в голове соседа вошку, тонкой струйкой помочиться в бутылку пепси, переночевать в клетке с крокодиллом, переспать с африканской людоедкой, отвесть жареных тарантулов, пукнуть на горстку муки таким образом, чтобы в результате образовался профиль Президента. Сотрудник дергался, повизгивал, кусал себя за локоть, раздевался донага, пел шлягер «Птица в море». При этом что-то записывал в черную, погребального вида тетрадь с надписью «Умерщвление социального времени».

Другой сотрудник, ведущий тему «Некрофильские основы избирательных технологий», отслеживал телесюжеты ведущих каналов. На экранах, его окружавших, возникали обезображенные трупы, расчлененные тела, растерзанные дети, вскрытые, с неистлелыми останками могилы, подвешенные на цепях мученики, инструменты средневековых пыток, крупным планом – лица, облитые серной кислотой, обгорелые на пожарах, изуродованные взрывами. Сотрудник засовывал себе в рот бутерброд с чем-то синюшным, липко-зеленым, тянул оскаленными зубами кровавую жилу, при этом что-то бегло набивал в ноутбук.

В третьей комнате сидели взлохмаченные звездочеты в остроконечных колпаках с кабалистическими знаками. На столе было рассыпано зерно, один из колдунов держал за бока изумрудно-золотого петуха, заставлял клевать зерна. Огненный гребень трепетал, зерна летели в разные стороны, и волхвы рассматривали рисунок рассыпанных зерен, стараясь угадать в нем эмблемы политических партий.

В конференц-зале шла «мозговая атака». Профессорского вида эксперты, очкастые референты, плешивые аналитики, достигнув высшей степени возбуждения, матерились, оскорбляли друг друга, плескали в лицо соседу воду из стаканов, норовили ногой достать под столом обидчика. Шло обсуждение темы «Коллективное бессознательное в период обострения предвыборной агитации», и в напитки участников, с их согласия, был добавлен тяжелый наркотик.

Экстравагантность исследовательских методик не смущала Стрижайло, напротив, им поощрялась. Только в неординарном, непредсказуемом таилось открытие. Абсурдный мир, в котором он действовал, требовал шизофренических подходов, параноидальных прозрений, эпилептических вдохновений. Многие из его сотрудников состояли на учете в психиатрических клиниках. После интенсивных «круглых столов», «интеллектуальных штурмов», развернутых пиар-кампаний нуждались в психиатрической поддержке. Избиратели, лидеры партий, идеологи и активисты движений – все были пациентами, к которым Стрижайло подходил как врач. Принцип «Не навреди!» свято им соблюдался, когда его усилиями избирался в губернаторы уголовник или мэром становился пьющий артист эстрады. Заповедь «Не убий!» неукоснительно им исповедовалась, когда в результате его интриг разрушалась политическая партия или пускал себе пулю в лоб очередной бизнесмен.

Однако главным сокровищем его политологического центра, средоточием его методик был «Мобил». Тщательно берегаемый, скрытый от глаз конкурентов, он был результатом грандиозной работы, кропотливого коллекционирования, изящного моделирования. В танцевальной зале, где еще сохранились мраморные колонны и балюстрада оркестра, в современном интерьере, напоминавшем стерильную операционную, был установлен огромный экран. Соединенный с мощной компьютерной группой, он воспроизводил сиюминутную картину политики, экономики и культуры. Давал представление, как взаимодействуют между собой корпорации и банки, политические партии и теневые центры влияния. Как пересекаются отдельно взятые личности, представленные в разведке и армии, правительстве

и Государственной думе. Чем заняты интеллектуальные и культурные клубы, вырабатывающие идеологическую моду и политический дизайн.

Легкое нажатие клавиши с надписью «Экономика», и на млечном экране возникала разветвленная схема из тысяч светящихся точек, значков, условных эмблем и иероглифов. Так выглядит с высоты ночной мегаполис в бриллиантовых переливах и вспышках, легчайших траекториях, млечных туманностях, где каждый проблеск означает банк или фирму, движение капиталов и стоимость активов, пересечение интересов и близость к банкротству, теневые сделки и прогнозы развития. Нажатие кнопки с надписью «Политика» вызывало на экране другую картину, напоминавшую всплывающую из тумана галактику с мириадами звезд, спиральями и завихрениями, сгустками света и провалами тьмы. Здесь были отмечены крупнейшие партии, их лидеры, партийные программы и инициативы. Центральные и региональные элиты в их конфликтах и взаимодействии. Источники финансирования и связи с зарубежными фондами. Законопроекты и лоббирующие их группировки. На схеме, если укрупнить отдельный ее фрагмент, можно было узнать подробности о каждой политике, его биографию, пристрастия, компромат, рейтинг влияния. Третья кнопка «Культура» создавала на экране зрелище, напоминавшее срез головного мозга под электронным микроскопом. Разноцветные пятна, ячейки, струящиеся линии, радужные переливы. Тут были отмечены культурные и идеологические тенденции, театральные коллективы и издательские сообщества, лауреаты премий и скандалы культуры. Можно было узнать, кто из художников обслуживает ту или иную партию, участвует в выборной пропаганде, пишет сценарии для политических мюзиклов и агитационных поэм. Деятели искусств были представлены в их связях с меценатами и покровительствующими олигархами. Вскрывалась степень их ангажированности властью, сексуальная ориентация, участие в телевизионных программах.

Эти три модели были электронными портретами сложнейших социальных явлений, каждая точка которых двигалась, изменялась, меняла место. Вся исследовательская мощь коллектива была направлена на слежение, уточнение, дописывание этих электронных картин. При желании один «портрет» накладывался на другой, и возникала прозрачность явления, которое до этого казалось туманным и зашифрованным. Можно было узнать, как связаны между собой табачные корпорации и церковь, рекламные фирмы и нелегальные торговцы наркотиками, думские фракции и сообщества педофилов и бисексуалов. «Мобил» являлся предметом гордости Стрижайло. Был инструментом работы и гарантом побед. Отпечатком электронного пальца, который оставляет на орудии убийства ускользающее от понимания общество.

Получив от Потрошкова задание, Стрижайло постарался как можно больше узнать о заказчике, исследуя его с помощью «Мобила». К тому, что было уже известно, добавились новые сведения.

Выяснилось, что Потрошков в юности писал стихи о бессмертии и любил гулять по Миусскому кладбищу, где был похоронен известный русский космист Федоров, проповедник бессмертия. В разведке, куда он поступил после окончания биофака, он сначала занимался историей масонских лож в России, а потом, когда уехал за границу, исследовал засекреченный Римский клуб и Трехстороннюю комиссию – эти могущественные предтечи Мирового правительства. Участвовал в переговорном процессе по разоружению, на младших ролях, в секции, обсуждавшей экзотические виды вооружений – «этническое» и «расовое» оружие, создаваемое на основе биотехнологий. В 1991 году, незадолго до путча, встречался на островах Адриатики с Максвеллом, медиамагнатом и двойным агентом – ЦРУ и МОССАДа, с кем предположительно обсуждалась возможность путча, что намекало на причастность Потрошкова к изменению политического строя в СССР.

Делая карьеру в рядах ФСБ, на определенном этапе стал заниматься коммерцией, открыл в Москве сеть супермаркетов, получив от Верхарна, тогдашнего всемогущего фаво-

рита, стартовый, безвозвратный кредит. Позже возник интерес в нефтяном бизнесе, свидетельство тому – небольшая компания, занятая разработкой скромного месторождения на Оби, со странным названием: «Зюганнефтегаз». Постоянно лоббирует в Думе увеличение бюджетных расходов на нужды ФСБ, большая часть которых тратится не на борьбу с терроризмом, а на развертывание секретных лабораторий по клонированию и генной инженерии. Потрошкову принадлежит статья в американском журнале «Нейшен», вышедшая под псевдонимом Марк Ливерпуль, в которой события 11 сентября трактуются как грандиозный американский проект по «перекодированию» человечества, где «удар ужаса» способствует созданию «нового глобального социума». Потрошков является самым близким к Президенту лицом, курирует его финансовые дела, обеспечивая присутствие в акциях алмазо- и газодобывающих компаний. Увлекается евангельскими апокрифами и учением гностиков, выкупил для библиотеки ФСБ одну из кумранских рукописей. Иницирует экспедицию антропологов в неисследованные зоны Горного Алтая, где, согласно алтайскому фольклору, проживает «племя бессмертных людей». К причудам можно отнести гастрономические изыски, такие как сушеные бабочки в густом виноградном сиропе и пустынные кузнечики в меду диких пчел.

В досье Потрошкова было много поучительного и много загадочного. Загадочна была полифония цветов на подбородке. Загадочным казался замороженный луч света, хранившийся в морозильнике Стрижайло, – тончайший световод, наполненный корпускулами, в которых заключалась тайна отношений Потрошкова и Президента.

Стрижайло внимательно изучил досье, не стараясь делать глубоких умозаключений. Готовясь к открытию, собирал в себе мерцающие вспышки молекул и невнятную глубинную музыку. Решил погрузиться в среду, близкую Потрошкову. Посетить громадные, принадлежащие ему магазины, где витал дух хозяина и где, возможно, под воздействием таинственных сил случится озарение.

Он ехал по Кольцевой дороге, в металлическом дымном месиве. Далеко за обочинной, в стороне от трассы, в распахнутых подмосковных лесах возникали фантастические видения. Непомерные пузыри, выдавленные из влажной земли. Гигантские грибы, возросшие на сырых холмах. Слабо светились, переливались зыбкими пленками, были окутаны испарениями таинственной жизни. Это были магазины Потрошкова, обступившие город, словно вокруг Москвы проползло неведомое чудовище, отложило громадные яйца, и они вызревали, слабо шевелились, вынашивали сонных личинок. Созреют, разорвут покровы и пленки, и наружу вылупятся тысячи пауков, влажных скорпионов, глянцевиных гигантских муравьев. Всем множеством, покрывая холмы чешуйчатой, шевелящейся броней, двинутся на Москву.

Стрижайло жадно смотрел, чувствуя, как откликается его «геном», красная, в неутомимом вращении спираль, словно в этих гнездах винтообразно вращались подобные червеобразные личинки, все в одну сторону, закрученные космическим вихрем.

Съехал с трассы, приближаясь к сооружениям. Теперь они выглядели полупрозрачными сферами, надутыми кольцами, ребристыми параболоидами. Соединялись друг с другом пленочными переходами, перетекали одно в другое. Так выглядят внеземные поселения, орбитальные города, надувные космические станции, парящие в невесомости, озаряемые закатами и восходами, в отсветах космических зорь, в мерцании звездной пыли.

Стрижайло ощущал в этой архитектуре отсутствие гравитации, зыбкое парение, привнесенность в земную жизнь. Обитатели этих летающих тарелок и парящих городов выполнят связанный с Землей эксперимент – возьмут пробы грунта, образцы пород, экземпляры живых существ и улетят в беспредельный космос, оставив на подмосковных лугах отпечаток своего пребывания – мятую траву, легкий пепел не существующего на Земле вещества.

Он подкатывал вплотную к огромным магазинам, и вблизи они казались инсталляцией художника-фантаста – желтые, гигантских размеров мочевые пузыри, фиолетовые, разбухшие от газов кишки, пузырящиеся прозрачные легкие, фиолетовые печень и сердца, складчатый, огромных размеров мозг. Так выглядит анатомический стол, где разложены внутренности великана. Стрижайло волновала антропоморфная архитектура, дизайн разъятой плоти. Его «ген» напряженно вращался, питаемый источником неведомой энергии, что таился в слоистых оболочках и сферах.

Вышел из машины перед входом в супермаркет – огромное голубоватое вздутие, похожее на живот беременной женщины. Вход был необычен, напоминал растворенное женское лоно, возбужденные выпуклости, развернутые гениталии. За выпуклыми губами чудилось сумрачное влагалище, губчатые стенки, гигантская складчатая матка. Это был вход в языческий храм, где исповедовались религия плодоношения, неутомимого совокупления, культ животворящей Богини. Великанша с голубым животом, набрякшими молочными железами, ждала многократного оплодотворения, ненасытного утоления плоти. Над входом, на стене, разбегаясь во все стороны, виднелись значки и иероглифы – то ли клинопись, то ли руны, то ли кибернетические знаки компьютерной каббалы. Стрижайло взирал на знаки, стараясь разгадать волшебные речения. Их непрочитанный храмовый смысл проникал в него, как таинственная вибрация. Возбуждала молекулы, исторгала из них едва различимые звуки, которые сливались в хорал, в языческое песнопение, в хвалу плодоносящей Богини. Настенные знаки символизировали «геном», который откликался усиленным вращением, возбужденным звучанием – предвестником озарения.

Он вошел в супермаркет. Над ним вознеслись просторные своды, выпуклые и вогнутые потолки, из которых струился нежный свет, опалили вкусные ароматы, веяли теплые ветерки. Было безлюдно, двигались мягко шелестящие эскалаторы, мерцали электронные табло. Световые указатели помогали странствию по бесконечным лабиринтам, бесчисленным этажам, плавным переходам. Из розового гигантского яйца в зеленоватый тугой пузырь. Из алого надувного кольца в пленочный золотистый небоскреб. Из черного, стянутого перепонками ангара в голубоватый, светящийся гриб.

И повсюду, в безлюдном и казавшемся бескрайним пространстве размещались товары.

Это были изделия, утолявшие человеческую тягу к комфорту, к неограниченным удобствам, неустанным наслаждениям. Были воплощением красоты, столь разнообразной и мучительно-изысканной, что в ней терялось первоначальное назначение предмета и он становился произведением искусств, объектом поклонения, религиозным атрибутом. Каждый предмет, выполняя ту или иную функцию, был бесчисленно повторен, усложнен, снабжен дополнительными свойствами, умноженными удобствами, признаками комфорта и красоты. Словно биологический вид, подвергался бесконечной эволюции, менял пластику, форму, цвет, подтверждая теорию дарвинизма, согласно которой вид, совершенствуясь, обретает все новые свойства, достигает своей вершины и, срываясь, рождает новую ветвь эволюции, отражает новое состояние Вселенной.

Эти ряды и ансамбли одного и того же, беспредельно размноженного вида свидетельствовали о неутомимом творчестве, о наличии бескорыстного художника. В гениальной мастерской избыточно и счастливо, забыв о потребителе, давно превысив все человеческие потребности, Творец создает свои шедевры.

Если это были светильники, то они покрывали все потолки и стены, создавая подобие звездного неба, где драгоценные хрустальные люстры, лампы и лампы из цветного стекла, источники лучистых потоков и волнующих мягких теней создавали космическую симфонию, порождали бесконечные формы блаженства, использовали оптику для райского ощущения счастья, утоляя ненасытность зрачков, игру сознания с мельчайшим лучиком света.

Если это была мебель, то одни только диваны подразумевали в покупателе задумчивого мудреца, ленивого сибарита, сосредоточенного дельца, сластолюбивого развратника, капризного истерика, терпеливого труженика, играющего самозабвенно ребенка, лежащего на смертном одре старика. Если эти диваны запустить на орбиту, они, подобно метеорному поясу, создадут летящее вокруг Земли кольцо, и астроном, наблюдая в подзорную трубу, увидит разнообразие шелковых мутак, кожаных подушек, парчовых обивок, тяжеловесных спинок, изящных изгибов, тигровых шкур, сафьяновых покровов, и на каждом диване будет лежать то обнаженная красавица, то дремлющий лентяй, то испускающий дух свидетель исчезнувшей эпохи.

Стрижайло испытывал опьянение, как если бы ему впрыснули легкий наркотик. Молекулы его трепетали, будто в каждую попала микроскопическая пьянящая капля. Музыка звучала, будто в душе, как в оркестровой яме, играл великолепный оркестр. Откровение приближалось. Открытие, которое он выкликал, витало здесь, под сводами, среди бесчисленного разнообразия товаров, которые не имели цены, а были предложены ему в дар щедрым и бескорыстным Творцом.

По серебристому, струящемуся эскалатору он переместился в зал, где продавались автомобили. Зал был необозрим. Озаренные мягким светом, великолепные изделия на пухлых шинах сияли лаком, драгоценными сплавами, зеркальными стеклами, отливали всеми цветами радуги.

Источали особый восхитительный запах искусственно сотворенной жизни – одухотворенного металла, обожествленной резины, очеловеченного лака, опозитизированного пластика. Так благоухают инопланетные цветы, пленительно пахнут женщины-марсианки, распространяют влекущий головокружительный запах фантастические бабочки.

Стрижайло, в предчувствии озарения, созерцал автомобили, словно изображения богов в языческом храме, где каждый кумир по красоте и гармонии соперничал с античными статуями, был вместилищем высших представлений человечества о красоте, мироздании, мистике.

Малиновые, вишневые, темно-зеленые «бентли» напоминали лепестки фантастического соцветия. Перламутровые, бесчисленных оттенков «бугатти» были похожи на маникюр светской львицы. «Роллс-ройсы», золотые, серебряные, платиновые, были драгоценными украшениями, которые надевала на обнаженную грудь принцесса Диана. «Феррари», алые, огненно-красные, нежно-лазурные, были раковинами теплых морей, в каждой из которых таилась жемчужина. БМВ своей пластикой повторяли струнные инструменты – скрипки, виолончели, сладкозвучные арфы, от которых воздух чудесно и нежно звучал. «Мерседес-Бенц» и «астон-мартин» воспроизводили своей эстетикой совершенное оружие древности – изящные арбалеты, отшлифованные бумеранги, отточенные клинки с украшениями из серебра и кости.

«Порше» был подобием мощной, стремительной рыбы, несущейся в Мировом океане. «Ситроен» с выпученными хрустальными глазами был морским чудом, всплывающим в ионической лазури. «Мицубиси», «тойоты», «судзуки» были образцами мужской красоты – накачанных бицепсов, упругих торсов, мускулистых животов и могучих плеч. «Альфа-romeo» источали сладострастие, нежность, стремительность соития, греховность неутоленных вожделений, облеченный в красоту инстинкт смерти. «Линкольны» и «кадиллаки» были символами золотых кладовых, культа «золотого тельца», экипажами замкнутых мрачных жрецов. «Форды» и «пontiаки» были богами победы, воплощением бури и натиска, неизбежного ослепительного успеха. Джипы, внедорожники, «лендрроверы» и «лендкрузеры» воплощали упорство, неутомимую деятельность, неодолимую волю. Множество других автомобилей – «опели», «пежо», «фиаты», «шкоды» – были богами в этом величественном пантеоне, покровительствовали благополучию, богатству, плодородию и плодоношению.

Отдельно ото всех, в свете аметистовых прожекторов, стояла «Волга» ГАЗ-3110. Корпус из прозрачного стекла. Двигатель из золотого слитка 99-й пробы. Колеса из лакированной осины, окованной титановыми обручами. Кресла плетеные, венские, с ремнями безопасности из сыромятной моржовой кожи. Подвески из сухожилий северного оленя. Топливо на базе стволовых клеток разгоняет машину до 700 километров в час по лунному грунту.

Стрижайло благоговел, испытывал к машинам религиозное чувство, молился, просил приблизить миг озарения. Чувствовал исходящую от них благодать, теплый отклик, приближавший в его душе откровение.

Собранные здесь боги управляли жизнью людей, были человекоподобны. Но при этом, как и античные боги, жили самостоятельной жизнью, забывая о людях. Влюблялись друг в друга, ссорились, воевали, устраивали пиры и свадьбы, уводили друг у друга неверных жен, устраивали состязания, в которых мчались с умопомрачительной скоростью, разбиваясь в прах, учиняли оргии, восседали на вершине священной горы в голубом мироздании величественной семьей небожителей.

Когда он рассматривал фиолетовый «Ламборджини» – 12 цилиндров, мощность 580 лошадиных сил, скорость 320 километров в час, – к нему приблизился вежливый служитель. Статный, могучее телосложение, распухшая от кобуры подмышка, предусмотрительно расстегнутый пиджак. Боксерский подбородок слабо переливался цветами нефтяного пятна, что выдавало в нем сотрудника Потрошкова. Насмешливо, с нагловатой любезностью, спросил Стрижайло:

– Вам завернуть?

– Не весь, – отозвался Стрижайло. – Грамм на триста отрежьте и отправьте по адресу. – Протянул служителю визитную карточку и шагнул на шелестящий эскалатор.

Следующее помещение было выполнено амфитеатром, с полукруглыми рядами, один выше другого, напоминало Совет Федерации, где места сенаторов занимали шедевры сантехники – разнообразные унитазы. Каждый не повторял соседа, отличался от него цветом, формой, материалом изготовления, множеством разнообразных причуд и ухищрений. Каждый являл собой личность, характер, был неповторим, независим, что еще больше придавало им сходство с сенаторами, а все собрание казалось талантливой инсталляцией на тему «Федеративное устройство России».

Стрижайло и здесь изумлялся избыточному разнообразию. Естественная физиологическая функция, одинаковая у всех людей, та, которая считалась неприличной, пряталась от глаз, вычеркивалась из любого повествования о человеке, кроме истории желудочных и кишечных заболеваний, – эта функция была возведена в религиозный культ. Унитазы были языческими идолами, которым приносились жертвы, что обожествляло саму эту низменную функцию, разрушало в человеке иерархию «подлого» и «возвышенного», «материального» и «духовного».

Гедонизм и гурманство, стремление к деликатесам, к утонченным приправам и блюдам, разнообразие гастрономических школ и национальных кухонь дополнялось драгоценными сервизами, изысканной посудой, великолепными изделиями из стекла и фарфора. Та же изысканность и великолепие, перенесенная из сервизов в унитазы, делало их посудой, продолжало трапезу. Ликвидировало несправедливый разрыв между поглощаемой пищей, наделяющей человека жизненными калориями, несравненными вкусовыми впечатлениями, и пищей израсходованной, покидающей человека, чтобы влиться в круговращение природного вещества, вновь стать частью вечно прекрасной природы. Эти шедевры сантехники восстанавливали попорченную справедливость, утверждали тезис о том, что в человеке все прекрасно, что в любой его части содержится человек во всей полноте, любая клетка, взятая из самой пошлой, неинтересной части тела может быть использована для клонирования

всего человека, у которого щеки ничем не превосходят ягодицы, оральный секс не выше анального, а праздничная трапеза не отличается от интимного пребывания в туалете.

Стрижайло, оглядывая товары, постигал философию, которую они выражали. Переходя с одного ряда амфитеатра на другой, проникался метафизикой, которую исповедовал Потрошков. Угадывал замысел «нового гуманизма», сущность сокровенного «Плана Россия».

Поражало многообразие материалов, из которых были изготовлены унитазы. Ослепительный хрусталь, будто роскошная люстра, лучился спектрами и сочными радугами. Белый, голубой, нежно-розовый фаянс напоминал северский фарфор. Глазурованная майолика рождала сходство с изразцами, которыми обкладывались старинные печи. Белая нержавеющая сталь роднила унитаз с операционной, с набором хирургических инструментов для удаления геморроя. Сияющий титан был тот же, что и у реактивных сопел сверхзвуковых самолетов, что делало обычную сантехнику средоточием скорости, огня, ревущего звука. Белый мрамор с аканфом и цветными розетками превращал унитаз в коринфскую капитель. Малахит с голубоватыми прожилками, обработанный уральскими мастерами, напоминал сказы Бажова. Мореный дуб, способный служить сто лет, создавал образ коньячной бочки. Золото, платина при скромном дизайне были воплощением ленинской мечты. И нечто, абсолютно достойное академиков Сахарова и Харитона, великих Эйнштейна и Оппенгеймера, являл собой унитаз, выточенный из глыбы обогащенного урана, воздух вокруг которого светился голубоватой плазмой, и неустанно, как осенние кузнечики, трещали счетчики Гейгера.

Стрижайло мимолетно подумал, что должно было измениться в России, как мутировала «русская идея», чтобы пуританская страна, которая весь век проносила гимнастерки и ватники, совершала мировые дела, пользуясь дощатыми нужниками с небрежно выточенным «очком», теперь выбирала между унитазом, высеченным из остатков тунгусского метеорита, и сидалищем, выточенным из тысячелетнего ливанского кедра.

Он двигался вдоль изделий, и они утрачивали свою функциональность, приобретали вид скульптур, от абстрактно антропоморфных до обладающих портретным сходством. В одних воплощалась пластика торса и ягодиц, другие казались величественными бюстами.

Нарочито мощно, тяжеловесными массами были изваяны зады экс-премьера России, газового магната, посла в соседней республике; бывшего председателя Центрального банка, остролова и бонвивана; известной правозащитницы, отшлифовавшей многострадальную задницу на скамье подсудимых; модной либеральной писательницы, сочинившей космогоническую повесть «Брысь»; женщины вице-спикера, умеющей растолкать ягодицами наседающую толпу коммунистов и бешеных либерал-демократов.

Еще проще было узнать в бюстах представителей политической элиты. В гладкой, сияющей пластике унитаза легко просматривалась безволосая голова известного мэра, кепку которого заменяла кожаная, с козырьком крышка. Антично-величественной, императорской смотрелась голова спикера Совета Федерации, а накрывавшее ее курчавое шерстяное сидалище ассоциировалось с его неопратно-щегольской щетиной. Каждый по-своему, кто из фаянса, кто из гранита и мрамора, кто из бронзы и чугуна, выглядели полые, срезанные поверху, с изящными добавлениями сливных бачков, головы чиновника Администрации Чебоксарова, председателя Центризбиркома Черепова, обоих министров Сидоровых, банкира-старообрядца Пужалкина. И хотя на скульптурах не было ни золотой цепи от карманных часов, ни прозрачно-голубых карбункулов, ни фатовских галстуков с бриллиантовыми булавками, все были узнаваемы. У Стрижайло даже возникло ощущение, что он все еще находится на рауте в гольф-клубе и скоро появится долгожданный Президент, чья узкая голова с продолговатым белесеньким теменем, изящно срезанная выше бровей, накрыта прозрачным шлемом стратосферного летчика.

Сюрреалистическое ощущение усиливалось от бесконечных ухищрений, делавших пребывание на толчке не просто удобным, но усладительным, полезным, общественно значимым. Звуки сливного бачка напоминали песни Кобзона и Лаймы Вайкуле, бессмертные шлягеры Макаревича и Гребенщикова, пение лесных птиц, рыканье нильского крокодила, рев бенгальского тигра. Толчок мог быть подсвечен изнутри и тогда напоминал здание Государственного университета в миниатюре, или Триумфальную арку, или памятник Тимирязеву на Тверском бульваре. Совмещенные с унитазом электронные часы и табло с курсом доллара не оставляли сомнения, что все это рассчитано на бизнесмена. Телескоп и знаки зодиака приглашали сделать покупку астронома. Руль и педали могли привлечь автогонщика. А огромное «колесо смеха», которое при желании могло вознести пользователя высоко над Москвой, на обозрение завсегдатаев парка культуры и отдыха, было рассчитано на «экстремалов».

Отдельно от остальных, на мраморном возвышении стояло изделие, вырезанное из громадной глыбы бадахшанского лазурита, усыпанное алмазами и сапфирами, с золотыми змейками Клеопатры, испещренное письменами неведомого священного языка, инкрустированное камушками из пирамиды Хеопса, храма Артемиды и Ангкор-Вата, пластикой напоминающее верховного бога ацтеков, окутанное благовониями Востока, издающее звуки китайской песни «Алеет восток». Это был алтарь, образ божества, предмет поклонения, перед которым Стрижайло захотелось встать на колени, целовать его божественный лик, доверить самое сокровенное, стать адептом новой религии, нести ее на кончике обнаженного меча до океанского побережья, а там плыть, вознося высоко меч новой веры, туда, где «румяной зарею покрылся восток, в селе за рекою погас огонек». Он совсем было пал ниц, но приблизился служитель – черный костюм, разбухшая подмышка, незастегнутые пуговицы, подбородок цвета павлиньего пера. Иронично спросил:

– Будете брать за полную цену или в рассрочку?

– В рассрочку, – буркнул Стрижайло с досадой, говоря со служителем на языке, который был тому понятен. Ступил на эскалатор, уносящей его от хамоватого фээсбэшника.

Он был в заповедном царстве Потрошкова, в его священном граде. В таинственной лаборатории, где сотворяются эликсиры новой религии. В храме, уставленном идолами и кумирами нового вероисповедания. Эта загадочная, неизреченная религия находила отклик в душе Стрижайло.

Будила его дремлющие силы, тревожила псалмами разбухшие молекулы. Побуждала к творчеству, к сотворению огромной, необъятной метафоры, в которой соединялось несоединимое – небесное и подземное, гений и злодейство, преданность и вероломство, первородный младенческий плач и сардонический хохот. В метафоре, которую он возвращал, должно было возникнуть прозрение, обнаружиться совершенное знание – политологический проект и мистический заговор, меняющие ход истории.

Теперь он оказался в зале, где были выставлены на продажу гробы. Все, что он увидел, опровергало представление о смерти как о форме «всеобщего равенства и братства», одной на всех, уравнивающей богача и нищего, злодея и праведника, молодого и старого, превращающей плоть в прах, все в ничто. Смерть была поделена на оттенки, на множество составляющих. Описана бесчисленным количеством уравнений, выражена множеством формул, поименована тысячами имен. Была «неисчерпаемой, как электрон». Гробы иллюстрировали это необъятное разнообразие смерти, неисчислимы ее проявления.

Тут были гробы бравадно-радостные, наивно-веселые, обтянутые детским ситчиком с цветочками и в горошек. Были мрачные каменные саркофаги, наподобие египетских, с символами загробного мира. Были изящные, выложенные изнутри сафьяном, повторяющие силуэт человека, в которые покойник укладывался, как скрипка в футляр. Были строго-величественные, чиновно-помпезные, как дорогие комоды красного дерева, с бронзовыми

ручками, багетами, дорогими замками. Были гробы из стекла, в которых мертвец казался заливной рыбой. Были прозрачные наполовину, из которых покойник смотрел, как водитель сквозь лобовое стекло. Одни напоминали долбленое каноэ, в которой усопший плыл по реке смерти до Ниагарского водопада загробной жизни. Другие выглядели как медицинская капсула с жидким азотом, куда помещался труп, чтобы потом его забросили на орбиту и он вечно вращался в мировой пустоте. Были гробы с подогревом, с температурным режимом, с подсветкой, с набором продуктов, необходимых покойнику на первое после погребения время. Были с плеерами, с проигрывателями и комплектом компакт-дисков, с видеомагнитофонами и набором видеофильмов. С вмонтированной телекамерой, кабелем и передающей антенной, чтобы близкие родственники могли наблюдать истлевание любимого человека. Были такие, в которых предусматривался массаж, стрижка ногтей, опрыскивание благовониями, размещение рядом с покойником мумии любимой кошки или собаки. Был золотой гроб – для олигарха. Войлочный кокон, притороченный к носилкам, – для верховного муфтия. Гроб нетленный, пропитанный смолами и бальзамами, теми же, что и тело Ленина в Мавзолее. Гроб быстротлеющий, зараженный специальным грибком, который за считанные дни превращал и дерево, и покойника в бесформенный прах.

Особое внимание Стрижайло привлек двухместный гроб-складень, напоминающий книгу с кожаным дорогим переплетом, на котором тиснением было выведено: «Конституция Российской Федерации». От созерцания этого пафосного изделия его отвлек служитель. Двигая перламутровой челюстью, тот поинтересовался:

– Для себя выбираете или для друга?

– Для политического руководства страны, – парировал Стрижайло и отошел.

Он чувствовал, как сотрясаются его проснувшиеся молекулы, и каждое микроскопическое трясение усиливает вибрацию мира, готовит тектонический удар. Каждая корпускула плоти источала крохотный импульс света, и все они превращались в сияние, будто в груди начинался восход и звучал ликующий стих: «Румяной зарею покрылся восток». Каждый неисчерпаемый электрон его тела посылал электрический импульс в обмотку невидимого ротора, мощный ток крутил сияющий вал, превращая красную спираль возбужденного «гена» в размытый огненный вихрь. Гул приближался, свет становился нестерпимым, распадались хрупкие оболочки ограниченного, несовершенного разума, и в проломы, как лава, врывался восхитительный абсурд.

Дышлов в фиолетовом «бентли», выпучив ртутные глаза, мчался со скоростью 210 по шелестящей каталонской трассе. Влетал в Барселону, врзался в сталактит католического собора Гауди, разбиваясь в белую пудру, из которой, верхом на лазурном унитазе, выносился Арнольд Маковский. Свирепый, в медвежьей шкуре, грохотал в бубен, зажав коленями растрепанную голову женщины-вице-спикера, вламываясь с хрустом в огромный, из красного дерева гроб. Гроб начинал мигать, сверкал зеркальными зайчиками, проблесками лазеров, исполненный наркотической музыки, был дискотекой, где в разноцветных тенях качалось огромное павлинье перо, метался Верхарн, держа в зубах бюстгальтер покойной принцессы Ди. Неподалеку Дышлов обхватил сзади розовые окорока блоковской незнакомки, делал с ней такое, что остановились танковые заводы Урала и не получающие зарплату рабочие, подняв красные знамена протеста, обомлело взирали. Маковский досматривал мюзикл «Город счастья», где главный герой раскрашивал темперой огромную женщину-снеговика, воздвигнутую в тундре усилиями Церетели, стремился дотянуться до шляпки с фиалками, из которых взирал рыжий немеркнущий глаз вопиющего в пустыне. Мягкая полярная сова скользила над Вестминстерским аббатством, несла в клюве дремлющего Верхарна, в поисках утеса, на который можно сбросить хрупкую, с мягким моллюском, раковину. Из треснувшей скорлупы начинали сочиться разноцветные соки, омывали нежную шею Дарьи Лизун с багровым рубцом от шнурка, и в живом, пахнущем огурцами белке беспомощно сверкал

одиноким бриллиант, найденный археологами среди тазовых костей безымянного русского скелета. Эскадренный миноносец «Стремительный» таранил в борт авианосец «Саратога», и над ними парили семена сиреневых одуванчиков, вылетающих из прически домработницы Вероники Степановны. «Духи тьмы» вырывались из сырого подвала, превращались в квадрату коней на фронте Большого театра, и черный эфиоп в лавровом венце гнал колесницу по осенней Палихе, где в сумерках темнели дома, чернели карнизы и в нижнем окне под оранжевым абажуром стояла обнаженная женщина, гладила грудь и живот. Живот начинал надуваться, набухали соски, выдавливался пупок, ноги громадно раздвинулись, сквозь косматый ворох открылось огромное лоно, окруженное криптограммой древних заветов. Стрижайло, расплющенный космической скоростью, раскрученный в циклотроне, влетал в растворенное лоно, как в туннель метро, где навстречу, в блеске огней, рассыпая искры, мчался состав. В столкновении взрыва, разрушая друг друга, превращались в слепящий слиток, в атомный взрыв. И в оргазме смерти, в бесцветном пятне возникло прозрение. Полнота безымянного мира, с которым он слился, обретая абсолютное знание. Выпадал обратно в трехмерное пространство и время, унося добытую истину.

Очнулся. Открытие совершилось. Зачатие состоялось. Проект, во всей простоте и изяществе, был доступен разумению. Был безвозмездным даром все тех же духов, управлявших его судьбой. Крохотный эмбрион, похожий на нежного козлика, с мягкими рожками и смешными копытцами, начинал свой рост и пульсацию. Охранники Потрошкова наблюдали за ним. Один звонил по мобильному, докладывал шефу о завершении операции.

Часть вторая Сеятель

Глава 10

Проект разрушения оппозиции и подавления олигархов был дан ему свыше, как скрижали Моисею. В небесах зажегся проектор, жаркий пучок лучей ворвался в потрясенную душу, оставил огненный отпечаток. Так Гомеру был явлен замысел Илиады. Так Петр I узрел план Петербурга. Так Королев во сне спроектировал корабль «Союз». План был гениален и прост, как геометрическая фигура, обладал совершенством кристалла. Но внутри каждой грани, в пределах, строго очерченных сверкающей линией, оставался неограниченный простор для импровизаций, вдохновения, непредсказуемого творчества. Вероломство, обольстительный обман, лицедейство, звериная интуиция, холодный расчет служили воплощению проекта, сладость которого не сводилась к материальной выгоде или повышению статуса, но заключалась в господстве над тонкими энергиями бытия, в управлении стихиями мира. Это переносило творца из обыденного круга людей в область иерархических духов – ангелов, пускай и падших. Он направился на дачу к Дышлову, как диверсант, оснащенный взрывчаткой, отправляется в лоно врага. Подмосковная дача была из тех, что выделяются деятелям Государственной думы, к числу которых принадлежал лидер компартии Дышлов. Высокий, не очень свежий забор был возведен еще в советское время. На участках елового леса стояли деревянные, советской постройки коттеджи, уступавшие своим видом и качеством помпезным дворцам новой знати, переселившейся из номенклатурных пиджаков в элегантные костюмы от «Версаче», из непрезентабельных «Волг» в толстозадые «мерседесы», из деревянных казенных дачек в беломраморные замки «позднерублевской архитектуры». Шагая по тропинке к дому, Стрижайло весело, по-хозяйски оглядывал участок, как если бы его сторговал и примеривался обосноваться среди тенистых елей, в двухэтажном доме с флигелями и крыльцами. Участок был не просто обжит, но заселен многочисленной родней Дышлова, которая съехала к нему из костромской деревни. Из дверей и окон на подходящего Стрижайло смотрело множество лиц, как смотрят они удивленно и пристально на проходящего улицей незнакомца, появление которого является крупным деревенским событием.

Жена, братья, снохи, зятья, тесты, тещи, девери, невестки, внуки и свояки создавали ощущение крестьянской семьи в общинную, достопыпинскую эпоху. Простоволосые и в киках, бородатые и грудные, хворые и заспанные, трудолюбивые и праздные, они владели сообща хозяйством, и им еще предстояло делиться, рубиться топорами за каждую соху или курицу. Казалось, в доме и вокруг протекали крестьянские работы, домашние и огородные, от которых стоял шум и гвалт. Строгали табуретки, пряли шерсть, лудили корыта, ткали половики, сбивали бочки, стучали по наковальне. Здесь были горшечники, шорники, скорняки, плотники, вязальщики метел, строгальщики топорниц, печники и кровельщики. Дом, еще минуту назад гремевший железом, оружий и стучащий, вдруг затих. Взирал на Стрижайло множеством лиц, рты которых были слегка приоткрыты, а руки замерли на лету, сжимая молотки, цепи и скалки. Эта была та семейная часть КПРФ, которая примыкала к аграриям. Видно, в других домах проживали пролетарии и интеллигенция, а также представители академических кругов и армии, которые голосовали за компартию. С этой игривой мыслью Стрижайло подошел к крыльцу, по которому навстречу спускался Дышлов.

Он был в спортивном костюме, в кроссовках, с голой грудью, на которой кудрявилась шерсть. Напоминал отдыхающего в санатории, который вразвалочку идет постучать мячом на волейбольную площадку. Его округлое лицо снеговика с носом-морковкой светилося радушием.

– Мозговому центру КПРФ – привет. Слушай анекдот. Стоит мужик на улице и голоует леваков. Одна машина остановилась, он не поехал. Вторая остановилась, не поехал. Десятая, двадцатая, он все не едет. Подходит к нему другой мужик и спрашивает: «Чего ты не едешь?» А тот отвечает: «Голосую против всех!» – Дышлов радостно засмеялся, полагая, что анекдотом создал атмосферу свободного общения, раскрепостил стеснительного гостя. – Ну что, пойдём в кабинет, потолкуем.

Проходя сенями, горенками и коридорчиками, Стрижайло успел заметить, как в детской стригли «под горшок» беловолосого паренька, другой, наказанный, стоял в углу на горохе, третьего раскладывали на лавке, чтобы сечь лозой. В девичьей румяная девка вышивала на пяльцах, грудастая молодуха белилась перед зеркалом.

– Давай здесь присядем, чтоб никто не мешал. – Дышлов завел Стрижайло в кабинет и прикрыл дверь. Все стены были увешены фотографиями в дорогих рамках с изображениями хозяина, похвальными грамотами, вымпелами, лепными и металлическими эмблемами трудовых коллективов, армейских частей, научных институтов, где побывал Дышлов. На фотографиях он был изображен во главе демонстрации, на противолодочном корабле, в президиуме конгресса, во время инаугурации с Президентом, с канцлером Германии, с ансамблем лилипутов в пионерских галстуках и даже в водолазном костюме, где сквозь выпученные окуляры виднелись его ненасытные до зрелищ глаза. В центре экспозиции, занимая большую часть стены, красовался портрет Дышлова кисти художника Шилова, где мастерство великолепного живописца придавало Дышлову сходство с Сократом – озаренный лоб, могучие мыслительные складки, устремленный в бесконечность взгляд.

Дышлов достал из мешочка горсть жареных тыквенных семечек, насыпал перед Стрижайло:

– Угощайся. Хорошо для действия желудка. Ну, какая обстановка, рассказывай... – И, не позволяя Стрижайло раскрыть рот, стал говорить, одновременно ловко лущая семечки: – Кремль, по моим сведениям, очень встревожен. Президент собирал «ближний круг» и дал задание снизить поддержку коммунистов с сорока процентов до двадцати. Большое недовольство среди бюджетников, в научной и армейской среде, в малом и среднем бизнесе. Я встречался с американским послом Вершбоу и прямо сказал: «Если вы, используя свое влияние на Президента, не заставите его сменить пагубный курс, то на выборах коммунисты наберут не сорок, а все шестьдесят процентов». Нам нужно еще подтянуть церковь и часть либеральной интеллигенции, которая разочаровалась в реформах, потому что кушать нечего. Ну, давай излагай, в чем твои идеи... – Он хрустел семечками, ловко их расщеплял, выплевывал раздвоенную кожуру в ладонь, насыпая на столе аккуратную горку.

Стрижайло слышал, как за стенами кабинета подковыывают коней, доят коров и стригут овец, а под окнами колнут свинью, которая истошно визжала, принимая в сердце штык времен Германской войны.

– Главным элементом самой победоносной стратегии является вопрос: где взять деньги? Ибо чем победоносней стратегия, тем она дороже стоит, – мягко, голосом терапевта, произнес Стрижайло. – Я хочу предложить вам способы добывания денег, в общей сложности до пятидесяти миллионов долларов, что обеспечит победу на выборах даже при полном вашем бездействии.

Дышлов округлил глаза, неразгрызенная семечка повисла у него на губе. Он воззрился на Стрижайло, который повел пальцем по стенам и потолку, молчаливо вопрошая, можно ли продолжать, не являются ли смоляные сучки одновременно «жучками».

– Здесь чисто. Ребята мои проверяли, – успокоил Дышлов.

Некоторое время молчали. Было слышно, как пилят бревна на продольные доски, дерут дранку и щиплют лучину. Пахло квасцами и несвежими шкурами, – это в огромных бочках кисли и дубились овчины.

– Первым источником денег, до двадцати миллионов долларов, может стать Рой Верхарн, у которого в Лондоне случаются истерики и он только и ждет, куда бы потратить свои миллионы.

– Это невозможно. – Дышлов категорически отверг предложение. – Это не значит, что я не хочу принять деньги Верхарна. Ленин принимал еврейские деньги и ездил в plombированном вагоне. Но если пресса узнает, что Верхарн финансирует компартию, от нас останутся доли процентов. Я не могу рисковать.

Было слышно, как бабы шинкуют капусту, мужики лениво перебрасывают вилами навоз, конюх, запрягая битюга, повторял «Тпррр» и беззлобно ругался.

– Естественно, – тихо улыбнулся Стрижайло, – финансирование должно быть организовано так, чтобы не было непосредственной передачи денег Верхарна вам в руки. Для этого я разработал оригинальную схему. В оставшиеся до выборов месяцы создается фиктивная политическая партия с экстравагантным названием, например партия «Сталин» или «Товарищ Сталинград». Один-два представителя в регионе, банковские счета. В эту партию закачиваются деньги Верхарна таким образом, что «Сталин» их «отмывает», «сталинизирует», если угодно. Эта фиктивная партия поддерживает на выборах коммунистов, оплачивает из своего бюджета эфирное время, наглядную агитацию, прессу, все расходы по выборам, сама при этом не выдвигая кандидатов. Таким образом, коммунисты получают на местах финансовую поддержку и добиваются успеха. На стыке партии «Сталин» и КПРФ должен стоять, по моему убеждению, ваш соратник Семиженев. Он искушенный коммерсант и обеспечит перетекание денег, получит желанную для себя ультралевую, «сталинскую» окраску, увеличит свой общественный вес и весомее будет смотреться в вашей главной партийной тройке, усилив ее эффективность.

– Ты думаешь, Верхарн на это пойдет? – задумчиво произнес Дышлов, прислушиваясь, как его домочадцы солят огурцы, сушат грибы, квасят яблоки, отчего в кабинет проникали терпкие вкусные запахи.

– Если вы дадите добро, я немедленно полечу в Лондон и сумею убедить Верхарна. Он ничего не потребует взамен, так велика его ненависть к Ва-Ва. Вы направите в Лондон своего банкира и партийного казначея Креса, и он проведет тайные переговоры с Верхарном об окончательной сумме и о способах перекачки денег.

– Это интересно. Буду думать, – глубокомысленно сказал Дышлов. Было видно, что возможность приобретения двадцати миллионов долларов сделала его принципиально другим – по-ленински прозорливым, по-сталински беспощадным.

Мужики за окнами косили луг, точили косы, шелестели брусками. Бабы и девки сгребали зеленые копны. Молодые парни в потных рубахах метали стог, подавали вверх на деревянных навильниках сыпучие ворохи. Мужик с растрепанной бородой принимал охапки наверху, охлопывал вилами, проваливался в стог по колено.

Стрижайло видел, что Дышлов соглашается с его искусительным предложением, воображая, как громадная сумма долларов движется с Каймановых островов в партийную кассу КПРФ, проталкиваясь густым зеленым месивом сквозь его расширенную аорту, жадно бухающее сердце, кровяные капилляры, отчего розово-белый цвет его щек менялся на нежно-зеленый, словно гемоглобин уступал место хлорофиллу, и Дышлов превращался в огромное луковичное растение, усваивающее солнечный свет, влагу и удобрения, подмешанные в почву щедрой рукой Верхарна.

Коварный план Стрижайло начинал осуществляться. В джунглях предвыборных проблем, в колючей чаще финансовых вопросов, в непроходимых зарослях политических уловок Дышлову была указана безопасная светлая тропка, по которой он охотно пойдет своим разлапистым уверенным шагом. На этой розовой, в прозрачных тенях тропинке Стрижайло установит «растяжку» – тонкую струнку, прикрепленную к кольцу гранаты. Дышлов заденет струнку, и сотни жестоких осколков вопьются в его тучное, вальяжное тело.

– Есть второй источник финансирования. – Стрижайло потупил глаза, чтобы его предложение звучало интригующим, вкрадчивым. – Арнольд Маковский со своим «Глюкосом» желает участвовать в выборах. Хочет влиять на парламент, хочет присутствовать в партиях. Он готов купить места в ваших партийных списках, десять – пятнадцать мест, заплатив за каждое по два миллиона долларов. Тридцать миллионов Маковского и двадцать миллионов Верхарна, при широкой политической поддержке, сделают вас непобедимыми.

– Но ведь будет дикий скандал! Все скажут – коммунисты торгуют списками, продают олигарху голоса обездоленных, выдают с потрохами нефтяному магнату интересы трудового народа! Нас сотрут в порошок! – Нижняя губа Дышлова отвисла испуганно и враждебно, как если бы Стрижайло предлагал ему чашу с ядом. – Нет, это для нас невозможно.

– Я разработал операцию прикрытия, – произнес Стрижайло доверительно, мягко, как разговаривают с нервным недоверчивым пациентом. – Вы сделаете сенсационное заявление. Соберете прессу и расскажете о закрытом, строго засекреченном пленуме партии накануне распада СССР, когда партийные лидеры, предчувствуя катастрофу, готовились к многолетней «политической зиме». Они обратились к своим активистам, наиболее продвинутым в управлении, финансовой деятельности, банковской и промышленной политике, чтобы те внедрялись в новые экономические структуры. В совместные предприятия, банки, кооперативы. Учились играть на бирже, овладевали маркетингом, становились менеджерами. «Учились торговать», как говорил Ленин. Активисты откликнулись на призыв партии и внедрились в банки, акционерные общества, коммерческие предприятия и заняли в них видные места. Разбогатели, стали «новыми русскими». Не все преуспели. Одни не сумели приспособиться, разорились, пустили пулю в лоб, спились. Другие отвязались от прежних начальников, сожгли партбилеты, стали олигархами, богачами новой буржуазной элиты. Третьи регулярно платили членские взносы, чувствовали себя «агентами партии», заброшенными в тыл врага. К ним вы и обратитесь с призывом – вернуть партийные долги, помочь своими капиталами коммунистам в трудный период предвыборной кампании. Так Ной посылал с ковчега голубей. Одни погибали в водной стихии, другие не возвращались, достигая желанной земли, но третьи прилетали обратно, неся в клюве зеленую ветвь. Вы должны обратиться к богатым «агентам партии», чтобы они возвратились на родной ковчег КППРФ и принесли в клюве золотую ветвь. На ваш призыв откликнутся пятнадцать – двадцать богатых людей и открыто, на глазах у восторженного, благодарного народа подарят партии каждый по два миллиона долларов, которые будут деньгами «Глюкоса». Этих законспирированных людей Маковского народ на руках внесет в Думу, как своих героев, славных «красных разведчиков», обманувших коварных олигархов, вернувших народу деньги.

Дышлов восторженно смотрел на Стрижайло, забыв разгрызть очередную тыквенную семечку, торчавшую в его крепких зубах.

– Ну ты даешь!

Было слышно, как в саду девки обирают малину, поют крестьянские песни. Другие водили на лугу хоровод, краснея сарафанами, под которые норовил подлезть кудрявый пастушок-проказник.

Стрижайло видел, что Дышлов искусился на это головокружительное предложение, сулившее тридцать миллионов долларов. Уже думал, как их лучше потратить – обклеить крупные города рекламными плакатами со своим изображением на фоне Кремля. Устроить

по всей стране концерты песни и пляски с участием бессмертных, похожих на памятники Кобзона и Зыкиной. Закупить самые престижные телепрограммы, включая «Свободу слива» с элегантным телеведущим Зябликом Штуцером, чья огромная голова и маленькие детские ножки обворожили страну, и та верила Зяблику, как Патриарху Московскому. Дышлов, околдованный сладкой мечтой, уже праздновал победу на выборах. Стоял с огромным букетом ромашек, которые преподнесли ему пионеры Мытищ, в венке из васильков, что возложили на его могучее чело ветераны Вереи. Давал интервью международным агентствам, иронично отзываясь о проигравших конкурентах. Забыл о Стрижайло. А тот, пользуясь этой мечтательностью, устанавливал среди бочек квашеной капусты и мешков с овсом миниатюрное взрывное устройство с таймером и пульсирующим индикатором, который зловеще мигал в чулане, как глазок притаившейся крысы.

– Слушай, о чем я хотел тебя попросить. – Дышлов сильной ладонью подвинул по столу горстку семечек ближе к Стрижайло, что было знаком доверия и симпатии. – Я написал книгу «Русский взгляд», где в доступной, но и теоретической форме постарался объяснить понятие «русскости». Что есть русская политика, русская любовь, русская природа, русская дружба, русская песня, русская кухня, ну и, конечно, русская революция, русский коммунизм. Хочу использовать эту книгу в предвыборной кампании. Где найти деньги на издание?

Стрижайло снова потупился, скрывая насмешку. Дышлову дышалось неуютно в разреженной атмосфере крупных идей, на высоте орлиных замыслов, и он поспешил снизиться туда, где было достаточно воздуха и тепла и летали мошки, мотыльки и комарики. Заговорил о книге, которая выдавала в нем теоретика и отрывки из которой: «Русский квас» и «Русский веник» – были опубликованы в главной партийной газете.

– Нет проблем, деньги уже имеются. Я и сам думал об этом, когда читал ваши замечательные рецепты приготовления русского кваса – из хлеба, меда, хрена, ячменя, дубового листа, черной смородины, блинной муки, муравьиного спирта, козьего молока, молодых сыроежек, березовых почек, цветов одуванчика. Я подумал, что каждый из этих рецептов соответствует методике политической борьбы в Думе, на митингах, в пикетах, стачках и забастовках.

В законспирированном виде демонстрирует разнообразие средств, с помощью которых коммунисты придут к власти. Деньги на издание есть. Мы издадим ее роскошно, на гербовой бумаге. Привлечем для иллюстрации мастеров миниатюры из Палеха и Федоскина. Пусть ваша книга выглядит как евангелие «русской идеи», священный завет национального самосознания.

Было видно, какое удовольствие доставили Дышлову эти слова. Он приосанился, расправил плечи, увеличился в размерах. Стал еще больше походить на свой портрет работы Шилова, словно вышел из рамы. Держал на ладони горсть семечек, которые собирался сеять на неоглядной русской ниве, зная, что некоторые из семян попадут на горячие камни и засохнут, другие будут склеваны птицами, третьи задохнутся в терниях, но часть ляжет в плодородную влажную землю и из них вырастут огромные оранжевые тыквы сокровенных русских знаний – о добре и зле, войне и мире, государстве и революции.

Снаружи ревела гармонь, пели величальную песню, играли свадьбу. Жених и невеста садились в украшенные лентами сани, мчались во весь опор по румяным снегам, и окрестность стонала и гикала от неистовой русской гульбы.

Стрижайло представлял себе роскошную, с разноцветными иллюстрациями книгу, которую он превратит в мину-ловушку. Передаст ее Дышлову, и та лопнет в его руках смертоносным взрывом.

– Ну, теперь давай поговорим о конкретных мероприятиях избирательной кампании, – деловито произнес Дышлов, доставая блокнотик и собираясь записывать. Этих блокнотиков у него было множество. Он записывал в них мысли интересного собеседника, содержание

телепередач, прогнозы погоды, любившиеся анекдоты, выдержки из выступлений Президента и папы римского, а также некоторые абзацы из газеты «Оракул» – о различных аномальных явлениях. – Как думаешь, какие мероприятия следует провести?

Сквозь открытые окна было слышно, как крестьянские дети играют в лапту и горелки, девки поют коляды, парни, построив снежную крепость, берут ее штурмом, устраивают кулачные бои, суют под лед в прорубь церковного старосту.

– Нам следует предпринять серию совместных поездок в наиболее выигрышные точки, в сопровождении операторов ведущих телеканалов, чтобы ваши встречи тут же попадали в эфир. Я разработал перечень наиболее эффектных встреч, на которых вы предстанете державником, носителем левых взглядов, выразителем русской идеи.

За окнами освящали сельский храм, отпевали покойника, водили крестный ход в иссушенных засухой полях, вымаливая у Бога дождя. А также дрались, копали колодец, пили водку, усевшись вкруг перед черным противнем, на котором золотились поджаренные караси.

– Вы должны присоединиться к Маршу голодных ученых, которые пойдут пешком от подмосковного Протвина к столице, требуя ассигнований на науку. Мы поможем ученым плакатами, сделаем для них из папье-маше макеты атомов, молекул, электронных микроскопов, синхрофазотронов. Вы встанете в колонну и будете говорить в камеру о великой советской науке, которую разорили демократы.

Дышлов старательно записывал большими округлыми буквами. Было видно, что ему доставляет удовольствие равномерно покрывать бумагу ровными строчками.

– Вы побываете на голодовке чернобыльцев, ляжете рядом с ними на матрас, а мы позаботимся, чтобы камера снимала вас среди измученных лиц и счетчик Гейгера показывал повышенную радиацию. Вы лежа, обнимая одного из облученных, должны будете заклеить социальную политику власти.

Дышлов записывал, согласно кивал. Был похож на старательного ученика, выполняющего урок по чистописанию.

– Вы должны побывать среди бастующих рабочих, перекрывающих Транссибирку, требующих выплату зарплаты. Вам следует лечь на рельсы, чего так и не сделал обманщик Ельцин. Мы договоримся с машинистом тепловоза, чтобы он замедлил ход и остановил локомотив прямо у вашей головы. Камера это будет снимать, а вы из-под блестящего колеса станете говорить о народном лидере, готовом отдать за трудящихся жизнь.

Дышлов чуть улыбнулся, удивляясь выдумке талантливого политтехнолога, в котором не ошибся, приглашая на ответственную работу с высоким гонораром.

– И конечно, вы должны отстоять службу в церкви, приобщиться тайн, принять Святое причастие. Камера будет фиксировать, как вы подходите под благословение, вкушаете тело Господне, пьете Его мученическую кровь. Здесь вы будете молчать, но батюшка расскажет телекорреспонденту, что в церковной книге существует запись о том, как был крещен младенец Алексей Дышлов, покажет саму запись. Так вы станете вдвойне привлекательны для православных избирателей.

Дышлов хотел возразить, но передумал. Что-то подчеркнул в блокнотике, быть может, запись о том, чтобы оставшаяся в селе Козявине родня подготовилась к приезду именитого родственника, привела в порядок родовой запущенный дом.

– И наконец, вам следует совершить краткую поездку на Ближний Восток, в Палестину, в Рафаилу. Нанести визит осажденному Ясиру Арафату. Это резко повысит ваш престиж в мусульманских кругах, вызовет прилив энтузиазма среди наших башкир, татар и кавказцев.

– Вот туда нам летать не следует, – энергично заявил Дышлов. – Либо камнем башку пробьют, либо ермолку напялят у Стены Плача. Сделают жидом, не отмоешься. А татары и так меня любят. Я им анекдот расскажу. Вот идут по дороге русский, чуваш и татарин.

Нашли хорошую доску, дубовую, с дыркой. Стали спорить, кому достанется. Русский говорит – кто быстрее скажет «Дырка в доске», тому и достанется. И начал частить: «Дырка в доске, дырка в доске, дырка в доске...» Чуваш за ним следом: «Тырком тоском, тырком тоском, тырком тоском...» А татарин сказал: «Дыр-доска» – и взял себе доску. – Дышлов захотел, и Стрижайло вторил ему, так заразителен и простодушен был его гогочущий смех, открывавший крепкие, хорошо залеченные зубы с пломбами, которые поставил ему дантист 4-го управления Минздрава.

Снаружи провожали рекрута, плакали, целовались, пьяно пели. Новобранец едва держался на ногах. Поцеловал в засос девку и рухнул в телегу. Кони понесли, мать бежала вслед, а отец поднес к губам бутылку мутного самогона.

Список мероприятий был утвержден, и в каждое был заложен заряд с дистанционным взрывателем, который Стрижайло задействует легким нажатием кнопки.

Дверь в кабинет открылась, и на пороге появилась старушка, кругленькая, в домашнем платке, на нетвердых распухших ногах, в халатике, теплых тапочках, опираясь на палку. Ее лицо, болезненно-бледное, было красивым, наивным и старчески-милым, с бледно-голубыми блаженными глазками. Дышлов странно воспроизводил ее облик, укрупняя его в себе, делая мясистым и жилистым, словно этот облик из хрупкой стеклянной рюмочки перелили в алюминиевый грубый жбан.

– Вы уж Алешеньку не обижайте, – обратилась она к Стрижайло. – Он, Алешенька, добрый, открытое сердце. А на него столько напраслины наводят, столько дурного наговаривают, сердце у меня разрывается. Как по телевизору услышу, что его чернят и ругают, ну, думаю, сейчас умру, сердце мое материнское разорвется. Он ведь мальчиком был каким, собаки не обидит, всем помогает. Соседку нашу, когда в овраг завалилась, сам на руках вынес и в дом принес. Он комсомольцем кровь сдавал, по три дозы. Он качели для сестренки сам смастерил, и очень они любили качаться. Я говорю: «Алешенька, брось ты свою политику, поживи для души». А он: «Нет, мама, народ не пускает»...

Стрижайло видел, каким нежным и беззащитным стало мясистое лицо Дышлова, как потеплели его глаза, всегда тревожные и недоверчивые, а сейчас умильные и радостные. Между ним и матерью была тончайшая, из нежности и бережения, связь, в которой присутствовала печаль неизбежной разлуки, робкая надежда, что расставание случится не скоро и они еще будут вместе, повторяя друг друга своими круглыми лицами, голубыми глазами, неуловимыми интонациями костромского деревенского говора.

– Мама, вы заходите, садитесь, – приглашал ее Дышлов, указывая на низенькое креслице с мягкой подушечкой, приготовленное специально для матери.

– Я ему говорю: «Алешенька, дом-то наш в Козявине стоит заколоченный. Как тетка Анна померла, так он и стоит брошенный. Надо бы его тебе на себя записать, привести в порядок, крышу покрыть, обновить. Ты ведь большой человек. Может, люди, которые тебя любят, поддерживают, захотят в нем музей твой устроить. Тетрабочки школьные твои выставить, туфельки махонькие, которые я сохранила, фотографии твои, какой ты был кучерявый, красивый. Ты бы дом-то у племянников выкупил, сделал ремонт. Может, меня перед смертью свозил. Чтобы я посмотрела, пока глаза видят, на нашу березу, на которую ты лазил, и я все боялась, что сорвешься и впрах разобьешься». – Она смотрела на сына с обожанием, боготворя его, веря в его великую судьбу, предначертанный путь, который начался от родного дома, от белой березы и повел его все дальше и выше, до самых кремлевских звезд.

– Мама, да вы заходите, садитесь... – приглашал Дышлов.

Стрижайло чувствовал живые нити, связывающие сына и мать, питавшие обоих нежностью и любовью. Их привязанность к родовому гнездовью, к неведомому деревенскому дому, отсыревшему среди дождей и ветров. Созерцание этих хрупких связей, уязвимых и беззащитных, вызывало у Стрижайло не умиление, не сочувствие, а едкое и веселое раздра-

жение. Эти робкие связи можно разрубить и рассечь, лишая Дышлова благотворных токов, делающих его неколебимым и сильным. Их можно пережать невидимым зажимом, как сонную артерию, прерывая живительный кровоток, наблюдая, как меркнут глаза Дышлова, как синеет и умирает его лицо. Диверсант и разведчик, Стрижайло проник в святая святых врага, разведал его уязвимые точки, готов нанести смертельный укол.

Старушка повернулась, опираясь на палку, исчезла в дверях. Дышлов, улыбаясь, печально смотрел ей вслед.

– Ну что ж, мы все проговорили. Если будет ваша команда, я готов приступить к исполнению. – Стрижайло поднимался, прощаясь. – Маковский и Верхарн должны наполнить партийную кассу.

– Действуй. Но только осторожно и осмотрительно, – сурово соблаговолил Дышлов, провожая Стрижайло к выходу.

Тот уходил, покидая дачный участок, а казалось, что идет за околицу многолюдной деревни, где гонят вечернее стадо, топят печи, усаживаются многолюдными семьями за просторный стол. Ставят миску с похлебкой, черную сковороду с десятком запеченных яиц. По очереди тянутся деревянными ложками, подставляют под них пригоршни. И старейший в семье громко бьет по лбу нетерпеливого, нарушившего очередность мальчика.

Стрижайло извлек из кармана сотовый телефон. Нажал перламутровую кнопку «2», используя ее как взрыватель. Сзади грохнул огромный малиновый взрыв, полыхнуло раскаленное пламя. Деревня горела. Опаленные, бежали коровы. Летели обгорелые куры. Люди с воплями набегали на пожар, плескали из ведер слюдяную красную воду.

Стрижайло испуганно обернулся, – огромное малиновое солнце садилось в ели, и казалось, весь мир бесшумно горит.

Он вернулся в свою уютную, безлюдную квартиру в сиреневых сумерках и, улегшись на диван, испытывал неясное беспокойство, щемящую неудовлетворенность. Блестящее начало операции, обольщенный, доверчивый Дышлов, попавшийся во все расставленные ловушки, не доставляли ощущения абсолютной удачи. Томили тончайшая аномалия, неуловимый сбой, мешавшие насладиться первой, несомненной победой. Виной тому была круглолицая, немощная, наивно-светящаяся женщина, мать Дышлова. Она открыла Стрижайло свою нежную, беззащитную любовь, сберегавшую сына среди злосключений жестокого и беспощадного мира. Оба они, мать и сын, связанные робкой нежностью, поддерживали и спасали друг друга, отводя напасти, мечтая побывать когда-нибудь в родном селе, оказаться в родной избе, где каждый сучок в потолке, каждая зарубка на стенах напоминали о счастливых днях, о дружной многолюдной семье, когда вместе им было так хорошо. Он, Стрижайло, подглядел сокровенные связи, задумал их уничтожить. Это было как убийство спящего. Как отравление ребенка. Как донос на благодетеля, который приютил его в своем доме, обогрел, усадил за стол. Переживания, которые испытывал Стрижайло, напоминали давно забытые угрызения совести. Нарушали внутреннее равновесие, искажали «геном». Красная, ядовито-горящая спираль чуть померкла, замедлила неустанное вращение, придававшее Стрижайло неутолимую страсть к переменам, к изощренным новациям, к ослепительному творчеству. Голубая, бледная тень, напоминавшая тающее облачко, вдруг наполнилось светом, затрепетала, словно голубой язычок огня. Пробуждала ненужные и тревожащие воспоминания о бабушке, о ее чудной седой голове, о любящих нежных глазах. Так дает о себе знать ампутированная нога, наполняя оставшуюся от нее пустоту живыми биениями, сочным дрожанием мышц. Так вырванный с корнем язык вдруг начинает расти, выговаривая забытые несуразные слова.

Стрижайло прислушивался к «музыке молекул», замечая в ней едва уловимую фальшь. Как если бы в «Полете валькирий» Вагнера, напоминающем ревущий океан, обнаружилось

несколько сверкающих капель из «Этюд» Шопена. Как если бы в истерической трансой музыке «Нирваны» с Куртом Кобейном появилось несколько нот песни Пахмутовой «Надежда».

Это было опасно. Вносило разрушительную дисгармонию. Грозило разрушить план, обесценить случившееся озарение, перечеркнуть добытую в откровении истину.

Он поднялся, приблизился к заветному шкафчику из карельской березы, повернул нежно хрустнувший ключ. Ему открылось содержимое шкафчика, хлынули слабые ароматы пережитых наслаждений, тайных пороков, утоленных вождлений. Так пахнут ядовито-сладкие орхидеи, превращающие питательные соки деревьев в тлетворные благовония распада.

На него смотрели фетиши любовных связей, предметы, хранящие память о женских тайнах и прелестях.

Протянул в шкаф руку. С закрытыми глазами перебирал легкий шелк, тонкие бретельки, изящные пряжки и пуговицы. Пальцы ощутили нежную кожу дамской туфли, заостренный носок, отточенный крепкий каблук. Извлек туфлю, оставленную на память немолодой, но все еще великолепной женщиной, директором банка, которую привез к себе после пышного фуршета в «Президент-отеле». Смотрел на кожаное изделие, своим совершенством напоминающее скоростной перехватчик. Вспоминал, как выглядела сильная, с налитой икрой обнаженная нога, пышное белое бедро, играющие жилки на щиколотке. Как опустилась на край кровати сбросившая туфлю стопа с красивыми пальцами и сочным вишневым педикюром.

Приблизил туфлю к глазам. Кожаная стелька внутри была чуть стоптана, с полустертым золотым клеймом фирмы «Габор». На каблуке была крохотная царапина. Заостренный носок был в легких вмятинах, оставленных пальцами. Он вдыхал запах кожи, нежных лаков, едва уловимое благоухание, оставленное женской стопой, которое волновало его и дразнило. Терся щекой о теплую поверхность туфли, прикасался губами к изящному каблуку. Тронул языком золотое клеймо на стельке, почувствовав горьковатый, миндальный вкус, от которого заколотилось сердце. Он тер себе грудь туфлей, слыша шелестящее, трескучее электричество, видел сквозь закрытые веки прозрачные сиреневые сполохи, окружавшие любовный фетиш. Задохнулся от страсти, наполняя туфлю своей жаркой нетерпеливой плотью, которая заполняла все внутреннее пространство, пока не полыхнул бесшумный ослепительный взрыв, превращая туфлю в светило, на которое он молился, испытывал нежность, обожание. Смотрел, как светило гаснет, отекает жидким драгоценным жемчугом.

Умиротворенный, с восстановленным равновесием, лег в постель и заснул. Видел сквозь сон, как парит в ночном московском небе красная неоновая реклама – дамская туфля и обвивающая ее саламандра.

Глава 11

Он летел в аэробусе в Лондон, в бизнес-классе, положив на грудь крахмальную салфетку, поднося к губам толстый стакан виски. Перед ним на подносе красовались королевские креветки, подогнув мясистые хвосты, вытянув длинные усатые клювы. В иллюминаторе огромно и бело, как льдина, сияло крыло, дышали пышные, глотающие облака турбины. Еще в Шереметьеве, в ВИП-зале, он заметил казначея КПРФ Креса, его студенистое тело, строго-благожелательное лицо, розовые глаза, окруженные белыми свиными ресницами. Издали сдержанно кивнули друг другу, предпочитая не общаться, зная, что обоих, в разных местах Лондона, в различное время поджидает один и тот же человек – Рой Верхарн. В хвостовых рядах аэробуса, в экономклассе, сидели два молодых человека сдержанного вида. Один похожий на цыгана, смугло-лиловый, с обвислым носом. Другой коротко стриженный, светлый, с холодными глазами вышибалы. Это были агенты ФСБ, сопровождавшие в Лондон Креса после того, как Стрижайло поведал Потрошкову часть своего авантюрного замысла.

Внизу, покрытая облаками, Европа отдыхала от холодной войны, наивно полагая, что Россия навсегда перестала быть империей и русским танкам никогда не дойти до Эльбы и Одера. Стрижайло, глотая виски, тонко улыбался заблуждению сибаритствующего континента.

По странному совпадению в Лондон в тот же день прибывал Президент России Ва-Ва, на встречу с загадочным «другом Тони». Предусматривался визит Ва-Ва к британской королеве, у которой стремительно портился характер, причиной чего было невыносимое поведение принца Чарльза. Взрослый оболтус, скверными поступками и развратным нравом толкнувший принцессу Диану в объятия исламского фундаментализма, не мог пережить известие, что она была беременна арабчонком. После ее смерти не занимался делами королевства, а только лошадьми и конюшней, до такой степени, что стал походить на горбоносого жеребца и при встрече с королевой производил фыркающий звук и брыкающий жест. Обо всем этом собиралась рассказать королева русскому Президенту, имевшему в династических и придворных кругах репутацию деликатного слушателя. Стрижайло забавляла мысль о двух параллельных переговорных процессах, – своего и Верхарна, британской королевы и Президента Ва-Ва.

Переговоры с Верхарном должны были резко продвинуть его проект – связать КПРФ с олигархом, перепутать их интересы, соединить деньги с политикой, ложь с истиной, глупость с гениальностью, демократию с преступлением. Этот великолепный коктейль он взбалтывал в стакане, глотая горькую смесь шотландского самогона и дубильных веществ.

Полет протекал на высоте 10 тысяч метров, со скоростью 850 километров в час, с температурой за бортом минус 22 градуса. Одна стюардесса, толкавшая тележку с напитками, пахла духами «Палома Пикассо», а ее подруга благоухала «Л'Эр дю Тан». Под эти дивные ветерки он задремал, а проснулся над Ла-Маншем – стальная туманная рябь, белые мазки пены с заостренными наконечниками кораблей, тусклое солнце Темзы и чешуйчатая земля, куда тяжеловесно снижался аэробус, доставляя в Хитроу груз, не имевший ни веса, ни цвета, ни запаха, – гениальный проект Стрижайло.

На автомобиле, который прислал Верхарн, он добирался в отель, застревая в пробках, среди красных двухэтажных омнибусов, старомодного вида такси, не тяготясь простоями. С удовольствием рассматривая викторианские особняки, помпезные здания империи, памятники, музеи и банки. Водитель передал ему зазвонивший телефон.

– Приветствую вас, Мишель, – услышал Стрижайло торопливый, задыхающийся голос Верхарна, напоминавший стрекот сороки. – Нормально долетели?

– Рад слышать, Рой. Спасибо за машину.

– Я предлагаю поступить следующим образом. Вас привезут в отель. Вы положите вещи, отдохнете час, и та же машина доставит вас ко мне. Мы поговорим. Потом я отвезу вас в отель, сделаю некоторые неотложные дела в городе, вечером приеду к вам, и мы продолжим разговор.

– Я в вашем распоряжении, Рой. Жду с нетерпением встречи.

Автомобиль остановился перед чопорным отелем «Дорчестер», у каменного подъезда, где служители в долгополых макинтошах приподняли цилиндры, приветствуя Стрижайло поклоном:

– Добрый день, сэр.

Пропустили его к стеклянным поворотным дверям, сквозь которые Стрижайло проник в теплый, благоухающий холл. Все было великолепно – мягкие паласы, массивный ключ от номера с тяжелым набалдашником, бесшумный, вкусно пахнущий лифт с мелодичным звонком, роскошный номер с сумеречной таинственной спальней, светлым кабинетом, библиотекой, баром и пленительным видом на Гайд-парк, где было тесно от пышных зацветавших деревьев.

Стрижайло, кинув саквояж на диван, прошелся пританцовывая по комнатам, испытывая удивительную легкость и безответственность. Одна империя, из которой он улетел, перестала доставать его своей изнурительной гравитацией, а другая, куда он прибыл, была не его, необременительна, не тяготила сегодняшними проблемами и вчерашним прошлым – ни Трафальгарской битвой, ни покорением Индии, ни хромым Байроном, ни гомосексуальным Уайльдом, ни мистическим империалистом Киплингем. Гравитация этой империи была столь мала, что он чувствовал себя как астронавт Армстронг на Луне, перемещаясь легкими большими скачками, словно кенгуру, – от бара к дверям туалета, от сверкающего стекла и фаянса к библиотечным полкам, где стояли потрепанные книги позапрошлого века. Сочинения давно забытых романистов, наполнявших номер прозрачным дымом сгоревшей эпохи дирижаблей и пароходов.

Через час, сменив дорожное облачение на легкий светлый костюм и свободные туфли, небрежно повязав шелковый галстук и чувствуя себя Джорджем Брюммелем, исповедующим дендизм, он подкатывал к загородному замку Верхарна.

Каменные, с чугунной решеткой ворота. Солнечное, с цветниками и фонтаном подворье. У входа в замок зоркая охрана в пиджаках, с портативными рациями, расставила упругие ноги, сложила на животе сильные руки. Выделялся огромный угрюмый араб с синим, бритым наголо черепом, служивший, как говорили, во французском Иностранном легионе, и холеный, упитанный дог с переливами черной шелковой шерсти. Протискиваясь бочком сквозь охрану, маленький, щуплый, с худым, искривленным тельцем, Верхарн открывал объятия, приветливо улыбаясь малиновым ртом, полным крепких кривых зубов. Обнимая его, Стрижайло испытал искушение сжать покрепче утлые плечи, чтобы почувствовать, как жалобно хрустнет косточка и раздастся замирающий вопль придушенного котенка.

– Замечательно, что прилетели, Мишель. Ну что вы там в Москве – совсем сдурели? Будете выборы выигрывать или брать власть? – Говоря это, Верхарн повел гостя в замок, в прохладные, бесконечные залы, гостиные, диванные, с потертыми гобеленами, потускневшими картинами, рыцарскими доспехами, бегло показывая Стрижайло свое знаменитое жилище, ставшее ему убежищем после бегства из враждебной России. В этом замке, баснословно дорогом и роскошном, укрылся беглец от мстительного Президента Ва-Ва, вместе с очаровательной женой и детьми, челядью, поварами, садовниками, горничными, массажистами, врачами, музыкантами, стрелками из арбалета, дегустаторами вин, настройщиками клавесина, приживалками, которые тотчас потянулись к беспокойному, щедрому богачу, докучая ему нелепыми просьбами, пустыми заботами, дурацкими предложениями, завистливыми, голодными глазками неудачников и попрошайек.

– Ну, Мишель, рассказывайте московские новости!

Теперь они сидели на просторном каменном подиуме по другую сторону замка, откуда раскрывался божественный вид на туманные, зелено-голубые дали, где притаились тени королей и разбойников, обитали в дубравах кельтские духи, прятались вольные стрелки Робин Гуда, двигался на тяжелом, облаченном в латы коне Ричард Львиное Сердце. Великолепный газон от самых ступенек замка снижался к прудам, в которых отражалось тусклое солнце, и несколько громадных деревьев были окружены черно-синими густыми тенями. На столе красовались два бокала с красным вином. Служитель принес мягкие, шитые серебром подушки, положил на удобные кресла. Сладкий ветер летел над замком, благоухая цветами, соком скошенных трав, прохладой близкого моря.

– Москва готовится к выборам. Кремль, партии, олигархи, спецслужбы, губернаторы – все охвачены предвыборной лихорадкой. – Стрижайло пригубил рубиновое вяжущее вино, наслаждаясь видом, где все – голубые холмы, далекие дубравы, теплый туманный воздух с неясным проблеском птицы, каменные ступени, увитые плющом, чудесные дымчатые агавы, окружавшие замок, – все принадлежало Верхарну, и казалось необъяснимым, что всего этого ему недостаточно, в этом райском лондонском предместье он не обрел душевного покоя, его страстная, честолюбивая, оскорбленная душа мчится в угрюмую, перевернутую вверх дном Россию, где столько крови и слез. – У коммунистов столь высоки шансы, что к ним начинают льнуть их недавние враги. Я говорил, что Маковский вознамерился стать Президентом, ищет у коммунистов поддержки.

Верхарн нетерпеливо и страстно передернул худыми плечами. Его желтоватое лицо раздраженно задергалось. Маленькие черные шарики глаз стали метаться, отыскивая среди разнообразия ближних и дальних предметов, передних и задних планов точку, на которую он мог бы опереться архимедовым рычагом, чтобы перевернуть абсурдный мир, действующий не по его законам. Этой точкой оказался кончик носа Стрижайло, который ощутил горячее прикосновение огненных угольков.

– Арнольд Маковский мудака, у которого усыхают яйца. Его рыжий глаз ненасытного ястреба стал слепнуть. Он утратил вкус живой крови. У него вырвут глаз, залепят пластилином и посадят в клетку. Когда он начинал свой бизнес, он не уставал убивать. Он добывал нефть из трупов. Убитых конкурентов спускали под лед десятками в среднем течении Оби, и те всплывали летом в низовьях, под негаснущим солнцем, с отрешенными лицами, верящими в справедливость. Маковский хотел взорвать меня, поднял на воздух мой «мерседес», и это был поступок воина. Теперь же он мечтает войти в закрытые клубы Европы, сесть за один стол с Рокфеллером и стремится обрести респектабельность. Он заказывает дурацкие мюзиклы о «Городах счастья», помогает сироткам, берет на содержание писателей с обосанными штанами, вместо того чтобы убивать, как это делают американцы в Ираке. Цены на нефть не должны опережать цены на донорскую кровь. Как только мстительный Ва-Ва поймет, что Маковский становится для него конкурентом, он его уничтожит. Отберет месторождения, выколет глаз, посадит в клетку и повезет, как Емельку Пугачева, по ненавидящей, нищей России, зарабатывая себе на этом баснословный рейтинг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.